

Марина Шандлер

**Комната с видом
на звезды**

Много лет назад в подсобной комнате старого института произошли странные события, неясные следы которых хранятся там по сей день. Главная героиня романа Кристина поступает на первый курс Медицинского института и даже не подозревает, какие тайны скрываются в стенах здания. Удастся ли ей распутать клубок загадочных явлений и поставить точку в истории, что никак не может закончиться?

Глава 1

Это было утро первого сентября две тысячи восьмого года. Холодный и пасмурный день, который никогда не изгладится из моей памяти. Судьба, что оделась нынче в туман и ветер, уже шагнула на тропу, ведущую в прошлое. И моя юность встретилась с ней на этой тропе. Пройдет время, и я смогу разглядеть сквозь туман очертания женщины, чьи глаза полны безумия и скорби. Они устремлены в растворенное над миром звездное небо, играющее песнь, понятную лишь ей одной. Пожалуй, мою историю написали задолго до того, как она произошла на самом деле, и я, подобно бумажному кораблику, подхваченному проворным руслом реки, устремилась по шумным водам жизни.

А вот с чего все началось. Я поступила в медицинский институт и сейчас собиралась в главный корпус на собрание первокурсников. Родители уже уехали на работу, и дома со мной осталась только бабушка. Когда-то давно она закончила то же самое учебное заведение, и сегодняшние события будто вернули ее в молодость.

Я проверяла, все ли взяла с собой. Бабушка в это время снабжала меня массой заданий, связанных с ее давнишней учебой. Например, посмотреть, остались ли на месте стенды с портретами преподавателей и все в таком роде.

— Идем со мной, — попросила я бабушку и хитро заулыбалась. — Ты же хочешь, я вижу!

Но бабушка покачала головой и тоже улыбнулась.

— Нет, Кристин, мое время в том месте давно закончилось, — ответила она. — Плохая примета вернуться.

Я знала, что бабушка непреклонна в своих решениях, а потому не стала переубеждать. Поцеловав ее в щеку, я скрылась за дверью. На улице осеннее утро неприветливо встречало спешащих на работу людей, и северный ветер безжалостно трепал мои длинные темные волосы. Но ничто на свете не могло заставить меня сегодня грустить. Мне было семнадцать лет, и в моей душе цвели розы.

За двадцать минут автобус довез меня до нужной остановки. Пересекая пешеходный переход, я воображала, как много лет назад моя бабушка точно такой же дорогой пришла сюда юной студенткой. О чем она думала тогда? Верила ли в свое будущее так же, как верю сейчас я? Или та эпоха напрочь отбивала желание мечтать? Вопросы роились в моей голове точно стая встревоженных птиц.

Еще издали я заметила пятиэтажное полукруглое здание университета, построенное из красного кирпича. На его территории были разбиты цветочные клумбы, стояли скамейки, а чуть поодаль росли молоденькие березки. У ворот толпились студенты. По мере приближения к ним в моей душе росло воодушевление, какая-то радость новизны, необъяснимое счастье. Я никого там не знала, но мне было безумно приятно войти в эту шумную, веселую толпу. Группа парней, отчаянно хохочущих и толкавших друг друга, пропустили меня вперед ко входу, и кто-то открыл дверь. Весь этот мир, казалось, улыбался и говорил: «Вперед! Смелее!»

Собрание назначили на третьем этаже в актовом зале, и я стала подниматься по

центральной лестнице, которая была мне слишком хорошо знакома. Я видела ее на старой черно-белой фотографии бабушки. Она стояла здесь вместе с двумя подругами, сестрами-близнецами. В институте девушки были неразлучны, но после окончания учебы их судьбы больше не пересекались.

— Мои самые лучшие подруги за всю жизнь, — говорила бабушка, неизменно вздыхая и с грустью вглядываясь в снимок. — Одно лицо на двоих...

Нельзя сказать, что фото было необычным. Скорее, наоборот, очень будничным и простым. Но каждый раз, стоило мне взять его в руки, появлялось странное чувство. Наверное, что-то похожее испытывает человек, глядя на взлетающие в небо самолеты.

Я подошла к актовому залу и проскользнула внутрь, заняв место поближе к двери. По сцене сновали ребята и девушки, проверяющие работу аппаратуры. Зал был заполнен студентами, родителями, преподавателями. Словно маленькая девочка перед началом представления в цирке, я смотрела по сторонам и не могла перестать улыбаться. Сегодня волшебный день, я была в этом уверена.

На сцену поднялся директор института, Муромский Михаил Васильевич. На вид ему можно было дать лет пятьдесят, пятьдесят пять. Его густые волосы давно сменили свой цвет на серебристо-белый. Некогда зоркие глаза сейчас пронизательно смотрели на каждого сидящего в зале сквозь хрупкие стеклышки очков. Сперва он, а затем и множество других начальников, заместителей, заведующих и прочих руководителей, принялись поздравлять поступивших. Среди преподавательского состава я заметила одного забавного старичка с тростью. При ходьбе он чуть прихрамывал на левую ногу. Багаж собственного жизненного опыта был для него чересчур тяжел, а потому он постоянно стремился поведать о нем кому-либо. Теперь старичок нашел парочку жертв, несмышлёных первокурсников, и с глазами влюбленного нищего рассказывал им нечто. Бедные студенты, не зная, как вести себя, ограничивались кивками и улыбками.

Примерно через час я поняла, что не слышу ни слова и бессмысленно смотрю на блестящий капюшон девушки, сидящей впереди меня. Казалось, поток желающих высказаться сегодня не иссякнет. От происходящего на сцене я довольно быстро утомилась и подумала о том, что неплохо бы выйти на воздух. Может, удастся хоть немного скоротать время. Я собиралась встать, но почувствовала легкий толчок в плечо и обернулась.

«...Все самое лучшее случается неожиданно», — кажется, это сказал Маркес. Однажды мне пришлось раз и навсегда поверить в эти слова как в молитву. Так уж сложилось, что многое, чем я дорожу, появилось в моей жизни волею случая. Например, все близкие друзья сами находили меня, не давая мне ни малейшей попытки к бегству.

Вот и сейчас, обернувшись, я поняла, что передо мной еще один подарок судьбы. Сзади сидела девушка, по выражению лица которой сразу видно, — это типичная милая зануда. К слову, я обожаю зануд. Они всегда немного оторваны от этого мира, и потому с ними так легко. С обычными, нормальными людьми я никогда не могла почувствовать свободу.

У моей собеседницы были каштановые волосы с медным отливом. Она улыбалась, и в ее серых глазах плескались утренние воды моря.

— Заколебали! — приглушенно воскликнула девушка. По залу уже давно ходил шепоток пришедших, все устали и не могли дождаться окончания церемонии.

— Да уж, — улыбнувшись, я кивнула, не зная, что еще сказать. Но прелесть милых зануд как раз в том, что они и без меня прекрасно могли находить тему для разговора.

— Ты на сайт не можешь залезть распписание глянуть? Вроде уже вывесили, —

попросила девушка, и я поняла, что она все еще относится к той малочисленной группе молодежи, которая не обзавелась мобильным интернетом. Я нашла расписание и протянула телефон девушке со словами:

— Изучай, а мне надо выйти.

Так как абсолютно никому не было до этого дела, я незаметно покинула актовый зал. Коридор к этому моменту уже опустел, и непривычная тишина заполнила кирпичные своды института.

Я не спеша шла в левое крыло корпуса. В конце виднелся светлый холл с просторным входом, и чьи-то смеющиеся голоса доносились оттуда. Приблизившись, я заглянула внутрь и увидела, что из холла вели три двери. Так, отсюда можно было попасть в библиотеку, читальный зал и, видимо, одну из лекционных аудиторий. У стены в ряд были расставлены стулья. А посреди холла красовалась скульптура в виде молодого человека с кипой книг на одной руке и устремленным вперед взором. «Памятник студенту», — подумала я, вспомнив рассказы бабушки. Признаться, мне он представлялся несколько иначе.

Рядом с памятником крутилось двое парней. Один из них был мне незнаком. Второго, высокого и светловолосого, я узнала сразу. Это мой старый приятель Максим Давыдов, живший практически на соседней улице. Я помню, как вместе с ним и другими детьми мы поначалу играли в песочнице, потом гоняли в футбол и лапту. А одним летом, как-то вдруг, к нам с подругами пришли не мальчишки, а взрослые парни, да и мы перестали носить скромные косы. Тогда казалось, будто все повзрослели в один день... Но эта теплая дворовая компания через какое-то время распалась. Кто-то уехал из города, кто-то нашел новых друзей. Толком и не вспомнить, как вышло, что мы с Максимом продолжали поддерживать дружескую связь. Видимо, в какой-то момент мы оба были одиноки, и это нечаянно сблизило нас.

В этом году Максим перешел на четвертый курс медицинского института. Узнав, что я все-таки решила поступать в медицинский, он закидал меня во Вконтакте кучей электронных пособий по анатомии, гистологии и множеству других незнакомых наук, сдобрив все комментариями и наставлениями. Видимо, роль воспитателя ему пришлось по душе, и я не смела возражать. Лишь хохотала перед монитором, скачивая обучающие книжечки.

Сейчас Максим подкладывал на голову памятнику что-то, похожее на небольшую горелку. Как он закрепил ее там, оставалось загадкой, однако пламя, вырывавшееся из затылка окаменевшего студента, выглядело впечатляюще. Мне вдруг стало страшно. Воображение мигом нарисовало картину, в которой горелка падала на пол, и начинался грандиозный пожар. Но парни хохотали от души и нисколько не волновались о последствиях. Дружок Давыдова достал из портфеля листок с заранее напечатанным текстом и ловко прицепил его к руке памятника. Когда он отошел, я смогла разглядеть следующие слова: «Оставь надежду всяк сюда входящий»[1]. Неизвестно, что еще учудили эти двое, если бы рядом со мной вдруг не раздалось чье-то вежливое, но довольно громкое покашливание. Парни мигом перестали веселиться и повернулись на голос. Я сама вздрогнула от неожиданности и, взглянув в сторону, поняла, что рядом стоит мужчина лет сорока пяти, который вполне мог оказаться преподавателем. По его губам блуждала печальная усмешка, а за каждой тонкой морщиной, резавшей смуглое лицо, притаилась

история.

— Господин Герострат[2] и сеньор Данте, — произнес он, глядя на эту парочку. Его сравнение показалось мне забавным, хоть обстановка вовсе не располагала к веселью. Попасть в неловкую ситуацию в первый же день учебы далеко не самая лучшая перспектива.

Парень, что прицепил надпись, бросился к памятнику, кое-как потушил горелку и смял листок. Оба переглянулись, не зная, что делать дальше.

— Никак не могу понять, кто же вы, — тут мужчина обратился ко мне, и усталая вечность посмотрела на меня со дна его глаз.

— Простите, Константин Александрович, она здесь не при чем, — вмешался «Герострат», пока я в растерянности не могла произнести ни слова. — Она просто проходила мимо...

— Ваше благородство делает вам честь, Давыдов, — произнес преподаватель и опустил взгляд, словно хотел скрыть свой смех от нас. — Будьте так добры, следуйте за мной вместе со своим приятелем. А вам, я полагаю, следует вернуться на церемонию, девушка, которая просто проходила мимо.

Меня не пришлось просить дважды, и через секунду я уже слиняла от них как можно дальше.

К моменту моего возвращения собрание уже завершилось. Коридоры вновь наполнились смехом и криками. Тут я осознала, что понятия не имею, где искать милую зануду, пропавшую вместе с моим телефоном. Вокруг мелькали одни незнакомые лица, и вот, когда я уже мысленно попрощалась со средством связи, то внезапно заметила девчонку. Наши взгляды пересеклись примерно в одно время, и мне показалось, что она даже подпрыгнула от радости.

— Я тебя обыскала! — заявила она, отдавая мне телефон. — Наконец-то все закончилось! У тебя какие планы? Можно...

— Кристина, — я перебила ее и протянула руку. Не сделай я этого, боюсь, мы бы еще долгое время обходились без имен.

— Настя, — девушка быстро пожала мою руку.

— Очень приятно. Ну, что, идем, или ты кого-то ждешь? — я кивком подозвала ее к лестнице, и мы спустились вниз. На завтрашнее утро назначили лекции, и Настя предложила встретиться перед занятиями. Я пообещала не опаздывать, села в подъехавший автобус, и он не спеша повез меня к дому.

Самым любимым временем для меня был вечер, когда вся семья собиралась за столом. Мы жили в трёхкомнатной квартире в центре нашего маленького городка. Моя мама — школьная учительница по русскому и литературе. Она всегда приносила к ужину ворох историй о том, что еще натворили ее подопечные. У мамы, как и у всех женщин нашей семьи, были темные, почти черные волосы и большие карие глаза. Короткая стрижка до плеч очень шла к ее правильному, но уже слегка тронутому морщинками лицу.

Отец работал инженером в строительной фирме. Там с веселыми историями было туговато, а потому за ужином он больше молчал, слушал и временами подкидывал уморительные шутки. В этом году ему, как и маме, исполнилось сорок три года. Он любил

носить черное длинное пальто с широким вязаным шарфом. А в своих одетых на переносицу очках выглядел как какой-нибудь известный профессор. Но время и жизнь не прошли для отца даром, седых волосы у него было гораздо больше, чем можно предположить.

Иногда к нашим вечерним посиделкам присоединялась бабушка, жившая недалеко от нас. Я точно не знала, но кажется ей было около семидесяти. Вообще не люблю считать чужой возраст, как, впрочем, и свой собственный. Предпочитаю полагать, что подобная цифра имеет поверхностный смысл и уместна лишь в одном случае, — при заполнении документов. Жизнерадостность бабушки, умение держать себя в руках и продолжать достойную жизнь не могли не восхищать. По вечерам, кутаясь в длинный плащ и белый пуховый платок, она выгуливала Зевса. Это ее обожаемый питомец, добродушный озорной бигль,^[3] ростом едва достигающий колена. На его белой шерсти проступали большие коричневые и черные пятна, а огромные глаза смахивали на разлитые темные чернила.

После прогулки бабушка заходила к нам. Когда умер дедушка, мы все уговаривали бабушку перебраться в нашу квартиру, но она отказалась.

— Я всю жизнь прожила в том доме, и теперь не собираюсь бежать от призраков, — посмеиваясь, говорила она. — Да и Зевсу совсем не понравится, что придется засыпать в новой постели, правда, малыш?

И лопоухий бигль с протяжным лаем бросался к ней. Бабушка хохотала, гладила его блестящую шерсть и терпела прикосновения мокрого прохладного носа. Сегодня бабушка ужинала с нами, предвкушая мой рассказ о первом дне в институте. Зевс бегал по кухне, то прячась под столом, то сворачиваясь около стены. Отец подшучивал над ним, кидая поролоновый маленький мячик к его лапам. А мама уже раскладывала по тарелкам мое любимое блюдо, — макароны и обжаренное до корочки мясо. От еды исходил изумительный запах, и я тут же принялась уплетать порцию. Пользуясь моментом, мама атаковала бабушку расспросами о ее здоровье, давлении и своевременном приеме таблеток. Бабушка авторитетно заявляла, что о медицине ей известно больше всех присутствующих, а потому она не нуждается в лекциях.

— Тебе пора понять, моя дорогая, что еще не изобрели такой таблетки, от которой я проснулась бы однажды утром и вновь обратилась двадцатилетней девочкой, — посмеивалась бабушка.

— Так, а ты, разведчик? — отец кивнул мне, подмигивая. — Чего молчишь? Рассказывай давай, как там у тебя на фронтах? Как институт?

— Все просто улет! — заявила я. — Бабуль, я не знаю, где стенд с фотками преподав, особо времени не было поискать, завтра может. Зато я видела памятник студенту.

— Он еще цел? — покачала головой бабушка.

— Еще как цел, — усмехнулась я. — Сегодня два типа пытались прицепить ему на голову горелку!

О том, что среди этих типов был Давыдов, которого хорошо знали все в моей семье, я говорить не стала. Максим служил основным объектом для подшучиваний отца и надежд мамы в отношении моего будущего. Последнее я не разделяла, поэтому старалась по возможности не упоминать о Максиме.

— Вандалы! — захохотал отец.

— Потом пришел препод и пригласил их на беседу, — продолжала я. — Не знаю, что им теперь будет, спрошу, если еще пересечемся...

После ужина мы пили чай, а мама рассказывала про некоего Сережу Вяткина, который в

объяснительной написал, что отсутствовал всю неделю в школе, так как хоронил ежа. Мы смеялись, я смотрела, как от моей кружки поднимался пар, и это было самое уютное зрелище на свете.

Я забежала в комнату, собираясь показать родным свой студенческий, который был заброшен в стол. Открыв ящик, рука нащупала гладкий снимок, и я удивилась. Это была та самая фотография бабушки в университете вместе с сестрами-близнецами. Но я не припоминаю, чтобы клала фото сюда. Может, оно выпало из альбома в прошлый раз, а мама забросила ко мне в ящик?

Я взглянула на изображение и улыбнулась. Бабушка была очень красивой, — необыкновенное сочетание юного лица и мудрого, пронизательного взгляда. Из коридора послышались шаги. Это пришла мама и решила узнать, чего я тут копаюсь.

— У вас в глазах один огонь, — она приобняла меня за плечи, глядя на бабушку. О нашем сходстве с бабушкой говорили все родственники, и мне это было безумно приятно, хоть я и считала, что они мне льстят. И тут что-то показалось мне странным. Что-то на самой фотографии. Я вглядывалась в изображение, которое, как мне казалось, прочно впечаталось в память, но ничего не находила. Мама настойчиво пыталась вернуть меня к реальности и к столу, поэтому пришлось отложить фото обратно в ящик. Но внезапно возникшая тревога продолжал звенеть еле слышным колокольчиком в голове.

Вскоре бабушка засобиравалась домой. Зевс вертелся у входной двери, явно скучая по родному коврику, лежащему у кровати хозяйки. Тогда я накинула олимпийку и отправилась провожать бабушку.

На утро стояли две лекции по анатомии, затем лекция по гистологии и органической химии. Как и договаривались, мы встретились с Настей у ворот университета, придя практически в одно и то же время, и вместе пошли в аудиторию.

— Кстати, если ты не в курсе, мы с тобой в третьей маленькой группе, а вон наш староста, Паша Кобзев, — информировала меня Настя, когда мы заняли два места на пятом ряду. Я проследила взглядом в указанном направлении и увидела пухленького паренька, с серьёзным видом разглядывающего остальных студентов. Помимо воли я засмеялась, — ну как в семнадцать лет можно иметь такое выражение лица? Как будто вся тяжесть мира поселилась в его капюшоне! «Может и правда поселилась!» — оговорил меня голос совести.

— Какое совпадение, что мы с тобой в одной группе, — заметила я.

— А это и не совпадение, — хихикнула девушка. — Я решила перевестись к вам.

— Круто, теперь я точно не буду одна, — мне и правда стало как-то спокойней. А то уже порядком надоела моя вечная история, когда все мигом находят себе друзей, а я сижу за пустой партой и вроде бы подруга со всеми, а на самом деле — ни с кем.

Чуть позже мы понемногу познакомились со остальными ребятами, сидящими рядом. Кто-то показал фото списка, где все распределены по группам, и мы с Настей узнали, что в нашей группе десять человек.

— Ну, что, студент Лебедева, готова вступить на тропу медицины? — спросила я, желая попробовать на вкус фамилию новой подруги.

— Так точно, кэп Матвеева! — отрапортовала Настя, и я как всегда вздрогнула, услышав свою фамилию. Вскоре в аудиторию вошел преподаватель, и все, мигом притихнув, встали.

— Доброе утро, присаживайтесь, — произнёс вошедший, и я поняла, что это тот самый

человек, который застал Максима с его другом за поджиганием памятника.

— Я заведующий кафедры анатомии, профессор Одинцов Константин Александрович. Прежде, чем мы начнем, хочу вас поздравить с началом обучения, с поступлением в наши стены. Надеюсь, это будет продуктивное время как для вас, так и для нас.

Он улыбнулся, и в аудитории раздались аплодисменты. Тем временем, профессор Одинцов уже открыл презентацию, и на первом слайде обозначилось: «Анатомия как наука. Введение в анатомию человека».

Константин Александрович рассказывал очень интересно. Студенты опомниться не успели, как две лекционные пары закончились. Впереди был получасовой перерыв, и мы с Настей отправились в буфет. Нам следовало спуститься по центральной лестнице на первый этаж и повернуть направо. Как раз там находился большой буфетный зал.

На уровне второго этажа лестница переходила в небольшую площадку. Стоило мне приблизиться к этому месту, как вчерашнее чувство тревоги вновь нахлынуло. Я остановилась, не понимая, в чем же дело. Мимо, крича и смеясь, проходили другие студенты. Чтобы никому не мешаться, я отошла к стене и осмотрелась, совершенно не зная, что я ищу. Ясно было одно, — все дело в фотографии. Что-то на ней было, что-то засело в подсознании, и вот я наконец поняла, что именно. Под удивленный взгляд Насти я прикоснулась к стене. Сейчас ее оклеили в обои серого цвета, но под ними все равно угадывался этот контур.

— Кристин, да в чем дело? — не понимала Настя. — Ты как сомнамбула тут выросла!

— Смотри, — не обращая внимания на ворчание подруги, я указала ей на выпирающие стыки. — Видишь? Тут была дверь!

Сейчас я понимала, что именно не давало мне покоя все это время. Там, на фотографии, позади трех подруг виден темный просвет двери. Сейчас же стена была глухой. Дверь замуровали, но то ли недостаточно хорошо выполнили работу, то ли это не слишком кого-то заботило. Стоило приглядеться, и на стене явственно проступали контуры большого прямоугольника.

— Господи! Дальше-то что? — искренне не понимала Настя. — Была и была. Слушай, пошли отсюда, на нас уже пялятся как на идиотов.

В целом, это было правдой. Мое расследование потихоньку привлекало внимание проходящих мимо студентов. Девчонки с нашего курса, имен которых я пока не запомнила, свесились с лестницы и с улыбками перешептывались.

— Ладно, валим, — согласилась я, не собираясь прослыть чокнутой, но напоследок как можно незаметней постучала по стене. Не могу утверждать этого наверняка, но звук показался мне таким, будто там не глухая стена, а какое-то пространство.

Мы спустились в буфет и, пока Настя покупала нам булочки с чаем, я заметила за одним из столов Максима. Он сидел в компании ребят, среди которых был и так называемый Данте, и пытался наколоть какое-то произведение здешнего повара пластиковой вилкой.

— Видишь того парня? — я указала на Давыдова. Настя улыбнулась, потихоньку приближаясь к кассе.

— Симпатичный, — кивнула она. — И, кстати, пялится на тебя.

— Перестань, это мой друг, — мне стало смешно. — Сядем к ним?

Настя согласилась, и мы направились к ребятам.

— Господа, к нам приближается будущее российской медицины! — сообщил всем Давыдов, и мне сразу захотелось чем-нибудь кинуть в него. — Светила, можно сказать!

Не обращая внимания на столь теплый прием, мы с Настей пожелали всем приятного аппетита.

— Я с ним не знакома, — с улыбкой пояснила я и села на свободный стул.

— С ним знакомства вообще запретить надо, — согласился Данте и протянул мне руку:

— Андрей Сажнев.

— Но все зовут его Грузин, — добавил другой парень.

— Какой-то ты неправильный грузин, — заметила Настя. Уплетая пирожок с картошкой, я взглянула на Андрея и поняла, что на грузина он и вправду не похож. Парень был рыжеволосым, смуглым, с россыпью веснушек по всему лицу и больше напоминал Антошку из старого мультика.

— Да он просто грузит всех вечно, достал, — засмеялся Максим, и остальные ребята подхватили его хохот. Мой друг был очень добрым, что и говорить. Правда, никто не обиделся, и разговор потек дальше. Настя принялась возмущаться мерзким чаем, а Сажнев, распушив воображаемый хвост, упражнялся в островах и шутках. Искоса глядя на него, я улыбнулась. Природа наградила меня внутренним чутьем, которое всегда подсказывало чувства и настроения других людей. Вот и сейчас я точно знала, что Андрей устраивает этот концерт для Насти.

— Есть разговор, — негромко сказал Максим, и я повернулась к нему. Он тоже улыбался, явно поняв, что происходит между его другом и Настей.

— Я тебя внимательно, — мне стало интересно. Но Максим покачал головой.

— После пар тогда, ты в два примерно заканчиваешь? — этот вопрос прозвучал небрежно, но я поняла, что он смотрел мое расписание.

— Вообще да, но можем и вечером встретиться, — попыталась отказаться я. Была у меня привычка после учебы сразу возвращаться домой, и только потом решать какие-нибудь дела.

— Нет, я уже кое с кем договорился на вечер, — снова прозвучал его небрежный тон, и он повернулся, словно искал кого-то в толпе. Но мой долгий вопросительный взгляд сделал свое дело, и Давыдов, засмеявшись, закрыл лицо рукой.

— Во-первых, прекрати так на меня смотреть, все объяснения позже, — заявил он.

— Тогда я в предвкушении, — насмешливая улыбка не покидала моих губ. — Но ради нашей дружбы, не мучь меня и хотя бы намекни.

— Кристин, хватит прикалываться, — сказал Максим. — Мне нужен совет.

Его глаза показались мне странными, и на мгновение я не узнала в нем своего друга.

— Не беспокойся, он у тебя будет, — ответила я.

Пары закончились, и я, сказав Насте, что жду Максима, тепло попрощалась с ней. К этому времени институт заметно пустел. Студентов, ожидающих занятий, пробегало сравнительно мало. Пока Давыдов где-то пропадал, я бродила на первом этаже у выхода из института. В коридоре сломалась одна из лампочек, и старый охранник, принявший на себя роль электрика, что-то шаманил под потолком. Стремянка, на которую он взгромоздился,

выглядела хлипкой и, кажется, была готова отправиться к праотцам. За этими наблюдениями мой взгляд неосознанно убежал к центральной лестнице, хорошо просматривающейся отсюда. И вот я решилась.

У входа стоял небольшой стол в форме буквы «П», за ним сидела вахтерша и выдавала преподавателям ключи от лекционных аудиторий, а также других кабинетов. Женщина была в годах, а потому могло быть такое, что она работает здесь уже давно. Вдруг она что-то знает про эту злосчастную дверь, не дающую мне покоя?

— Извините, могу я задать вам вопрос? — моя физиономия возникла перед вахтершей, изобразив самое милое лицо, на которое только была способна.

— Я слушаю, — авторитетно откликнулась вахтерша.

— Вы ничего не знаете про замурованную дверь вон там, на лестнице?

Женщина, перегнувшись через стол, посмотрела, куда я указываю. По ее взгляду я сразу поняла, что она ничего не знает и слышит про эту дверь впервые. Ее слова подтвердили мою догадку.

— Что-то не припоминаю никакой двери, — сказала она. — Я вообще-то здесь не так давно, ничего не слышала об этом...

Из коридора донеслись чьи-то размеренные шаги, и вскоре к вахте подошел тот самый вековой старичок, которого я заприметила первого сентября на собрании. Любитель выискивать жертв.

— Вот, Алевтина Дмитриевна, возвращаю вам ключик, — проскрипел он, добродушно улыбаясь.

— Юрий Витальевич, а вы, случаем, ни про какую дверь на лестнице не знаете? — спросила вахтерша, убирая ключ в ящик. — А то девушка интересуется, а мне и сказать нечего.

Юрий Витальевич с интересом посмотрел на меня, а потом в сторону лестницы.

— Ааа! — протянул он, поняв, наконец, о чем идет речь. — Дверь в подсобку! Как же, как же, знаю! Была там дверь, очень давно. Я тогда еще сам студентом был.

— Подождите, вы учились здесь? — я не была уверена, что правильно поняла преподавателя.

— Конечно, — похвастался Юрий Витальевич и слегка стукнул тростью о пол. — Учился, пошел в аспирантуру, защитился и теперь преподаю! Так вот, еще когда был молодым, мы с ребятами там собирались, — ну, знаете, советская эпоха, все эти стихи, песни под гитару...

Юрий Витальевич, нависая над столом, мечтательно прикрыл тонкие, похожие на пергаментную бумагу, веки.

— Да только дверь эта была жуть какой неудобной, — продолжил он. — Вы сами посмотрите, она же открывалась прямо на лестницу! Когда пару студентов пришибло этой дверью, то и приняли решение заложить вход.

В коридоре, чуть замигав, зажглась лампочка, и широкая желтая полоса света протянулась по полу. Охранник закончил свой нехитрый ремонт и подошел к нам, громыхая при каждом шаге стремянкой.

— Но комната осталась? — уточнила я.

— А куда ей деваться, — произнес мой словоохотливый собеседник. — Это же подсобка, туда всякий хлам складывают, инвентарь испорченный, который выкинуть жалко. Вход-то еще и с улицы есть, со внутреннего двора.

— Про подсобку с призраками рассказываете? — мрачно усмехнулся охранник и примостил стремянку у стены.

— Про нее, родимую, — кивнул Юрий Витальевич и поймал мой удивленный взгляд.

— Как это понимать? — удивилась я.

— А так, — заявил охранник, — что в подсобку эту лучше не соваться никому, а то неровен час...

Он намеренно не договорил фразы и удалился. Видимо, мое лицо в тот момент выглядело чересчур озадаченным, поэтому преподаватель поспешил все объяснить.

— Только умоляю вас, юная леди, не впадайте в мистификацию, — увещевал преподаватель. — Надеюсь, вы не собираетесь в это поверить?

Мне не хотелось признаваться в том, что я собиралась.

— Но вы же сами сказали...

— Оставьте эти сказки для «Битвы экстрасенсов», — проговорил Юрий Витальевич. — Я не хотел задеть нашего охранника, потому и согласился. Он человек старый, хоть это и смешно звучит из моих уст. Однако его положение усугубляется тем, что он чересчур любит приложиться к бутылке. Его не выгоняют, потому что кто пойдет на его место за такие деньги? А так его хотя бы все знают, да и неприятностей никаких. Так что не придавайте значения его словам.

Юрий Витальевич, закончив мысль, засобиравшись домой, попрощался с нами и уже у самого выхода вдруг спросил:

— А как вы узнали про эту дверь?

В первую минуту я хотела сказать, что просто догадалась по тому следу, который остался на стене. Но почему-то не сделала этого.

— Моя бабушка училась здесь, и у нее есть фотография на этой лестнице, — произнесла я. — Мне стало любопытно, куда она делась, вот и все.

Услышав это, Юрий Витальевич, постукивая тростью о пол, вернулся к вахте и стал внимательно всматриваться в мое лицо.

— Минутку, минутку, — бормотал он. — А я-то думаю, кого вы мне так напоминаете? Быть может, мы были знакомы с вашей бабушкой? Как ее имя?

— Тогда она была Гончаровой Светланой, — сказала я. Мысль Юрия Витальевича показалась мне разумной, ведь они с бабушкой примерно одного возраста, вполне могли быть знакомы.

— Светка Гончарова! — ахнул преподаватель. — Вот так сюрприз! Мы были хорошо знакомы! Что же вы, по стопам бабушки решили пойти?

— Можно и так сказать, — призналась я. — Возрождаю семейные традиции, а то мама выбилась из нашего строя.

Юрий Витальевич закивал, продолжая посмеиваться.

— Очень уж вы на нее похожи, — негромко бормотал он, потихоньку удаляясь к выходу. — Вот ведь как бывает, не признал сразу... Очень похожи... До свидания!

— До свидания! — ответила я и стала смотреть, как чуть сторбленная фигура преподавателя постепенно удалялась. Юрий Витальевич показался мне очень светлым человеком. Расскажу о нем бабушке, думаю, ей будет приятно, что старый друг помнит ее. Неожиданно за спиной очутился Давыдов.

— Я опоздал, но я знаю, чем укротить твой гнев! — сзади раздался героический бас, которым он решил предварить наш разговор.

— Надеюсь, и вправду знаешь, иначе казню! — грозно пообещала я. Повернувшись к другу, я увидела, как он достает из пакета теплый сверток и протягивает мне.

— Шаурма от дяди Сэма?! — восхитилась я, и Давыдов кивнул, потому что это была именно она. Дядей Сэмом мы с Максимом прозвали хозяина небольшого киоска-закусочной, располагавшейся рядом с институтом. Некоторые буквы на вывеске стерлись, от чего нельзя было прочитать название лавки. Когда мы в первый раз пришли туда, я училась в десятом классе. Нам тогда пришлось долго гадать, как же все-таки называется это место. Но потом единогласно решили, что оставшиеся буквы вполне подходят под фразу «дядя Сэма». В этой закусочной делали, пожалуй, лучшую шаурму в городе, и мы с другом были ее преданными поклонниками.

— Полагаю, я прощен? — спросил Максим, доставая вторую шаурму для себя. Мне пришлось бороться с соблазном сказать ему, что я не слишком заметила его отсутствие, но вовремя прикусила язык.

— Шаурма решает все проблемы, — кивнула я. — Идем?

— Да, давай прогуляемся, — согласился Максим, и мы покинули институт.

Мы сидели в парке, расположенном недалеко от института. Сегодняшняя погода напоминала летние деньки, а в воздухе чувствовался едва уловимый запах костра. Асфальт нагрелся под солнцем, и в его лучах можно увидеть вздымающиеся облачка пыли. Мамы с детьми, влюбленные парочки и самодостаточные старички выбрались на прогулку и сновали мимо нас в разнообразных направлениях. Мы с Максимом мило беседовали о преподавателях и университете, но я знала, что сидим мы здесь не ради этого.

— Итак, — я решила, что пора переходить к главному. — Что у тебя за важный разговор ко мне?

— К нам в группу перевели одну девчонку, она переехала из другого города, — сообщил Давыдов. Я поняла его, но внешне никак не отреагировала на это высказывание, ожидая дальнейшего рассказа. Однако, когда наше молчание затянулось, мне вновь пришлось вмешаться.

— Дорогой Максим, — улыбнулась я той самой насмешливой улыбкой, которая никогда ему не нравилась. — Не стоит давать мне столько времени на обдумывание этой фразы. Я уверена, что поняла ее правильно, ты можешь продолжать.

Он бросил на меня быстрый взгляд и кивнул. Пройдет время, прежде чем я пойму, — между мной и Максимом всегда была только эта саркастичная улыбка и мои глупые, пустые слова.

— Продолжать-то и нечего, — сказал он. — Мы с ней совсем немного пообщались сегодня.

— И?

— Она мне понравилась, не такая, как все, — произнес Максим и полез в телефон, чтобы показать ее страницу во Вконтакте. — Слушает джаз, любит историческую литературу и вообще историю...

— И правда интересно, — пробормотала я, отобрав у друга телефон и рассматривая незнакомую особу и ее стену. — Надо же, никаких селфи, никаких дурацких цитаток.

Максим засмеялся. Мы с ним всегда очень серьезно подходили к вопросу о наличии у людей на странице подобной информации. Девушку звали Дарья Потанина. На главном фото

у нее длинные светлые волосы и миндалевидные глаза, смотревшие в камеру с легким прищуром. Она была очень красива, но меня задело вовсе не это.

Я не была глупой и знала, что Максим только называет себя моим другом. На самом деле эти слова имели отдаленное отношение к реальности. Я не могла не замечать его взглядов, не могла не видеть, как он делает все, что мне вздумается. Хотела ли я быть с ним? Думаю, нет. Но мысль о том, что мой друг считает эту девушку особенной, мне не понравилась. Я просто не могла это слышать.

— Это с ней ты встречаешься вечером? — спросила я, возвращая телефон Максиму. Он кивнул

— Серьезные намерения? — продолжала я, не переставая улыбаться.

— Как будут развиваться дальнейшие события, покажет программа «Время», — произнес Давыдов.

— Надеюсь, ты не собираешься забыть обо мне, если у вас там разыграется великая любовь? — я откровенно смеялась.

— Нет, что ты, я настроен помнить о тебе всю жизнь, — он вернул мне мою ироничную улыбку. — Так что скажешь?

Мне безумно хотелось забросать его шуточками всех мастей, но здравый смысл напомнил, что Максим мой самый близкий друг, и я не должна так поступать с ним.

— Давыдов, делай то, что считаешь нужным, — сказала я, повернувшись к нему. — Я в любом случае поддержу тебя.

— Значит, одобряешь? — снова спросил Максим, и мне пришлось кивнуть. Какое-то время он смотрел на меня, не говоря ни слова, а потом отвернулся и встал.

— Тогда идем домой, — бросил он, и до самого дома не сказал мне ни слова.

Глава 2

Чуть севернее центра города, где шумные автострады мирно соседствовали с узкими улочками, стояла скромная сувенирная лавка. Скромная только с виду. Пожалуй, многие города буквально наводнены подобными заведениями, в которых можно отыскать диковинную старую монету, бокал с изображением старинного герба или позолоченный медный фонарь. Но этот магазин не был обычным. По крайней мере, для меня. С детства я любила приходить сюда и разглядывать витрины, наполненные шкатулками, стеклянными шарами, балеринами и ангелами. Антикварная лавка называлась «Саламандра». Она была небольшим одноэтажным строением, скорее, домом, чем магазином. В конце торгового зала темнела массивная дверь, которая почти никогда не оставалась открытой. За ней-то и жил хозяин лавки. Мне всегда думалось, это очень удобно, особенно для одинокого старика. Его имя посетители узнавали с небольшой резной таблички, выставленной на блестящем начищенном прилавке, которая гласила: «Хозяин лавки антикварных товаров «Саламандра», Освальд Павлович Крезá, к Вашим услугам». Как видно, необычное имя хозяина «Саламандры» соответствовало его роду занятий. Среди предков старика, как утверждал сам Креза, были шведы и евреи, но, судя по той горячности, с какой он иногда спорил с поставщиками, там примешалось немало восточных кровей.

Пройти мимо лавки было невозможно. Впервые мы были здесь с отцом, когда он ездил на одну встречу по работе. Мне недавно исполнилось восемь лет. Был воскресный день, а клиент, обеспеченный мужчина, разодетый словно арабский вельможа, не мог выбрать

другое время. Заказчик собирался построить какой-то коттедж или что-то в этом роде, точно уже и не вспомнить, и отца отправили как консультанта. Он тогда осматривал выбранную территорию, прикидывал и рассчитывал масштаб своих чертежей. Все это время я молчаливо бродила за папой. Изредка он подмигивал мне, проверяя, насколько сильно я скучаю здесь. Но стоило встрече закончиться, как отец предложил мне прогуляться, и ненароком мы оказались у «Саламандры». Тогда-то я и влюбилась в это место, казавшееся невероятно сказочным для маленькой девочки.

Над входом в лавку нависал бордовый козырек. Под козырьком и на стенах здания висели небольшие фонари. Справа и слева от двери поблескивали два больших окна, сквозь которые пробивался оранжеватый свет, исходящий из недр лавки. Через стекло можно было увидеть античные вазы или тонкие деревянные статуэтки темнокожих девушек. Более мелкие предметы стояли дальше, и чтобы разглядеть их, нужно было войти внутрь.

— Папа! Зайдем! — попросила я, и мои глаза, и без того чересчур большие для детского личика, стали огромными. Отец тогда засмеялся, и мы вошли внутрь «Саламандры». Колокольчик, висящий над входом, огласил магазин трепетным звоном, и вскоре к нам вышел хозяин лавки. Но я не сразу увидела его. Вокруг был другой, заколдованный и непостижимый мир искусства, созданного руками человека, и я потерялась в нем.

— Здравствуйте, — кивнул отец хозяину, и тот с широкой улыбкой поздоровался в ответ. Ему было лет пятьдесят на вид. Невысокий, полноватый, с пышной короткой бородой, поседевшей, как и волосы на затылке. И у него была чудесная улыбка. Улыбка фокусника, но не продавца. Пока они с отцом беседовали на общепринятые темы, я рассматривала все, что попадалось мне на глаза. Конечно же, я безумно хотела получить в подарок от отца какую-нибудь вещь, но все казалось очень красивым, и потому, в моем представлении, дорогим. Мне было неудобно просить отца и ставить его в неловкое положение. Потому, заставив себя остановиться, я подошла к папе и взяла его за руку.

— Ну, что, — добродушно спросил хозяин. — Понравилась моя лавка?

— Очень, — призналась я. Мои глаза горели.

— Может, хочешь что-то купить? — продолжал хозяин. Я растерялась, а отец улыбнулся.

— Смелей, — проговорил он мне. — Сегодня хороший день для подарка!

Тут колокольчик на двери зазвенел снова, и в лавку вошла дама в красном плаще. Я все еще стояла в нерешительности рядом с отцом. Дама тем временем поздоровалась с хозяином и принялась осматривать большие зеркала в изящных рамах, высокомерно приглядываясь к позолоте. Я совсем не знала, что выбрать, и позавидовала хозяину, который жил здесь и владел всем этим богатством. Однако он словно понял мое замешательство и кивнул.

— Подождите-ка здесь, — обратился он к нам с отцом и скрылся из виду. Когда же он вернулся, то поставил на прилавок передо мной круглый подсвечник из разноцветного стекла величиной чуть больше кофейной чашечки. Я уже в восхищении смотрела на множество маленьких стекляшек, красных, оранжевых и желтых, искусно составляющих тело подсвечника. Между тем хозяин достал чайную свечку, зажег ее и бросил на дно подсвечника. Тут же свет пронзил разноцветные стеклышки, и подсвечник засверкал. Красные, точно зерна граната, и желтые, похожие на маленькие солнца, стеклышки играли с моим воображением, словно складывались в фигуры на дне калейдоскопа.

— Как красиво! — восхитилась я и не могла перестать смеяться от радости. Хозяин, тоже улыбаясь, шепнул отцу цену этого чудесного светильника, и папа, вероятно посчитав ее

приемлемой, кивнул.

— Ты умеешь радоваться мелочам, девочка, — проговорил хозяин, вручая мне коробку с подсвечником. — Пусть это чудо не покинет тебя.

Мы попрощались, и этот подсвечник был первым сувениром из «Саламандры», который я водрузила на свои полки трофеев. Так их потом прозвали мама с папой. Эти полочки были прибиты на стене в моей комнате. Сперва я ставила на них школьные учебники, но потом другие вещи, абсолютно ненужные, но бесконечно прекрасные для меня, вытеснили школьные книги. Это место было моей душой, моим домом. Это были вещи, которые говорили, кто я. Все та же восьмилетняя девочка, взирающая на мир с широко распахнутыми от восторга глазами.

Было без четверти семь, и вечер спускался на улицы города. Хозяин «Саламандры» уже разжег настенные светильники, и я издалека видела падающий на асфальт теплый свет, принимающий форму окон. Фонарь под козырьком подсвечивал его бордовую кровлю, и оттого она казалась густой и похожей на вино в бокале. Я толкнула ручку двери и оказалась внутри «Саламандры». Хозяин, Освальд Павлович, стоял за прилавком и, держа в руке странного вида пинцет, ковырялся в каком-то механизме. С нашей первой встречи прошло девять лет, Освальд Павлович немного осунулся, стал носить очки, его борода была не такой пышной, но взгляд и улыбка остались прежними. Старый волшебник с подсвечником в ладони.

Все эти годы время от времени я заглядывала в лавку. Копила карманные деньги и покупала вещички, которыми пополняла коллекцию на полочке трофеев. Освальд Павлович, похоже, разглядел во мне что-то. Какую-то искру. Я была не просто покупателем безделушек. Я стала другом Крезы.

Как-то между делом, из неоконченных фраз и обрывков мыслей старика, я поняла, что он живет здесь совсем один. Ни жены, ни детей у Крезы не было, только немецкая овчарка по кличке Фортуна. Она была удивительно умной и наверняка скрашивала вечера Освальда Павловича своим тихим умиротворяющим присутствием. Днем Освальд Павлович выпускал ее на улицу, и, когда Фортуна хотела вернуться, она пробежала мимо больших окон лавки. Тогда Креза шел к черному входу и открывал ей дверь. Она была сухопарой, подтянутой, с густой шерстью черно-подпалого окраса. Частенько Освальд Павлович отправлял ее на собачьи выставки или соревнования, и список побед Фортуны можно назвать внушительным.

Когда наступало время закрывать магазин, а это было обычно в девять вечера, Креза вешал на дверь соответствующую табличку, запирали все замки и уходил из торгового зала в другую, смежную комнату. За ту самую деревянную дверь, вечно запертую для остального мира. Там он готовил себе нехитрый ужин, курил трубку, перекидывался парой фраз с Фортуной и ложился спать, чтобы утром, часов эдак в восемь, открыть свое детище. Я не понимала, почему такой человек, как Освальд Павлович, остался совсем один. Но было очевидно, что Креза не намерен говорить о себе слишком много, а я умела дружить и не задавать лишних вопросов. Этим летом, когда мне удалось сдать выпускные экзамены в школе на высокие баллы, я вновь пришла в лавку. Пришла, чтобы рассказать добродушному старику о своих успехах и купить что-то в память о таком чудесном дне.

— Вижу, ты становишься совсем взрослой, — проговорил тогда Освальд Павлович. —

Впереди целое лето, что будешь делать?

— Даже не знаю, — задумалась я. — Ждать итогов зачисления в институт. Гулять с друзьями, читать... Может, найду какую-нибудь работу.

— А как ты думаешь, отец разрешил бы тебе немного поработать в моей лавке? — продолжал Освальд Павлович, и я взглянула на него, не поверив услышанному.

— Вам, наверно, нужна уборщица? — проговорила я.

— Пожалуй, нужна, — немного подумав, кивнул Освальд Павлович. — Но помощь с делами лавки мне нужна больше. Хочешь стать торговцем безделушками?

Я продолжала таращиться на Крезу, а он засмеялся.

— У тебя снова тот взгляд, которому уже девять лет, — сказал он, вспоминая, как я впервые посмотрела на его лавку сквозь окно. — Что скажешь?

Что я скажу? А что я могла сказать на предложение проводить время в этом месте, иметь отношение к столь красивым вещам, хорошенько рассмотреть их и еще получать за это хоть какие-то деньги?!

— Конечно! Хоть сейчас! — затараторила я. — Правда не знаю, получится ли, но все будет круто, потому что я вроде как пять по алгебре и... Короче, я не знаю, что я сказала, но это мечта!

Освальд Павлович рассмеялся и погрозил мне пальцем.

— Спокойнее, девочка, спокойнее, — проговорил он. — Сперва мне нужно согласие твоих родителей. А потом можешь приходить около семи часов, обычно в это время я немного привожу в порядок лавку. Ты бы могла заняться покупателями, пока я управлюсь со счетами... Да и поручений тут хватает, я уже стал совсем старый, как видишь...

— Ну что вы, — покачала я головой. — Какой же вы старый! Вы видели, чтобы волшебники старели?

Освальд Павлович снова засмеялся.

— Спасибо, Кристина, ты чудесный ребенок, — проговорил он. — Ты, верно, ровесница моей внучки.

— У вас есть внучка? — осмелилась спросить я.

— Нет, — тихо ответил Освальд Павлович. — У меня ничего нет, кроме этой лавки.

Я замолчала, глядя на отвернувшуюся фигуру Крезы. Его сгорбленная спина удалялась к прилавку. Глубоко вздохнув, я попрощалась и поехала домой. Родители, конечно же, дали добро на мою первую вакансию, и вот перед вами молодой консультант лавки чудес. Как и договаривались, я приходила в «Саламандру» под вечер и выполняла поручения Освальда Павловича. Обычно они не вызывали затруднений. После закрытия лавки я сама вызвалась мыть полы, отыскав в складской комнатке швабру и ведро. Так началась моя первая работа. Когда же стал приближаться сентябрь, Освальд Павлович намекал, что все понимает, и работа не должна мешать моей учебе. Но я не могла и не хотела бросать старика здесь одного, поэтому решила, что буду приходить и помогать всегда, когда выдастся время. Креза, конечно же, понял, что я жалела его. Наверное, ему было смешно чувствовать жалость девушки, которая думает, что помогает. Но старику все же льстило, что я остаюсь, хоть внешне он старался не проявлять этого.

— Получишь хоть одну двойку, уволю, — ворчал Освальд Павлович, но зря. Двоек я не получала никогда.

Как обычно, я принялась расставлять по местам товары, которые за день смешались на прилавке. Ангелы к ангелам, а курительные трубки к пепельницам в виде черепов. Три покупателя заглянули под вечер, один взял ароматические конусы, другой алебастровую ступку, а третий справился у Освальда Павловича, не сможет ли он починить его карманные часы. Хозяин «Саламандры» ловко вскрыл корпус тонкой отверткой и, вглядываясь в механизм часов, прогудел:

— Плохо дело.

— Да что вы! — искренне огорчился покупатель. — Это же часы отца, уж почините их!

Освальд Павлович достал из верхнего ящика прилавка очки и одел их на переносицу.

— Починить-то можно, да только механизм больно старый, — сказал он, внимательно вглядываясь в переплетение крохотных шестеренок. — Оставьте их на пару дней, я рассчитаю точные размеры и сделаю заказ одному своему старому приятелю в Англии.

— Значит, почините? — с надеждой в голосе спросил покупатель. — Я все часовые мастерские обошел, говорят, часы дорогие, не возьмутся за них.

— Ничего, — добродушно хохотнул Освальд Павлович. — Будут вам ваши часы, не беспокойтесь. Кристина, оформи бланк заказа.

Я кивнула и, отложив вельветовую тряпку, которой стирала пыль со стеклянных шаров, подошла к прилавку. Там у Крезы были уже заранее напечатанные квитанции, и я протянула одну из них покупателю. Тот заполнил свои данные, а потом я стала вписывать требования заказчика в бланк, как учил меня Креза.

— Красивые часы, — вежливо улыбнулась я, пока писала.

— Спасибо, — просиял покупатель, бросив взгляд на овальный корпус циферблата. — Люблю старинные вещи.

— Надо думать, если вы здесь, — я вернула покупателю бланк, и он засмеялся.

— Доброй ночи, — попрощался он и ушел. Освальд Павлович уже настроился на окончание рабочего дня, поэтому я слышала, как в соседней комнате гремят тарелки, слышится звук установленного на плиту чайника. Фортуна крутилась вокруг него, и до меня доносился характерный звук соприкосновения ее лап и линолеума.

— Сегодня из пекарни принесли вишневый пирог, — похвастался Креза из другой комнаты. — Так что запирай двери и мигом сюда.

Как обычно, я попыталась отказаться, хоть аргументы Освальда Павловича вроде вишневого пирога были убедительными. Но мне казалось неудобным пользоваться благосклонностью своего хозяина и поесть безумно вкусный вишневый пирог. Я ведь работаю в лавке и получаю за это деньги. А Освальд Павлович редкий вечер не зазывал меня чаевничать.

— Освальд Палыч, это же ваш пирог! — заявила я.

— А ты мне не устраивай делянки, девочка, — расслышала я его голос, заглушаемый звуком бурлящей воды. Похоже, одиночество этих грустных вечеров в смежной комнате не так-то просто переносить.

— Тогда помою полы еще и за вазами, — засмеялась я.

— То есть, обычно ты там не моешь?! — воскликнул Креза, и я, хохоча, отправилась за ведром и шваброй.

— Как там дела в твоём институте? — поинтересовался хозяин «Саламандры», зависая в дверях и наблюдая за моими действиями.

— Мне очень нравится, — призналась я. — И удалось подружиться с нормальной

девчонкой.

— Тогда скажи, великий врач, почему у меня так болит поясница, и как это вылечить, — проговорил Креза таким противным голосом, что я чуть не запустила в него шваброй.

— Освальд Палыч, вы же обещали не подкалывать! — воскликнула я. Еще летом хозяин собирался консультироваться у меня по всем своим артритам, как он выразился. Я предупреждала, что смогу ответить что-то вразумительное лет эдак через...дцать.

— Что это за слово такое подкалывать? — пробормотал Креза, снова скрываясь в смежной комнате. — Подкалывать можно булавку...

В этот момент колокольчик над дверью огласил торговый зал серебряным перезвоном. С негромким звуком хлопнула дверь, и в лавку вошел какой-то мужчина. Он был одет в джинсы и плотный пиджак, спасающий его от вечерней прохлады. Худощавый и высокий, мужчина остановился у входа и будто давал глазам привыкнуть к обстановке лавки. Ему, наверное, было около тридцати пяти лет. Тонкие губы незнакомца плотно сомкнулись в кривой усмешке. В свете ламп я разглядела его серые, глубоко посаженные глаза, отчего-то напоминающие мне два осколка зеркала.

— Здравствуйте! — сказала я, тыльной стороной ладони откинув выбившуюся из пучка прядь волос. Это было мое первое правило, поздороваться с гостем и проявить доброжелательность.

— Добрый вечер, — кивнул мужчина. Несколько секунд он изучал меня с таким видом, будто не понимал, что вообще я здесь делаю. Потом он как-то неопределенно повел бровями и медленно прошелся вдоль лавки.

— Мы уже закрывались, — сообщила я. — Но, если вам что-то нужно, я с удовольствием помогу вам.

Вошедший хмыкнул, словно я сказала глупость.

— Благодарю вас, вы очень любезны, — холодно произнес он и остановился у витрины с кинжалами. Лезвия их были из дамасской стали, а рукоять украшали литые орнаменты, позолота или искусная резьба. Я решила не мешать этому странному человеку и продолжила натирать полы.

— Милая вещица, — услышала я голос незнакомца и отставила швабру, чтобы посмотреть, что заинтересовало его. Теперь он стоял рядом со старинной машинкой для набора текста марки Corona. На днях я как раз отполировала ее черную поверхность настолько, что она напоминала ботинки депутата.

— Вы писатель? — спросила я лишь для того, чтобы ответить и поддержать беседу. Обычно на машинку засматривались старенькие графоманы, так и не добившиеся успеха в литературе, но полагающие, что вот такая машинка наверняка придала бы им должного писательского мастерства.

— У меня нет к этому способностей, — признался мужчина.

— Как и ко многому другому, — услышала я голос Освальда Павловича, прозвучавший необычайно твердо и жестко. Не знаю, в какой момент он возник в дверях торгового зала, но его взгляд метал молнии.

— Грубить покупателям моветон, — холодно заметил незнакомец. — Возьми пару уроков вежливости у этой девочки. Кстати, кто она?

— Не твое дело, — почти рявкнул Креза. — Зачем пожаловал?

— Захотелось взглянуть, каким старьем ты промышляешь, — заявил мужчина, медленно

передвигаясь по лавке. Его взгляд, теперь казавшийся мне неприятным и липким, будто ощупывал товары «Саламандры». — Кто знает, может прикуплю парочку часов...

— Для тебя здесь ничего нет, — Освальд Павлович обогнул прилавок и встал рядом с мужчиной. — Убирайся. Или я вышвырну тебя!

— Ооо, только это ты всегда и умел, — засмеялся мужчина, и я увидела, как заходил его острый кадык под тонкой кожей. — В этом нет необходимости, я уже уйду. Только оставлю это.

Мужчин бросил на прилавок небольшой буклет. Я не посмела притронуться к нему сейчас, но краем глаза заметила на обложке чашку кофе и мелкий шрифт.

— Забери свое барахло и проваливай! — Освальд Павлович был взбешен.

— Полегче, уважаемый антиквар, полегче! — продолжал посмеиваться мужчина. — У тебя свой бизнес, у меня свой. Решил вот открыть кофейню. Здесь, неподалеку. Возможно, твоей помощнице будет интересно. Ты-то явно не выходишь за порог этого пыльного мешка.

Тут Освальд Павлович решил ознакомиться с буклетом. Схватив его в руки, он пробежал глазами по тексту и криво усмехнулся.

— Кофейня в моем городе, — пробормотал он. — Все пытаешься доказать мне свою состоятельность?

— Я уже давно все доказал, — заявил мужчина. — А ты, видно, испугался, что народ вместо покупки твоих ангелочков повалит ко мне за куском пирога?

— До первого отравления, — хохотнул Креза. — Яд твоей души испортит воздух в окрестностях этой дешевой забегаловки.

— Тогда, боюсь, твоя лавчонка покроется мхом вместе с моей, — с сожалением сообщил мужчина и повернулся ко мне.

— Юная леди, нас не представили, но это и не нужно, — улыбнулся он. — Если этот старый скряга нанял вас мыть полы, могу предложить вам то же в моей кофейне, но за двойную цену. А если у вас имеются мозги, о чем недвусмысленно намекает ваш молчаливый взгляд, то подыщу вам что-то попрестижней.

Я ничего не ответила, только обеспокоенно взглянула на Крезу.

— Ты осточертел здесь уже всем, — пробормотал Освальд Павлович. — Вон отсюда.

На этот раз незнакомец подчинился, но перед уходом отвесил Крезе глумливый поклон.

— До скорых встреч, — пообещал незнакомец, и ему вторил громкий хлопок двери. Освальд Павлович встал у окна и смотрел в след уходящему вдоль узкой улицы мужчине. Затем, когда шаги его стихли, а силуэт пропал из виду, Креза прошел к своей жилой комнате. Я отметила, что он будто сгорбился и постарел. Теперь лицо старика казалось потухшим и неживым. Оставив швабру в углу, я последовала за ним и увидела, как он грузно опустился в кресло, замерев в нем. Фортуна почувствовала, что хозяин на жилой территории, и прибежала откуда-то из недр дома. Она жалобно поскуливала и вилась у ног Крезы, но тот безучастно продолжал смотреть в пустоту. Я быстро заперла «Саламандру», выключила свет в торговом зале и вернулась к Освальду Павловичу. Он так и не притронулся к чашке крепкого чая, что он заварил еще до прихода мужчины. На столе, закрытый прозрачным пластиковым колпаком, стоял пирог, и мне был виден его аппетитный верх, заполненный вишнями и белым кремом.

— Вам бы поужинать нормально, — проговорила я. Это для меня пирог мог стать и завтраком, и обедом, а старенький Освальд Павлович, к тому же вступивший только что в отчаянную схватку с неизвестным типом, нуждался в нормальном питании. Глядя на то, как

равнодушно Креза откинулся на спинку кресла, я поняла, что будет непросто достучаться до него. Или просто понять, что произошло сейчас в торговом зале.

Я позволила себе пройти к концу этой комнаты, где, отделенная аркой, находилась маленькая кухонька. В холодильнике, как я и думала, не нашлось никакой приличной еды, одни полуфабрикаты. Пачка сосисок, картофельное пюре из порошка в баночке и прочая съедобная макулатура. Так дело не пойдет. Отыскав в одном из шкафчиков упаковку макарон, я сварила их в удивительно чистой кастрюле. Освальд Павлович явно не пользуется ею, предпочитая поесть то, что можно разогреть в микроволновке. Вместо хлеба отыскалась только черствая корка, которую я со смехом завернула в пакет, собираясь скормить каким-нибудь встретившимся по дороге домой птичкам. Также мне повезло найти в нижнем ящике холодильника, среди огромных картофелин, парочку помидоров, которые выглядели очень даже прилично. Выложив на тарелку этот нехитрый ужин, я принесла его в комнату. Не ресторанное блюдо, конечно, но зато горячая еда. А судя по содержимому холодильника, у Крезы из горячего был только чай.

— Освальд Павлович, вам придется поесть, а то уволюсь и пойду работать к этому самодуру, — заявила я и увидела на губах работодателя слабую улыбку.

— Давайте, давайте, — суетилась я в несвойственной мне манере. Но сейчас кто-то один должен быть надоедливым и несносным, иначе от напряжения эта лавка взорвется. Освальд Павлович подсел к столу и наколот сосиску на вилку.

— Надо же, их варить можно! — проговорил он, смеясь. — А я все не пойму, что ж такие дорогие и такие невкусные.

— Вы же снимали с них упаковку? — засмеялась я, и ответом мне стал недоуменный взгляд. В итоге в этой небольшой комнатке воцарилась дружественная обстановка. Я с воодушевлением открыла пирог, отрезала приличный кусок и стала наслаждаться сочетанием вишни и воздушного теста. Фортуна вилась рядом, и я положила ей в миску несколько маленьких кусочков. Правда, пирог ей не пришелся по вкусу, и после непродолжительного обнюхивания она отбежала от миски.

Я хотела спросить Крезу о человеке, пришедшем в лавку, но не знала, как начать. Поэтому решила отложить этот разговор до другого раза. Быть может, Освальд Павлович сам захочет поговорить об этом происшествии. Уходя, я запомнила название кофейни, написанное на буклете, и решила поискать про него информацию в интернете.

Ночью мне снился тревожный сон, но на утро оказалось невозможно вспомнить его детали. Уже давно рассвело. Небо было ясным, и дворовые голуби в надежде погреться под первыми солнечными лучами, расположились на крышах. Мы жили на седьмом этаже, откуда из окон открывался вид на старый парк. По ночам его ворота, расшатанные дождливой погодой и временем, протяжно скрипели петлями. Лампочки старых фонарей давно вышли из строя и зловеще мерцали, пугая притаившихся под сенью деревьев кошек.

Я быстро собралась и присоединилась к родителям, которые завтракали на кухне. Мама колдовала с бутербродами, намереваясь отправить вместе со мной целую авоську продовольствия, но я, выпив чая с маковой булочкой, успела слинять. Сумка с медицинским халатом и кучей тетрадок уже ждала у порога. Пора идти, но в коридоре меня задержало зеркало. В нем я увидела девушку, взрослую и красивую, на мгновение показавшуюся незнакомкой. А через несколько минут автобус мчал эту девушку в институт.

По дороге я обдумывала все вчерашние сюрпризы. После разговора в парке Максим не объявлялся и ничего не писал, даже извечное пожелание спокойной ночи. Следует сказать, что сегодня мысли о нем и Даше волновали меня куда меньше, чем вчера. Я предпочитала думать, что меня это не касается.

Интересно, как там Освальд Павлович? Надеюсь, ему удалось успокоиться и немного поспать после небольшой сцены в лавке. Вчера вечером в интернете я поискала кофейню с названием «Buona Sera». Оказалось, что это целая торговая сеть, и подобные кофейни есть во многих городах. Генеральным директором «Buona Sera» был некий Борис Артемьев. Вероятно, тот самый вчерашний незнакомец. Мне ничего не удалось узнать о нем на просторах интернета, поэтому оставалось загадкой, как именно он связан с Крезой.

Автобус по неизвестной причине решил развить первую космическую скорость и уже через десять минут остановился у центральной площади, откуда до института было рукой подать. Настя еще не пришла, и я, вместо того, чтобы отправиться в аудиторию, решила воспользоваться случаем и осмотреть институт, пока никто за мной не наблюдает. Корпус снова тонул в гулкой тишине, изредка прерываемой чьими-то робкими шагами. Но пройдет еще минут пятнадцать, и все это здание загудит как пчелиный улей.

Если смотреть сверху, то институт имел форму полукруга, и на территории внутреннего двора по периметру располагались знакомые скамейки. В центре этой асфальтированной площадки росла большая круглая клумба с высаженными в ряд красными, желтыми и белыми цветами. По середине клумбы я увидела низкий декоративный фонтанчик в виде винтовой лестницы, завершающейся круглым циферблатом. Вода с едва слышным плеском спускалась по ступеням и бурлила в основании фонтана. Это место мне сразу понравилось. На стенах института выступали трапециевидные фонари, и я представила, как, должно быть, красиво здесь вечером, когда они отбрасывают мягкий свет на окна здания и воду фонтана.

Также с этой стороны в корпусе я заметила три двери. Одна из них располагалась прямо по центру здания, а чуть выше виднелось крошечное окошко, в основном напоминающее форточку в старых деревенских домах. Не стоило большого труда догадаться, что эта дверь ведет в таинственную подсобку. Света, проникающего внутрь окошка, наверное, едва хватало, чтобы разглядеть состояние комнаты. Впрочем, это показалось мне логичным, ведь здесь не класс для занятий, а всего лишь склад старых вещей. Наверняка внутри есть электрический свет. Мне вспомнились вчерашние слова охранника, будто это место проклято. Я улыбнулась. Сейчас оно вовсе не выглядело зловещим, а охранник явно прикладывался к бутылке чаще, чем следовало. Подойдя ближе, я увидела, что на двери висит маленький навесной замок, а дверь прилегает неплотно. Из узкой щели можно почувствовать слабое дуновение прохладного сквозняка. Соблазн был велик. Я прильнула к щели и, дав глазам время привыкнуть к темноте, напряженно вглядывалась в это пространство.

Что я хотела там увидеть? Не знаю. Чувство тревоги подкралось незаметно и в один миг захлестнуло меня, точно пенная волна. Из комнаты веяло опасностью и страхом. Казалось, темнота в подсобке неплотная, и я различаю в ней какие-то контуры. Конечно, это было не более чем разыгравшееся воображение, но я поняла, что вся дрожу, а спина взмокла от выступившего пота. По телу пробежал сонм мурашек. Мне следовало уйти, но будто какая-то сила пригвоздила меня к этому месту. И тут что-то на мгновение промелькнуло внутри подсобки и заслонило щель. Сразу после этого я услышала громкий звук по ту сторону двери, будто кто-то подошел и нарочно разбил что-то стеклянное о пол. В ужасе я отпрянула назад

и поняла, что из щели, в том месте, где секунду назад был мой глаз, выползает большой мерзкий паук с длинными мохнатыми лапами. Тут же стальной хваткой что-то вцепилось мне в правое плечо. От страха я закричала и стала вырываться из ловушки. Сердце бешено колотилось, явно собираясь сломать грудную клетку и выскочить из нее. От спазмов в горле стало трудно дышать, я закашлялась, ощущая, как силы покидают меня.

— А ну прекрати брыкаться! — рявкнул на меня чей-то голос. Его обладатель оттащил меня к ближайшей скамейке и почти бросил в нее. Я перевела затуманившийся взгляд вверх и узнала Юрия Витальевича. С неудовольствием он смотрел на меня, а потом рухнул рядом. Его дыхание сбилось, ладонью учитель стер со лба пот и покачал головой.

— Столько лет преподаю, а еще ни один студент не вел себя так со мной, — пропыхтел он, продолжая метать злые взгляды. — Ты чего удумала, чего творишь?

Сообразив, что никто не нападает на меня, а это всего лишь Юрий Витальевич, я довольно быстро успокоилась. Майка еще липла к спине, но мне было уже лучше. От тяжелой массы волос, лежащих на плечах, стало жарко, и я перекинула их на одну сторону.

— Что молчишь-то? — проскрипел Юрий Витальевич.

— Я гуляла, — хриплым голосом отвечала я.

— Парк находится несколько дальше, — не без сарказма бросил старый друг моей бабушки.

— Я не притязательна в выборе мест, — мой ответ звучал в тон Юрию Витальевичу. Тот искоса взглянул в мою сторону, а потом вдруг рассмеялся.

— Вся в бабуку! — проговорил он сквозь смех. — Та была чертовка! И остра на язык.

— Вы были друзьями? — спросила я.

— Да, были, — кивнул преподаватель, сжимая рукоять трости. — И очень хорошими. Но не переводи тему. Что ты искала здесь с утра пораньше? Только не врать!

Я вздохнула, не в силах сострять какой-нибудь дельной выдумки. Что можно было бы ответить? Собственно, мне и самой неизвестно, почему я оказалась здесь. Одним словом, стечение обстоятельств.

— Стало любопытно взглянуть на дверь в подсобку с призраками, — сказала я, пожав плечами. Выражение лица у меня было простодушным, поэтому Юрий Витальевич, кажется, поверил.

— Девочка, я же сказал тебе, тут нет никаких призраков, — устало проговорил старик и принялся тереть глаза пальцами, испещрёнными морщинами.

— Неужели? — я скорчила недоверчивую гримасу. — Мне отчетливо было слышно, как за дверью что-то разбилось!

Юрия Витальевича это совсем не заинтересовало, он пожал плечами со скучающим видом.

— Там много всякого барахла, возможно, что-нибудь упало, — произнес он. — Не забивай себе этим голову. Тебя как зовут?

— Кристина, — представилась я.

— Так вот, Кристина, — кивнул Юрий Витальевич. — Когда я сам еще был студентом, с нами училась одна девушка. Она тоже любила всякие истории о призраках, да только они завели ее туда, откуда обратной дороги уже нет. Она потеряла рассудок и закончила свои дни в психиатрическом диспансере.

— Так, я надеюсь, вы не намекаете, что меня ожидает подобная судьба? — насторожилась я.

— Вовсе нет, — усмехнулся старик. — Боже упаси. Я лишь убежден в том, что человек должен жить на земле, в этом мире, и не касаться того, что лежит за гранью понимания. Поверь старику, я прожил долгую жизнь и знаю, о чем говорю.

Юрий Витальевич перевел взгляд на часы фонтана и с усилием поднялся.

— Что ж, полагаю, нам обоим следует пройти в здание, — проговорил он. — Лично меня ждут студенты, скоро начнутся занятия.

— У меня тоже, — согласилась я. — Первой парой стоит лекция по латыни.

— Я знаю, — Юрий Витальевич, прихрамывая, стал медленно удаляться. — Я читаю эту лекцию.

В растерянности я поднималась на второй этаж. Было очевидно, что Юрий Витальевич и есть тот самый профессор Афанасьев, заведующий кафедрой латинского языка. Мельком я прочитала эту информацию на нашем сайте, но не придавала большого значения вчера. Иные мысли, о Максиме и Освальде Павловиче, занимали меня гораздо больше.

Мой путь лежал мимо большого окна, выходящего как раз во внутренний двор. Я ненароком повернулась и сквозь него увидела, что прямо у фонтана стояла фигура охранника. Его пристальный взгляд, направленный на меня, удивил. Сперва я не думала останавливаться, но потом все же вернулась назад, чтобы проверить, в самом ли деле он смотрел мне в глаза, преодолевая это немаленькое расстояние. Однако, когда я подошла к окну, во дворе уже никого не было, хотя не прошло и минуты. Как странно!

По корпусу уже шныряли единичные студенты и дожидались под кабинетами начала занятий. Я свернула в небольшой коридор и у доски с расписанием увидела Максима. Понятия не имею, что он опять там выискивал, но какое-то время я молча смотрела на него, а потом решила уйти. В этот момент он повернулся, и мое присутствие стало для него неожиданностью. Пришлось остаться, ведь меньше всего на свете я хотела выглядеть сумасшедшей.

— Привет, — он подошел ко мне, поправляя на плече лямку рюкзака.

— Штудируешь расписание? — я слегка улыбалась, избегая смотреть Давыдову в глаза.

— Да рано приехал, — сказал он. — У нас сегодня цикл по психиатрии должен начаться, но его отменили и поставили лекции.

— И, конечно же, все сообщили только утром, — догадалась я, уже наслышанная о подобной неразберихе в нашем институте.

— Зришь в корень, — усмехнулся Максим. — Так что торчу здесь. Наши скоро подъедут, думаю. Какие дела?

Я принялась размышлять над тем, что рассказать, но потом, вспомнив содержимое своей сумки, наброшенной через плечо, воодушевилась.

— Да вот, кое-что поучила вчера к практике по анатомии, — начала я. — Все эти синдесмозы, синхондрозы, субстанция спонгиоза и прочие дикости.

— Ух, звучит жутковато, хорошо, что мне уже не придется это сдавать, — проговорил Максим. — Хорошо выучила?

— Честно говоря, я бы еще повторила все, — призналась я. — Вчера времени было не так много. Я поздно вернулась из лавки.

От воспоминаний ссоры Крезы и Бориса мое лицо помрачнело, и Давыдов заметил это.

— Все нормально? — спросил он.

— Да, просто небольшие трудности, — пробормотала я и попыталась сделать невозмутимый вид. Это было не время и не место рассказывать Максиму о вчерашнем вечере, да и я не думала, что ему будет интересно слушать. — Ничего серьезного.

Максим пожал плечами и спросил, отважусь ли я сегодня ответить на анатомии.

— Еще бы, я намерена блистать! — мой голос звучал нарочито воодушевленно. Давыдов почувствовал, что мне отчего-то неловко стоять и говорить с ним, поэтому сделал попытку уйти.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул он, медленно шагнув к лестнице. — Надеюсь, твоего запала хватит надолго, потому что это только начало.

Я ответила вежливой улыбкой, примерно такой же, какая достается каждому покупателю в «Саламандре». Мне хотелось спросить Максима о его встрече с Дашей, но пока он был рядом, я не могла. Сейчас, глядя на его удаляющуюся спину, я чувствовала себя глупо. Максим медленно спускался вниз, и это дало почву думать, будто он не хочет уходить. Мне стало смешно от того вопроса, который так хотелось задать, и я решилась.

— Как все прошло вчера?

— Нормально, — Максим, казалось, был готов к моим словам. Когда он повернулся, стало видно, что он смеется.

— Это не тот ответ, которого я ждала.

— А что мне следовало сказать? — поинтересовался Давыдов и поднялся на площадку.

— Что все прошло замечательно, ты от нее без ума, — принялась фантазировать я. — Или было скучно, и ты не знал, как со всем покончить.

— Или третий вариант, в котором все прошло сносно, но я думал только о тебе? — подсказал Максим. Я неожиданно закашлялась.

— Ладно, вариант, в котором все прошло нормально, мне подойдет, — быстро сказала я, чувствуя, как он смеется и смотрит на меня.

— Мне лестно, что ты так заботишься о моем счастье, — иронично продолжал Давыдов. — Спросишь что-нибудь еще?

В этот момент к нам подлетел Сажнев, размахивая каким-то листком, и я облегченно выдохнула. Теперь уже я хотела незаметно уйти.

— Народ, сегодня вечерина для первокурсников! — заявил Андрей, подмигивая мне. — Дискотека с диджеем в актовом зале.

— Вот это уровень, — усмехнулась я и повернулась к Максиму. — Ты мне что-то не говорил про подобные мероприятия.

— Появление Грузина совсем не закрывает нашу прежнюю тему, — спокойно пообещал мне Давыдов. — Но не нервничай так, Кристин, все и правда прошло нормально. Ты придешь на праздник?

— Конечно, придет, — Андрей, не собираясь выяснять, о чем мы говорили, умоляюще соединил передо мной ладони, будто решил помолиться. — И приведет с собой Настю. Правда?

Мысленно я порадовалась за подругу. Андрей казался мне хорошим парнем, придется замолвить за него словечко.

— Посмотрим на твое поведение, — сказала я с выражением лица, по которому Андрей понял, что помощь ему обеспечена.

— Будет очень весело! — начал тараторить Андрей. — Придет только парочка преподавателей, и весь универ в нашем распоряжении!

— И правда весело! — задумчиво проговорила я. Мне в голову пришла одна мысль, и сегодняшний вечер был идеальным временем для ее воплощения. Мы обменялись номерами телефонов с Андреем на случай, если что-то пойдет не так. До начала занятий оставалось десять минут, и вскоре должны были подойти одноклассники Максима, среди которых наверняка появится и Даша. Мне не хотелось столкнуться с ней именно сейчас, поэтому, заключив негласный союз с Сажневым, я пошла к лекционному залу.

Учебная часть дня пролетела быстро, и последней парой стояло практическое занятие по анатомии. Преподаватель, Воропаева Ольга Дмитриевна, являла собой женщину лет тридцати, с ясным открытым взглядом и приятными чертами лица. Ее русые волосы были собраны в тугий пучок на затылке, что прибавляло молодому лицу учительской строгости.

Как и собиралась, я хорошо ответила вопрос о непрерывных соединениях, радуя Ольгу Дмитриевну правильным произношением латинских терминов. Когда я вернулась на место, то заметила, что Настя хитро улыбалась.

— Что? — не понимала я.

— Тебя все ненавидят, — заявила Лебедева и хихикнула. Я с тревогой оглянулась на одноклассников, но тут же поняла, что Настя прикалывается. Староста Паша с одобрением показал мне большой пухлый палец и тут же вызвался отвечать следующим.

Придя домой, я тщательно, — по крайней мере, мне так казалось, — обдумала свой план. На ютубе нашлось много видео, информация из которых пригодится сегодня вечером. Какая-то часть меня твердила, что это безумие, и ничего не выйдет. Но, как водится, никто никогда не слушал этот мудрый голос.

Постепенно день клонился к вечеру. Пробило семь часов. Солнце неспешно погружалось за линию горизонта. Воздух становился влажным и прохладным, и в нем проступал едва уловимый аромат горьких осенних трав. Во дворе играли дети. Мне был слышен их громкий смех, а также торопливые шаги прохожих, возвращающихся с работы.

Я стояла перед зеркалом и тонким черным лайнером подводила левый глаз.

— Очень интересно! — услышала я сзади вкрадчивый голос отца. От неожиданности рука дрогнула, и вдоль виска пролегла жирная извитая линия.

— А теперь еще интересней? — я повернулась к отцу и постаралась изобразить злобную мадам. Но папа, увидев мое лицо, захохотал и, как я не старалась, тоже не смогла удержать смех.

— Теперь не хватает красной улыбки до ушей, будешь как знаменитый клоун, — сказал отец.

— Ты про Джокера?

— Вообще-то про Марсея Марсо[4], но на Джокера ты тожеходишь, — не стал отрицать очевидное папа. — Ну что, куда собираешься?

— На праздник первокурсников, — я протерла висок салфеткой и постаралась все исправить. Результат меня устроил и, пока папа продолжал хохмить, мои глаза были ровно и одинаково подведены.

— С кем идешь, дочь? — допрос отца не прекращался. Сидя в кресле, глядя поверх очков и закутанный в домашний бордовый халат, он напоминал помещика или барина.

— С Настей, я тебе рассказывала про нее.

— Приводи ее к нам как-нибудь, — посоветовал папа. — А что же Максим?

Я сделала непонимающее лицо.

— Ты о чем?

— Ну, будет, милая, будет, — отец потянулся в кресле, и я услышала его добродушный смех. — А то все тебе нужно объяснять. Он с тобой или нет?

— Вообще-то у него кое-кто есть, — заявила я, радуясь, что могу наконец-то возмутиться поведением своего друга.

— Довела парня! — захохотал на это отец, но мне вовсе не хотелось смеяться. Я высказалась, что не имею к этому отношения, и принялась выдворять отца.

— Мне надо собираться, так что развлекаловка заканчивается, — бормотала я, приобняв папу и продвигаясь с ним к двери.

— Ухожу, ухожу, — с этими словами отец скрылся в глубине квартиры, а я заканчивала сборы. Можно было отправляться. Преодолев свой привычный маршрут, я дошла до ворот института, чьи литые решетки поблескивали в темноте. Сумерки неизбежно затягивали небо, и по городу разожглись фонари. У входа в корпус стояли несколько ребят и о чем-то весело переговаривались. Чуть в стороне я заметила фигуру Насти в коротком синем сарафане, и направилась к ней.

— Как тебе идет это платье! — восхитилась я.

— Спасибо, — улыбнулась подруга, а потом возмущенно кивнула в сторону парней. — Ты подумай, вон те типы на тебя пялятся. А я торчу здесь уже век, и всем плевать.

— Не думаю, что это то, к чему тебе стоит стремиться, — засмеялась я, и Насте пришлось признать, что потеря в самом деле невелика. Мы вошли в институт и услышали доносящуюся с третьего этажа громкую музыку. По зданию разгуливали нарядные парни и девушки в платьях самого разнообразного фасона и цвета. Царила праздничная атмосфера, подобная той, которая бывает перед Новым Годом.

Я была в лёгком черном платье-футляре. Длинные волосы, не собранные в прическу, свободно спускались вдоль спины. Мой образ был весьма простым, но Настя оказалась права, — все и в самом деле смотрели на меня. И хоть я делала вид, что ничего не замечаю, эти безмолвные комплименты были чрезвычайно приятны.

Мы зашли в актовый зал, из которого, как выяснилось, были вынесены все кресла. На внушительной территории зала в такт музыке танцевали студенты, и разноцветные лучи прожекторов выхватывали отдельные лица из толпы. Мы присоединились к группе знакомых ребят. Все это время я помнила про обещание, данное Андрею, поэтому, достав телефон из сумки, мне удалось быстро написать ему указание, где именно искать Настю. Затем я подошла к подруге, которая самозабвенно подпевала известному хиту, и крикнула на ухо:

— Мне нужно уйти! Я тебя сама найду потом!

Лебедева кивнула, и я стала пробираться сквозь толпу к выходу. Это оказалось не так-то просто, учитывая количество собравшегося народа. Оказавшись за пределами зала, я с облегчением выдохнула, потому что от громкого звука уже порядком заложило уши. Пока из преподавателей я не видела никого. Разумеется, в корпусе остался кто-то, следящий за порядком, поэтому не помешает соблюдать осторожность и быть начеку.

На втором этаже я зашла в кабинку туалета и достала из сумки приготовленный заранее карманный фонарь. Затем мне пришлось переобуться в кеды и спрятать туфельки в сумку. Все же, удобство сейчас гораздо важнее внешнего вида. На дне сумки лежали еще кое-какие вещички, которые я прихватила из дома для моей миссии. Еще раз убедившись в том, что все готово, я выскользнула из туалета и направилась к выходу.

Спускаясь по центральной лестнице, я бросила взгляд на замурованную, окутанную тайнами, дверь подсобки. Сейчас от нее не исходило никаких тревожных флюидов. Похоже, виной тому праздник и громкая музыка, которые не давали почвы мрачным мыслям. «Я иду к тебе!» — про себя пообещала я подсобке и улыбнулась. Кажется, мое помешательство близко.

Оказавшись на первом этаже, я не заметила человека, прислонившегося к стене и наблюдающего за мной. Его выстреливший в спину голос, что назвал меня по имени, стал неожиданностью. Кажется, на первом этаже не было ни души, даже вахтерша испарилась со своего привычного места. Я обернулась к Максиму. Он стоял, заложив руки в карманы джинс, и с интересом смотрел на меня. На нем была свободная белая футболка и ветровка темно-синего цвета, которая, казалось, навечно хранила запах туалетной воды Давыдова.

— А ты чего здесь, а не в зале? — спросила я, чтобы прервать неловкую тишину.

— Да вот, увидел, как лихо ты сматываешься, не успев побывать здесь и получаса, — тоном видавшего виды сыщика проговорил Максим. — Мне это показалось подозрительным, и спорю на шавуху, я не ошибся.

Я предусмотрительно отказалась спорить, потому что мой проигрыш был очевиден. Максим подошел ближе и подозрительно покосился на мою обувь.

— В зале слишком темно, я тебя не видела.

— Зато тебя видели все, и твой дорогой дружочек был в этом числе, — произнес Максим, похоже, делая мне комплимент, но каким-то своеобразным способом.

— У тебя вроде есть девушка, может, начнешь следить за ней для разнообразия? — поинтересовалась я, на что Давыдов с улыбкой покачал головой, сказав:

— У меня нет девушки.

— И как тогда это называть?

— Что «это»?

— Хватит кривляться, ты встречаешься с ней или нет? — Давыдов разозлил меня окончательно, но он проигнорировал мой вопрос и снова посмотрел вниз.

— Ты очень красива, но кеды к платью не подходят, — сказал Максим без тени улыбки, легко переводя тему. — Что намерена делать?

— Пробраться в подсобку, — честно призналась я, продолжая сверлить его враждебным взглядом. Максим присвистнул, удивленно вскинув брови, — такого он явно не ожидал.

— Есть план? — поинтересовался он.

— Обижаешь, — с выражением лица бывшего разведчика я открыла сумку, и Максим с интересом заглянул внутрь. — Там маленький навесной замок, планирую вскрыть отверткой. Я на ютубе видела, как его... Что-то смешное?!

Улыбка, которую Давыдов прятал, чуть отвернувшись, снова привела меня в бешенство.

— Что-то очень смешное, — подтвердил парень и мимолетно коснулся моего запястья. — У тебя рука сломается сразу после первого удара по замку.

— Уж извините, чем богаты! — огрызнулась я, накидывая лямку сумки на плечо. — Все, отстань, Давыдов, иди, веселись, мне некогда тут с тобой...

Я махнула рукой и стремительно пошла к выходу, но Максим, продолжая посмеиваться, отправился за мной. Я усиленно корчила недовольный вид, хоть все же была рада, что иду в подсобку не одна. Мы вышли на улицу и отправились во внутренний двор.

— А что это вообще за дурной тон, ввязываться в переделки и не звать для этого лучшего друга? — с тонкой улыбкой спрашивал Давыдов, пока мы огибали корпус. — Раньше за тобой такого не водилось.

— Да раньше-то и переделок не было, — произнесла я. — И это, кстати, тоже не переделка!

— Ну, конечно, — подтвердил Максим. — Именно поэтому мы тащимся в темноте к таинственной подсобке и собираемся взломать замок отверткой.

Я засмеялась. Старый друг как никто мог развеселить меня. В двух словах я рассказала о произошедшем со мной утром и о том, что узнала от Юрия Витальевича и охранника вчера.

— Понимаешь, он ясно дал понять, что там творятся странные вещи, — говорила я, имея в виду слова охранника, но Максима это не впечатлило.

— Сомневаюсь, что следует принимать в серьез рассказы этого пьянчуги, — проговорил он.

— Может, ты и прав, но проверить я должна. Сегодня утром там что-то разбилось, и вряд ли это ветерок так подул. Меня словно хотели специально напугать, чтобы я больше не лезла туда!

— Что-то не слишком у них это получилось, — улыбнулся Давыдов, и мы собирались завернуть во внутренний двор, как внезапно услышали чей-то голос. Он звучал хрипло, с болезненным надрывом и явно принадлежал мужчине. Ветер доносил до нас скомканные слова и, напрягая слух, мы слышали что-то вроде жуткой колыбельной. Нам пришлось остановиться. Человек неистово бормотал зловещие фразы, чуть растягивая окончания, и лишь потому они казались песней.

...Спи спокойно, мой малыш.
Ночь темна. Окончен путь.
Только им нельзя уснуть.
Бродят, бродят по земле
Души, спящие во мгле.
Вот они уже пришли,
У дверей стоят, смотри!
Зло, таившееся в снах,
Отразится в зеркалах.
Манит бездна темных сил,
Ждет, чтоб ты их сампустил.
Ты замри, закрой глаза,
И сиди так до утра.
Стоит лишь взглянуть назад,
В твою душу хлынет ад!
Стоит лишь взглянуть вперед,
Сердце сразу же замрет!
Солнце всходит из-за крыш,
Спи спокойно, мой малыш...

Мне стало не по себе, и то ли от холодного вечернего воздуха, то ли от страха по телу пробежали мурашки. Лицо Максима было сосредоточенным и хмурым. Как мужчина, он

пытался объяснить все логически, не впадая в суеверный ужас, который сковал меня. Заметив, что от холода я обхватила плечи руками, он с усталым видом покачал головой. На его лице мгновенно появилось выражение, говорившее, что таким беспомощным людям как я абсолютно не стоит соваться в подобные мероприятия. Все это он выразил одним взглядом и, быстро стянув ветровку, накинул мне на плечи. Я с удовольствием нырнула в нее и застегнула все пуговицы. От воротника, прилегавшего сейчас к моему лицу, явственно ощущался легкий приятный запах Максима, и мысленно я вновь была рада, что сейчас он со мной.

— Это охранник, — услышала я шепот Давыдова. Он уже выглянул из-за нашего укрытия и установил, что на одной из скамеек, в позе отдыхающего богача на пляже, расположился университетский сторож. Тут же страх освободил меня. Стало ясно, что охранник просто выпил и лепечет Бог знает что. Но вопрос, как пробраться в подсобку, оставался открытым.

— Пошли, — коротко сказал Максим и направился к охраннику. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

— Анатолий Степанович! — позвал Давыдов, и охранник встретил нас отсутствующим взглядом. — Вы чего здесь?

— А вы чего? — он приподнялся и стал тереть глаза. — Я охраняю!..

От нашего сторожа недвусмысленно пахло алкоголем. Его руки сжались от холода, которого он не ощущал. Видимо, Анатолий Степанович просидел здесь уже долгое время.

— Вам же холодно, еще уснете и замерзнете, — продолжал Максим и присел рядом с охранником. — Пойдемте, я вас в корпус отведу.

— В корпус? — протянул Анатолий Степанович, и его стеклянные глаза посмотрели на меня. — В корпус можно.

— Правильно, идемте, — согласился Давыдов, встал и принялся поднимать охранника, не давая ему времени на размышления. Максим был высоким и сильным, и, хоть Анатолий Степанович вполне мог идти сам, Давыдов все же ненавязчиво поторапливал его. Я тащилась рядом, тонула в большой ветровке друга, достающей мне до середины бедра и, похоже, была причиной едва уловимой улыбки Максима.

Вскоре мы оказались в здании института. На первом этаже у охранника была своя маленькая комнатка, так называемый кабинет. Зайдя внутрь, я нащупала в стене справа выключатель и нажала его. Под потолком вспыхнула тусклая лампочка, отбросившая грязный свет на стены комнаты. Я увидела стоящий под самым окном старый диванчик. На нем была лишь подушка и толстый потрепанный плед, сиротливо скорчившийся на краю. Из этого напрашивался вывод, что охранник предпочитает не стелить постель. Также в углу комнатки стоял маленький холодильник, рядом стол, на нем заляпанный электрический чайник и такая же неопрятная микроволновка с жирными отпечатками пальцев. Напротив дивана доживал свой век крохотный телевизор, поставленный на хлипкую табуретку. Вдоль четвертой стены тянулся ряд тумбочек и шкафчиков, явно списанных и великодушно отданных в пользование охраннику. Там же, но выше, была прибита дощечка с крючками, служившая охраннику вешалкой. Сейчас на ней, точно сброшенные шкуры, висели две легкие потрепанные спецовки.

— Давайте-ка ложитесь, — руководил процессом Максим, подведя Анатолия Степановича к дивану. Мой друг делал все быстро и без лишней суеты. Я решила немного помочь ему. Накидывая на распластавшегося охранника плед, я вдруг почувствовала безумно

жалость к этому человеку. Он сам загубил свою жизнь и заканчивал ее здесь, в тесной грязной комнате, лишенной уюта и человеческого тепла. Как и Освальд Павлович, он был одиноким стариком, до которого почти никому нет дела.

— Спасибо, ребятки, спасибо, — бормотал охранник. — Но больше туда не ходите.

— В подсобку? — спросила я. Максим посмотрел на меня взглядом, означающим, что расспрашивать охранника сейчас не лучшее время. Хотя, на мой взгляд, все было как раз наоборот.

— Это место проклято, — глаза Анатолия Степановича закрывались, а голос звучал все тише. — Туда нельзя заходить, от него веет смертью. Души, запертые там, томятся долгие годы и не могут упокоиться. Не тревожьте их, не тревожьте...

— Какие души? — быстро спросила я, наклоняясь к охраннику и стараясь глубоко не дышать. От запаха перегара, казалось, можно и самой опьянеть.

— Души тех, кого она впустила сюда, — продолжал бедовый сторож. Вскоре его слова уже нельзя было разобрать, он бессвязно бормотал что-то, погружаясь в сон. Я повернулась к Максиму и увидела, что он со скучающим видом смотрит на нас. История, рассказанная Анатолием Степановичем, не произвела на него впечатления, как и все происходящее.

— Кристин, прошу тебя, — Давыдов подошел и мягким, но настойчивым жестом отвел меня в сторону. — Он не в себе и к тому же серьезно болен. Оставим его здесь и уйдем.

— Он что-то знает, но не хочет рассказывать, — сказала я. Максим выключил свет, чтобы ненароком не разбудить заснувшего охранника, и теперь комната погрузилась в темноту, прорезаемую падающими с улицы отблесками фонарей.

— Мне не нравится, что ты забиваешь себе голову этими историями о призраках, — строго сказал Давыдов. — Мы уходим.

— Но мне надо в подсобку! — возразила я и с ангельским выражением лица умоляюще сложила руки. Все же правду говорят, что нам, женщинам, никогда не понять этих мужчин. Вот что он видел там, в моих глазах, какую власть они имели над ним? Для меня это всегда будет загадкой, но сейчас Максим, будучи не в восторге от того, что собирается сделать, все-таки кивнул. Он подошел к вешалке и стал шарить по карманам охранника.

— Что ты ищешь? — сразу я не поняла его, но Давыдов, тихонько злясь на себя за то, что так и не смог мне отказать, молча продемонстрировал объемную связку ключей. Я тут же догадалась, что это, и просияла:

— Макс, ты гений!

Эта похвала немного растопила сердце моего друга, и он перестал хмуриться. Мы чуть слышно вышли из комнаты охранника, который, кстати сказать, храпел как паровоз, и снова вернулись во внутренний двор. Из актового зала на улицу доносилась музыка, под которую веселились студенты. Максим, желая поскорее покончить со всем этим, решительно подошел к двери подсобки и стал пробовать ключи. Один из них подошел, замок повис на одной дужке, и Давыдов, обхватив старую ручку, собирался дернуть дверь.

— Отойди, — коротко сказал он мне и кивнул, чтобы я встала позади него. Максим легко открыл дверь, и на нас пахло запахом сырой земли, идущим из глубин подсобки. Я вытащила из сумки фонарь, держа его наготове.

— Так, ну пока ничего страшного, — проговорил Максим, взглядываясь в темноту. Я зажгла фонарь и направила луч внутрь подсобки, однако, с улицы сильно отсвечивали другие фонари, и разглядеть ничего не удалось.

— Все страшное обычно происходит после этих слов, — заметила я, на что Максим

усмехнулся.

— Зайду я, потом ты, — бросил он и, взяв у меня фонарь, переступил порог подсобки.

Давыдов, мельком осветив фонарем помещение, нашел на стене у входа выключатель, подобный тому, что был в комнате Анатолия Степановича. Пощелкав по нему, Максим понял, что он безнадежно испорчен.

— Очень темно, но дверь придется закрыть, вдруг кто-то пойдет сюда, — сказал Давыдов, жестом приглашая меня войти. Я с опаской зашла в подсобку, претворила за собой дверь и тут же наступила на что-то. Максим, услышав этот звук, быстро направил фонарь мне под ноги, и мы увидели небольшое количество крупных керамических осколков, которые вполне могли быть вазой или иным сосудом. Мне стало не по себе, и Максим угадал ход моих мыслей.

— Это разбилось сегодня утром? — уточнил он.

— Скорее всего, но точно сказать не могу.

— Понятно, — скептически пробормотал Давыдов. — Не стой там одна, иди сюда.

Я подошла поближе к другу. Луч фонаря скользнул над дверным косяком и отправился выше к потолку. Над дверью обнаружилась длинная узкая полка, тянувшаяся вдоль всей стены. Она была завалена продолговатыми брусками, какими-то жестяными банками и керамическими плоскими из-под цветов. Некоторые из них стояли одна в другой, формируя нагромождения, другие лежали на боку.

— Смотри, одна из чашек, похоже, упала и напугала тебя утром, — Максим осветил фонарем левее двери, и я увидела, что там горшки как раз лежат на своей боковой поверхности, а между ними имеется небольшой просвет. Кому вообще пришло в голову положить их на бок? Теперь история с упавшей плоской выглядела более правдоподобной.

— Конечно, она сама взяла и свалилась оттуда, — упрямо пробормотала я, не собираясь сдаваться так просто.

— Какая-нибудь крыса вполне могла задеть плоску, — спокойно сказал Максим. — Наверняка они тут шныряют.

Я не знала, что и думать, но в конечном итоге решила забыть об этом. Повсюду тонкими линиями свисали нити пыли и паутины. Казалось, здесь давно никого не было. Пустота этого места заполняла наши легкие. Давыдов развернулся, и мы стали изучать подсобку дальше. Возле соседней стены вверх поднималась лестница, конечная ступень которой выводила прямо к замурованной двери. Центр подсобки был свободен, если не считать валявшегося на полу старого ненужного хлама. Максим поочередно освещал стены, и мы видели приткнутые там тюки, скрученные веревки, ящики. Из маленького окошка под потолком в подсобку спускался плавный широкий луч света. Частицы пыли кружились в нем, и казалось, будто можно потрогать его руками. Такое карманное волшебство, — узкий сноп света, тонущий в лабиринте покинутой всеми комнаты. На мгновение это место даже перестало пугать меня. Но тут мой друг осветил последнюю стену, и я похолодела от ужаса. Даже Максим вздрогнул. Я почувствовала это, потому что вцепилась в локоть друга. Спиной к нам стоял какой-то человек. Луч фонаря соскользнул с него, но Давыдов, взяв себя в руки, снова осветил неизвестного. Последний замер, не шевелился и, казалось, не дышал.

— Спокойно, спокойно, — прошептал Максим, отодвинув меня назад. — Кто вы? Обернитесь!

Человек не отреагировал. Давыдов сделал шаг вперед, и я с ужасом поняла, что он собирается подойти к этому типу.

— Максим, не надо! — мой голос звучал глухо и хрипло. — Давай уйдем!

Но парень меня не слушал. Сначала он приближался к незнакомцу медленно, но потом ускорил шаг и, оказавшись на расстоянии вытянутой руки, неожиданно захохотал. Мне стало жутко. Я не знала, как вести себя, но в этот миг Давыдов с размаху ударил незнакомца по спине. Тот накренился и упал, издавая звук пустой пластиковой бутылки.

— Манекен! — сообщил мне Максим из глубины подсобки и пнул куклу ногой. — Но не анатомический. Какой-то... Как из магазина что ли...

Он перевернул его и осветил лицо. Я подошла к этой компании и в углу, куда доставал свет фонаря, увидела мерзкое зрелище, — несколько больших пауков шныряли внутрь щели, ведущей в пустоты стен, а потом выползали обратно. Видно, наш приход нарушил их распорядок дня, и они в панике не знали, куда им бежать.

— Что у него на руке? — спросила я. Максим тоже заметил, как на пластмассовом бицепсе манекена темной краской, цвет которой нельзя было точно определить сейчас, начертан овал, заключенный в ромб. Вдоль каждой стороны ромба стояли какие-то буквы, тоже неразборчивые и затертые.

— Что-то мне это не нравится все, — пробормотал Максим. Он осмотрел куклу в поисках иных знаков, но, похоже, их не было. Я тем временем прошла чуть дальше и остановилась у старого стола. Судя по заброшенной обстановке, царившей здесь, на нем должен лежать вековой слой пыли. Но нет. Складывалось впечатление, что совсем недавно стол использовали. В некоторых местах пыль была стерта, словно туда что-то ставили. Я решила открыть тумбочку под столом, куда Максим направил освещение.

— Да что здесь творится?! — с отвращением прошептала я, увидев содержимое стола. Там лежали какие-то гнусно пахнущие свертки, пучки ссохшихся трав, несколько свеч и одна стеклянная банка, по стенкам которой бегал паук. Почувствовав свет, он заметался в своей прозрачной тюрьме. В крышке была пробита крохотная дырочка, пропускавшая воздух, и несчастная жертва пыталась просунуть в нее лапку.

Я резко захлопнула дверцу и повернулась к Максиму. Его лицо было хмурым и удивлённым.

— Думаю, экскурсий достаточно, — заявил он. Бесцеремонно обхватив меня за плечи, он направился к выходу. Едва оказавшись на улице, я с облегчением впустила в легкие свежий ночной воздух и на ватных ногах добралась до скамейки. Пока Максим закрывал замок, я пыталась прийти в себя от увиденного. Часы на фонтане показывали двадцать минут одиннадцатого, было очень холодно, но я ничего не чувствовала. Вот тебе и подсобка, в которой Юрий Витальевич играл на гитаре!

Я запрокинула голову и устремила взгляд ввысь. Несколько звезд, сумевших пробиться сквозь городской смог, нервно подрагивали в темном небе. Растущая луна показалась лишь наполовину, и ее попеременно застилала густые облака. Максим молча сел рядом. Положив локоть на спинку лавочки, он посмотрел на меня.

— Какая-то из тебя фиговая Нэнси Дрю, — улыбнулся парень, и я засмеялась.

— Спасибо, что сходил со мной, Максим. Я не хотела просить, вдруг у тебя планы...

Давыдов захохотал и отвернулся. Он провел руками по лицу, словно пытаюсь таким образом стереть из памяти картины, которые мы только что видели.

— Занятое местечко, что и говорить, — вздохнул он. — Афанасьев явно что-то

скрывает. Стихи они тут читали! В этой конуре умирать страшно, что сейчас, что тогда.

— Может, раньше все по-другому было, — пробормотала я, сама не веря своим словам.

— Может, — пожал плечами Давыдов и достал телефон. Я тоже полезла в сумку и, вынув мобильник, увидела пропущенные звонки и парочку сообщений от Насти.

— Проблемы? — усмехнулся Максим.

— Нет, но Настя меня обыскала, похоже, — я представила свою подругу в очаровательном синем платице, неистово набирающую мой номер. — А у тебя все нормально?

— Да, — кивнул парень и добавил: — Никто не переживает, что я пропал.

— Даже некая блондинистая особа? — мне не удалось сдержать иронии, но Максим мне не ответил.

— Я устал и хочу домой, — произнес он. — Поехали со мной, завтра подумаем обо всем.

План был настолько заманчивым, что мне не хватило аргументов сопротивляться. Я написала Насте, что уезжаю, а Давыдов предупредил своих друзей. Потом мы быстро вернули ключи в спецовку Анатолия Степановича. Он все еще продолжал нещадно храпеть, рискуя перекрыть своими децибелами музыку. И вот, завершив все дела, мы медленно пошли к автобусной остановке.

Глава 3

Утром, едва открыв глаза, я сразу же почувствовала, что совсем не отдохнула. Веки словно налились свинцом. Голова была тяжелой и ватной. Сквозь просвет штор в комнату проникали лучи солнца. Я сунула руку под подушку и, достав телефон, взглянула на время. Десять сорок восемь. Ничего себе! Для воскресенья, единственного выходного, который я имела в своем распоряжении, это было много. Перед глазами промелькнул весь объем материала, который нам задали выучить, поэтому я тут же решила попрощаться с уютной постелькой и окунуться в дела.

Мама с папой сидели в зале и смотрели что-то по телевизору. Я поздоровалась с родителями, получила порцию поцелуев, причитающихся мне как единственному ребенку в семье, и ушла на кухню завтракать. Вчерашний вечер казался далеким и нереальным. Сейчас, когда солнце словно лилось в окна, и со двора доносился детский смех, невозможно было вообразить ту чертовщину, которую мы обнаружили в подсобке.

С телефона я зашла во Вконтакте и увидела оставленное сообщение.

Максим 6:43

Как ты? Привет.

Время отправки удивило меня. Кажется, кто-то очень ранняя пташка.

Кристина 11:25

Привет

Я нормально, только проснулась. Как ты?

Ответ пришел почти мгновенно, — я даже не успела налить воды в электрический

чайник.

Максим 11:26

Тоже

Хотел предупредить, я сегодня буду занят, не смогу быть на связи

Если что-то срочное, звони, постараюсь ответить

Я усмехнулась, уже зная, что стоит за этими словами.

Кристина 11:29

Приятно быть в курсе

Серьезные намерения или времяпровождение?

Максим 11:30

Я с Дашей

Кристина 11:31

Манера не отвечать на вопросы сделает из тебя великого политика

Максим 11:31

Или великого жулика

Что, в сущности, одно и то же)

Подумав, я написала следующее:

Кристина 11:33

Ты же сказал, что не встречаешься с ней)

Максим 11:34

Что значит, не встречаюсь?

Каждый день

Вообще-то мы в одной группе

Могла бы и запомнить))

Все же, Максим был удивительным человеком и настоящим другом. В это сонное утро, находясь абсолютно в другом месте, он все равно смог поднять мне настроение. Я почувствовала рядом его чистое доброе сердце и то, как он сейчас тоже улыбается своей по-детски открытой улыбкой.

Кристина 11:35

Я запоминаю больше, чем ты думаешь

Максим 11:35

Надеюсь, что нет

— Надейся, — тихо сказала я и, залив молоком хлопья, села завтракать. Так или иначе, пока мой лучший друг крайне интересно проводит время, я буду зубрить анатомию, гистологию и возможно останется время на медицинскую физику. Звучит не слишком весело, но что делать. Если удачно сдам экзамены, смогу получать стипендию, пусть небольшую, зато свою собственную. А то не хочется постоянно спрашивать деньги у родителей на каждую мелочь.

Кристина 11:38

Пойду учить, удачи тебе там на фронтах)

Максим 11:43

Спасибо, и тебе)

Почитай повнимательнее, что формируется из зародышевых листков. И вообще весь органогенез. У Савушкина это любимый вопрос по гисте

И я, предусмотрительно отключив вай-фай на телефоне, чтобы ничто не могло отвлечь меня, пошла в свою комнату. Там стопка внушительно толстых книг покоилась на углу стола и степенно ожидала своей очереди.

Наконец-то с учебой было покончено. Я потратила на нее несколько часов, но подготовилась очень хорошо, к тому же, все, что мне пришлось изучить, увлекало. Я с упоением читала о функциях клетки, о том, какие сложнейшие процессы протекают внутри нас, и поражалась, как же все-таки удивительно устроен человек.

Днем мне позвонила моя подруга детства, Алина Ракитина, и мы договорились прогуляться вечером. Правда, я собиралась заглянуть на пару часов в лавку Освальда Павловича и помочь ему с делами, поэтому договорилась встретиться с Алиной после восьми вечера. Подобное завершение дня казалось мне идеальным. Можно было расслабиться и дать отдых напряженным мыслям.

Осенний день приятно веял легким свежим ветром. Я надела длинный свитер с просторными рукавами, в которые так удобно прятать руки от вечерней прохлады, что скоро настигнет город. Было около четырех часов. По улицам, словно призраки, скользили унылые прохожие. Их лица, полные усталости от прошедшего дня, были похожи на серое осеннее небо. Никто из них не догадывался о том, что эта жизнь прекрасна. «Не хочу стать такой, как они», — подумала я и, поправив болтающийся на одном плече рюкзак, ускорила шаг.

Я шла в «Саламандру». Вчера мне удалось узнать будущий адрес кофейни. Ее устраивали на первом этаже большого торгового центра, который располагался недалеко от антикварной лавки. Вряд ли это можно назвать случайностью. Мне хотелось пойти посмотреть, как продвигается стройка. Но время поджимало, поэтому я решила, что сделаю это после того, как закончу дела в лавке. К тому же, наверняка вечером все ремонтные работы закончат, и никто не помешает мне.

— Освальд Палыч, я на месте! — крикнула я, когда зашла в лавку и обнаружила, что покупателей нет. Буклет все еще покоился на прилавке, на прежнем месте, будто Креза не притрагивался к нему.

— Привет, студент, — кивнул Креза и вышел из своей потайной комнаты. — Сегодня

народищу днем было уйма!

— Хвастаетесь или жалуетесь? — уточнила я. Бросив рюкзак за прилавок, я потянулась к отчетной книге.

— Констатирую факт, — проговорил Освальд Павлович.

— А что меня не вызвали? Я бы помогла.

— Еще чего, отрывать от занятий! Я же знаю, ты по выходным просиживаешь за книгами, — воскликнул Креза, смеясь. — Этак никаким врачом не станешь, а виноват буду я со своей лавкой.

— Освальд Павлович! Вы же обещали не издеваться! — возмутилась я, чувствуя, как старик снова посмеивается над моей учебой. Креза продолжал хихикать. Я посмотрела на его утомленное лицо и поняла, что этой ночью он не сомкнул глаз. Хозяин лавки то и дело зевал, и я, прекрасно зная о заразности этого недуга, тоже принялась засыпать на ходу.

— Освальд Палыч, может, вам кофейку жахнуть? — предложила я. — А то вы носом клюете.

— Про кофеек я слышать не хочу со вчерашнего дня! — прогудел Креза, и я не сразу связала этот акт ненависти с Борисом.

— Бросьте, этот тип еще не повод отказываться от кофе, — заявила я. — Вы кстати, в курсе, что он отстраивается в паре улиц от нас?

Лицо Крезы приняло багровый оттенок.

— Мне плевать на то, что он делает! — рявкнул старик. — Ничего не желаю знать!

С этими словами он скрылся в своей комнате, но уже через пару минут его сгорбленная фигура вновь показалась в дверях.

— Думает, в этом городе не хватает забегаловок? — проскрипел он. — Кому вообще нужна еще одна кафешка, когда их и так навалом везде?!

— Может, там будет что-то особенное, — не задумываясь, протянула я, и бешенный взгляд Крезы недоброжелательно остановился на меня.

— Разумеется! — кивнул он и злобно рассмеялся. — Особенным там будут клинические идиоты в официантах, которых возглавляет чертов бездельник с напыщенной рожей!

Я смекнула, что не стоит больше выдвигать никаких предположений насчет кофейни и поспешно кивнула.

— Вы абсолютно правы, Освальд Палыч, — проговорила я.

— То-то же! — заявил напоследок хозяин лавки и снова скрылся в комнате. Я услышала отдаленное гроыхание предметов и ругань. Похоже, Креза в запале принялся носиться по жилищу и столкнулся с чем-то более твердым, чем его старческие кости.

К нам заскочила парочка покупателей, один из которых купил сменные стержни к старинной ручке, приобретенной здесь же. Второй ушел без покупок, чему я была немного обрадована. Я уже сделала необходимые подсчеты за день, и содержимое кассы подтвердило, что мы работаем в прибыль.

— Пора закрываться, — проговорил Освальд Павлович. На часах не было и восьми, и как правило, так рано Креза никогда не запирает двери «Саламандры». Но я не осмелилась спорить. Старик устал и нуждался в отдыхе, и мне не следовало своей заботой лишний раз напоминать ему о неумолимо бегущих годах. Я обратила к улице табличку «Закрито» и принялась быстро вымывать полы. Закончив с этим, мне оставалось подхватить свой рюкзак и попрощаться.

— Освальд Палыч, я побежала, — сказала я, появляясь на пороге его комнаты. — Вы где

тут?

Креза, по-старчески прихрамывая, выплыл из недр своего жилища.

— До завтра, Кристин, — кивнул он. — Осторожнее там.

— Спасибо, — улыбнулась я и уже хотела упорхнуть из лавки, как вдруг остановилась.

Буклет из кофейни все еще лежал на краю прилавка. Нет, я не могу этого сделать. Меня это не касается, я только спровоцирую ссору...

— Освальд Палыч, а кто этот Артемьев?

Ну вот, я это сделала.

Задала вопрос, за который явно получу. Надеюсь, меня хотя бы не уволят. Креза медленно повернулся и посмотрел на меня понурыми глазами.

— Никто, — задумчиво бросил он. — Злой и мелочный человек, который бросил меня тогда, когда был нужен.

— Мы все совершаем ошибки, — начала я, еще не зная, о чем идет речь. — Вам просто нужно поговорить, вы же не будете ненавидеть друг друга вечно?

— Надеюсь, что нет, потому что я-то точно скоро помру, — заверил Креза. — И если не от старости, то от этого кошмарного соседства с шалопаем. Или от вони, которая уже сейчас парит из его чертовой кофейни! Этот кофе делают из гудрона!

Лицо старика снова стало выглядеть забавно и смешно.

— Сомневаюсь, что они уже готовят что-то, — проговорила я, пряча улыбку, и раскипятившийся Креза осекся.

— Плевать, — пробормотал он. — Я больше не позволю ему разрушить мою жизнь.

Я вздохнула. Видно, не зря говорят, что с возрастом человеческий характер едва ли становится лучше. Освальд Павлович настроен очень категорично, и я не могла представить, чем же Борис навлек на себя такой гнев старика? Впрочем, неприязнь была взаимной. Я не могла понять, отчего Креза не хочет поделиться со мной этой историей. У него не так много друзей, и он мог бы довериться мне. Кто же такой этот Артемьев на самом деле? Мне пришлось повторить свой вопрос, после которого в глазах Крезы отразилась затаенная боль. Это страдание напугало меня, подтвердив самые худшие опасения. Теперь мне не нужно было знать подробностей, чтобы понять, это одна из тех историй, которые оставляют глубокие шрамы на человеческой душе. Никакое время не в силах сгладить, облегчить эту мучительную, притупленную чувством обиды боль, вечно отдающую в уставшее сердце. Следующую фразу Креза произнес так, словно не говорил ее уже несколько десятков лет. Я услышала в этом голосе все, — и вину, и скрытое сожаление, и любовь.

— Формально этот человек — мой сын, — сказал Креза, и я потрясенно замерла. — Я давно вычеркнул его из своей жизни. Хотя он сделал это раньше.

Я не решилась дальше расспрашивать Освальда Павловича о его сыне и молча ушла из лавки, бережно прикрыв входную дверь. В «Саламандре» стало несказанно тоскливо, будто души всех вещей, хранившихся на витринах, принялись скорбеть по своим прежним, давно уснувшим навеки хозяевам. Для меня ответ Крезы стал настоящим потрясением. Я не могла придумать ни одной причины, по которой два самых близких человека решились разорвать кровные узы и забыть друг о друге. Борис даже изменил фамилию. Он явно старался вычеркнуть память об отце из своей жизни, еще не понимая, что ни одно дерево не сможет расти без корней. Ведь спустя столько лет он вернулся в родной город, открыл кофейню и

пришел к своему отцу, чтобы бросить ему вызов. Борис показал, чего смог добиться. Но за всей этой бравадой стояло нечто большее, чем просто вражда и ненависть. Мне казалось, Борис ждет одобрения. Ему нужно услышать похвалу от отца, хотя бы раз в жизни. Такое простое детское желание, которое никак не сбудется, и потому порождает столько злобы в душе Бориса.

А Креза? Он представлялся мне тем, кто давно проиграл в борьбе со своей гордыней и гневом. Они плотно сомкнулись вокруг его души, точно щупальца морского спрута, и я не знала, возможно ли изменить это.

За этими смутными размышлениями я не заметила, как дошла до торгового центра. Часы показывали без двадцати минут восемь. Ремонт кофейни продолжался, и рабочие то и дело подносили в помещение банки с краской и отделочные плитку. Я остановилась на противоположной стороне улицы и стала смотреть на то, как один из работников начищал кованный навес, который пристроили по распоряжению Бориса. Под навесом уже расположились небольшие круглые столики из темного дерева и керамические цветочные горшки. Через окно будущей кофейни мне смутно виднелись стены цвета топленого шоколада и красная обивка диванчиков. Среди работников без дела слонялся паренек лет пятнадцати, одетый в толстовку и протертые джинсы. Он постоял какое-то время под навесом, а потом отправился за торговый центр. Тут из дверей кофейни вышел сам Артемьев и, что-то крикнув парню, позвал его внутрь. Я догадалась, что это его сын, и мне удалось мельком увидеть лицо парня. Оно было худым и беспокойным, точно что-то гнетет его. Борис снова обратился к сыну в своей приказной манере, и парень неуклюже скрылся из виду. Тут Артемьев перевел взгляд в сторону и заметил меня. Не раздумывая, мужчина быстро спустился вниз и размашистым шагом преодолел улицу.

— Любезная барышня из лавки старьевщика! — произнес он вместо приветствия. Его походка, манера говорить и улыбаться казались вальяжными и наигранными, словно ему доставляло удовольствие строить из себя хозяина положения. Между тем, этот мужчина не был лишен обаяния, хоть его глаза смотрели холодно и враждебно.

— Добрый вечер, — я вежливо и сухо улыбнулась. Меньше всего мне хотелось участвовать в ссоре Бориса с его отцом.

— Шпионите? — продолжал Артемьев с таким видом, словно ему все известно о моих намерениях.

— Разве похоже, что я пытаюсь прятаться? — в тон ему спросила я.

— Отнюдь, — заметил Борис. — Но все же вы явно не праздный наблюдатель. Креза послал вас?

Я вздохнула. Этот человек ошибается, если думает, что сможет вывести меня из себя.

— Предлагаю вам уяснить одну вещь, — я продолжала спокойно улыбаться. — Этот город не только поле действия для ваших батальи. Люди ходили этой дорогой много раз еще до того, как вы решили открыть кофейню. Так что оставьте ваши намеки при себе. К тому же, эта кофейня вовсе не интересуется вашего отца.

Борис медленно закивал. Похоже, мне удалось поставить его на место и остаться в рамках приличия, что одновременно удивило и понравилось Артемьеву. Мое неслучайное упоминание о родстве Бориса с Крезой возымели отрезвляющее действие, и я видела, что ему приходится обдумывать свой ответный выпад.

— Полагаю, отец наговорил вам обо мне кучу гадостей, не имеющих ничего общего с реальностью, — наконец, произнес Борис.

— Поэтому вы намерены исправить это недоразумение и приметесь возводить на него ответные поклепы? — засмеялась я, надеясь, что ошибаюсь.

— Вы чересчур умны для девушки, которая моет пол в лавке тухлостей, — заметил Артемьев.

— Антиквариата, — недовольно поправила я.

— Я так и сказал, тухлостей, — настойчиво повторил Борис, довольный тем, что удалось сказать гадость. Я мысленно напомнила себе, что у меня нет цели ввязываться в полемику с этим несносным человеком. И все же следовало признать, как бы Борис не пытался отречься от своего отца, скверный характер у него явно от Крезы.

— Приходите к нам, — продолжал Борис. — Здесь вкусно пахнет, и полы ничуть не хуже.

— Я почитала кое-что о вас, — сказала я, не обращая внимания на ироничный тон Артемьева.

— Как лестно, — усмехнулся он, и я почувствовала, что безумно устала от этих его кривляний.

— Ваши заведения разбросаны по всей стране и имеют большой успех, — говорила я. — Зачем вам понадобилась открыть кофейню здесь?

Борис обратил ко мне смеющийся взгляд своих холодных, непроницаемых глаз.

— Хотел вернуться домой, — сказал он. — А вместе с тем привнести в это захолустье немного современного дизайна и хорошего кофе. Есть еще одна причина. До жути хотелось взглянуть на то, как обустроился папочка, который выгнал меня из дома двадцать пять лет назад.

Я изумленно посмотрела на Бориса, пытаясь разобраться, правда ли это. Мне внезапно вспомнилась моя подруга Алина, чудесный ребенок в теле красивой девушки, которая совсем отчаялась отыскать в этом мире тех, кто сможет полюбить ее. А все из-за того, что мать не умела понять Алину, и никогда не пыталась это сделать. Что, если Креза совершил ту же ошибку? Мне вспомнилось, с какой неприязнью он говорил о Борисе. Но как вообще родитель может судить своего ребенка, если все, что в нем есть, лишь следствие воспитания?

— Я думаю, вы приехали по другой причине, — негромко сказала я, и Борис заинтересовано приподнял брови. — Вы вернулись, потому что поняли, — вы готовы.

— К чему готовы? — недоумевал Артемьев.

— К тому, чтобы забыть все обиды, — продолжала я. — Вы приехали в этот город, чтобы простить своего отца.

Какое-то время лицо Бориса словно расправилось от постоянной ухмылки, и я правда увидела в нем того ребенка, который так рано повзрослел и всех потерял. Мне представилось, как несколько позже он возвращается в «Саламандру». Освальд Павлович уже погасил свет, и темный силуэт Бориса в окне сперва напугает его. Потом, когда он засветит керосиновую лампу времен девятнадцатого века, Борис вновь переступит порог антикварной лавки, и они всю ночь будут говорить друг с другом. О том, как им жаль этих лет. Как оба они давно мечтали встретиться и стать одной семьей, но гордость и упрямство не давали это сделать. Как один писал длинные письма и слал телеграммы, сгорающие в огне. Как рука другого опускала трубку на рычаг прежде, чем телефонные линии успеют соединиться. Рассвет застанет их бледные лица, утомленные воспоминаниями прошлого. Но это будет новый день, когда они посмотрят друг на друга глазами, лишенными былых упреков.

Борис продолжал странно смотреть на меня. Он будто прочитал в моих глазах эти безоблачные кадры, и на какое-то мгновение поверил в них. Казалось, его бравада сломлена, и он сам осознает, насколько глупо было ненавидеть своего отца. Не знаю, о чем он так долго думал, молча вдыхая прохладный вечерний воздух, но неожиданно я услышала его сухой смех. Он даже закрыл глаза ладонью, словно сказанная мной фраза была чудовищно нелепой. Я смотрела на него удивленным взглядом и не могла поверить, что он рассмеялся мне прямо в лицо.

— Просто диву даешься, какие порой приходится выслушать проповеди! — воскликнул Борис. — Не знаю, из какого века вы прилунились в этот город, но вы просто находка!..

Я не мешала Артемьеву веселиться. Полагаю, этими словами он собирался обидеть меня, но разве человек может обидеть хоть кого-то, кроме самого себя? К тому же, Борису не удалось обмануть меня, несмотря на то, что он сделал хорошую попытку. Он хотел показать, что мои слова не задели его, но на какой-то крохотный миг мчащегося мимо нас времени я коснулась его сердца. Да, оно было крепко закрыто от мира, и злоба обуревала его, но часть этого человека с изломанной судьбой еще верила в примирение.

Я молча ушла, зная, что для Бориса и Освальда Павловича есть надежда. Они оба показали ее мне, и теперь они должны были показать ее друг другу. Судя по быстро идущим ремонтным работам, кофейня скоро откроется. Может, как-нибудь пригласить туда Освальда Павловича и заставить поговорить с сыном? Конечно, это дело не одного дня уговоров, но он должен сделать первый шаг. В ссоре отцов и детей всегда виноваты двое, но больше тот, который старше.

Вот только я не догадывалась, что все эти мысли ни к чему не приведут. Так часто бывает в жизни. Ты никогда не сможешь узнать, что произойдет в следующий миг. Это как игра в кости. Стоит им упасть не на то ребро, и вот он, неожиданный поворот, который ломает всю безупречно выстроенную тактику. До этой ночи Борис еще мог бы простить своего отца, а тот принять сына. Но кто-то уже бросил кости, и все изменилось.

Этой ночью кофейня Бориса сгорела.

У перекрестка, что располагался недалеко от центрального городского парка, меня ждала Алина. Ее тонкую фигуру я увидела издалека. Она была одета в узкие джинсы и свободную толстовку. Через плечо девушка перекинула большой рюкзак и сумку с фотоаппаратом, который частенько носила с собой. Алина тяготела к искусству фотографии, любила делать снимки живописных мест и красивых людей, а потому почти не расставалась с камерой.

Мы поздоровались и, как обычно, обнялись. С нашей последней встречи прошло не больше трех дней, но все же я безумно обрадовалась увидеть подругу снова. Она была моим человеком, по-другому тут и не скажешь. С ней я могла себе позволить не притворяться, быть собой. Быть свободной.

— Как всегда опаздываешь, — улыбнулась Алина.

— Как всегда приходишь рано! — отговорила я и кивнула на фотоаппарат: — Ты во всеоружии, куда пойдешь?

— Если я скажу, что на белый завод, ты не сбежишь? — поинтересовалась Алина, уводя меня в сторону автобусной остановки. Я удивленно взглянула на подругу.

— А что замышляется? — спросила я.

— Да ничего особенного, — проговорила Ракитина. — Хотела поснимать виды, там сейчас красиво и пусто, то, что надо.

Я не видела причин для отказа, а потому согласилась отправиться вместе с Алиной. Белый завод был старым зданием, располагавшимся на окраине города. Во время войны его бомбили и до сих пор так и не снесли. Добраться до завода на машине можно было минут за десять. Но ни я, ни Алина не имели никакого транспорта, кроме старого велосипеда, валявшегося в гараже Алининого деда. Поэтому нам предстояло ехать на автобусе до конечной остановки и затем еще минут десять идти через небольшое поле. Там-то и находился белый завод, построенный из массивных бетонных блоков. Когда-то, может, они и впрямь были белыми, но время и война давно окрасили эти стены в тоскливые серые тона.

Трехэтажный завод стоял на возвышении и в длину занимал чуть больше полкилометра. Одна из стен была почти полностью разрушена, и в рваных пробоинах просматривались блоки этажей. Почти все окна завода оказались разбитыми, лишь кое-где торчали острые осколки.

Приблизительно в двухстах сотнях метров от белого завода виднелись частные дома, выстроенные из добротного кирпича и огороженные массивными заборами. Здесь, на окраине, где воздух был чист, а природу еще не отравил городской смог, несколько лет назад стали строить такие коттеджи. Новость быстро разнеслась по городу, и все прозвали этот район золотым цехом. Одно время на белом заводе собирались шумные компании ребят, любителей выпить и подебоширить. Таких компаний полно и в городских дворах, и способы борьбы с ними пока не изобретены. Однако в золотом цехе все случилось иначе. Влиятельные жители сделали несколько звонков в милицию, вокруг завода временно установили наблюдение. Уж не знаю, какие меры применяли к нарушителям ночной тишины, но прошло пару месяцев, и эти компании больше не появлялись на белом заводе.

Сам завод производил впечатление гнетущей тоски. Обветшалые бетонные стены насквозь продувал холодный осенний ветер. Солнце, еще сохраняя над городом свои вечерние лучи персикового оттенка, будто избегало смотреть на это здание, хранящее в себе запахи тумана и пепла войны.

Мы с Алиной вошли внутрь завода через один из проломов. Темнота почти сразу окружила нас, и оттого дыры в стенах казались ослепительно белыми вспышками.

— Фотки отличные будут, яркие, прямо на праздник, — проговорила я, чтобы ощутить в этом мраке свой голос. Алина засмеялась, и этот новый звук эхом разнесся по пустому пространству.

— Нам выше, — сообщила подруга. Она явно была здесь не в первый раз. Пройдя вперед несколько метров, Алина включила фонарик на телефоне. В его светлом круге я смогла рассмотреть в углу лестницу. По ней мы стали подниматься на второй этаж. С каждой ступенькой до моего слуха все отчетливей доносился какой-то звук, словно в уключинах лодки скрипели весла. Как только мы оказались на этаже, то увидели узкий коридор, ведущий в просторный зал. Как и на нижнем этаже, он представлял собой большое пространство, разве что чуть более освещенное. По бокам коридорчика виднелось два прохода в небольшие комнаты. В одной из них, той, что по правую руку от меня, сохранилась дверь. Честно говоря, она больше напоминала фанерный лист. Равномерно поскрипывая от воздушных потоков, бродящих по этому старому зданию, дверь издавала тот самый звук.

Мы вошли в зал и на лицевой стене увидели брешь, по форме напоминающую круг. В

конце этого помещения вырисовывались проемы дверей, но из-за густого мрака, таившегося в той части зала, нельзя было точно сказать, как далеко они от нас.

— Ну как, здесь получше свет? — поинтересовалась Алина, и я сомнением взглянула на нее.

— Свет — возможно, но обстановка угнетает, — проговорила я. — Ты к Хэллоину готовишься?

— Надеюсь, что нет, а там как попрет, — кивнула Алина. Но в этом зале мы тоже не остались, а поднялись еще выше. На третьем этаже крыши не было, лишь длинная площадка с торчащими обломками стен. На один из таких обломков присели и мы. Я сразу увидела отсюда весь наш город, что исподволь тонул в сумраке и свете разгорающихся фонарей. Алина тем временем расстегнула свой рюкзак, достала оттуда термос и поставила на пол. За ним последовал контейнер с бутербродами, который подруга протянула мне, оставляя право выбора. Мне стало неловко. Как и всегда, когда кто-то делал для меня хорошие вещи, ничего не прося взамен.

— Слушай, могла бы предупредить, — проговорила я. — У меня дома полно вкусняшек, а то как-то на халяву неудобно...

Алина снова засмеялась над моими словами и махнула рукой.

— Боюсь, тогда ты принесла бы бабушкин борщ и мамины котлеты, и мы бы поселились здесь, — заявила Ракитина. Она налила в крышку чай для себя, а сам термос отдала мне. Я пила чай без сахара, и подруга, зная об этом, взяла для себя пару кусочков рафинада, которые были запрятаны в ее рюкзаке. Эта забота тронула меня, и я снова подумала о том, как мне повезло с подругой.

Сидя здесь, на этом старом заводе, под вечереющим небом сентября, я чувствовала, как обновляется моя душа. Этот город, что темнел вдали слившимися силуэтами домов, смотрел мне в глаза. Я читала в нем сотни огней, и музыка его улиц отдавалась в моем сердце. Алина чувствовала то же самое. Ее извечно серьезное лицо сейчас наконец-то выглядело расслабленным и нежным. Таким оно бывало редко, и я, похоже, единственная, кто имел возможность наблюдать его.

Алину я знала со школы. Честно говоря, все, что происходило класса до третьего, я помню смутно. Точнее, предпочитаю не придавать этому большого значения, потому что в моей жизни тогда не происходило ничего примечательного. Не могу сказать, что у меня не было друзей, но мне отчетливо вспоминается одна картина. Я сижу в окружении своих одноклассников, мы играем во что-то, перебрасывая друг другу мяч, и всем вокруг безумно весело. А я в недоумении смотрю на смеющиеся лица ребят, и отчего-то мне хочется сбежать отсюда и поскорее вернуться в дом, где я могу читать книги и наслаждаться тишиной.

Алину перевели к нам школу в параллельный класс. Она училась в четвертом «А», а я — в четвертом «Б». Девчонки говорили что-то про новенькую из параллельного класса, которая ни с кем не общается, зазнается и вообще сама по себе. Я увидела ее спустя несколько дней, на перемене в коридоре. Она стояла у окна. Ее рюкзак лежал рядом на подоконнике. Одноклассницы Алины расположились у соседнего окна и весело болтали между собой.

— А вон и новенькая, — услышала я сзади голоса девчонок. — Стоит там одна.

— Похоже, воображает себя невесть кем.

— Даже не поздоровалась со мной в раздевалке!

Я снова посмотрела на эту девочку. На секунду наши глаза встретились, и я узнала печать одиночества, отметившую судьбу Алины. В ее лице, в опущенных уголках плотно сомкнутых губ, была видна бесконечная грусть. Она не выглядела высокомерной, а всего лишь мрачной, чего никак не могли разглядеть мои одноклассницы. Мне было совсем немного лет, но уже тогда я с легкостью понимала чувства других людей.

Чтобы скоротать время, Алина достала из портфеля потрепанную книгу и уткнулась в нее. И тут я почувствовала, как мое детское сердце сжалось от участия к этой одинокой душе. Но подойти и познакомиться я с ней не успела. Прозвенел звонок, и Алина, казалось, с облегчением отправилась на урок. Ведь ей больше не надо читать книгу и притворяться, что она не хочет веселиться с другими детьми. Точнее, не может. Ребята чувствовали, что Алина и в самом деле не похожа на них. Они не принимали ее.

В другой раз мы столкнулись в библиотеке. Это было спустя пару месяцев, за которые девочка ни разу не попала мне на глаза. Сейчас она стояла в глубине зала и выбирала между «Машиной времени» и «Две Дианы». По правилам библиотеки, на руки можно было брать только одну книгу. Конечно, тем, кого библиотекарь уже знала, разрешались привилегии. Мне, например, всегда позволялось брать любые книги. Я возвращала их в хорошем состоянии и быстро читала. Но Алина, новенькая, само собой попала под действие местных правил, поэтому ей приходилось выбирать.

— «Две Дианы», — сказала я, подходя ближе к девочке. Она повернулась ко мне, и ее губы, вечно привыкшие молчать, беззвучно спросили что-то. Затем, смутившись, она откашлялась.

— Думаешь? — проговорила Ракитина, и я услышала ее чистый приятный голос.

— Сто процентов, — с располагающей улыбкой кивнула я, чтобы Алина немного расслабилась и не ждала подвоха. Так уж вышло, что в нашей небольшой библиотеке я перечитала почти все, за исключением словарей и старых газет, поэтому могла дать советы Алине. Дюма всегда казался мне захватывающим и таинственным. То, как он писал, восхищало меня. Легко, тонко, изящно, и оторваться от его романов невозможно. Уэллс с научно-фантастическими изысканиями, конечно, был мастером своего дела, но, на мой взгляд, явно не конкурировал с драмами Дюма.

— Последую твоему совету, — кивнула Алина, и с этого момент началась наша дружба. Наверно, у Алины еще никогда не было друзей, потому что первое время она вела себя скованно. Но постепенно девочка привыкала ко мне, раскрываясь и доверяя сначала небольшие, а потом все более важные тайны. Я все чаще становилась единственным слушателем ее мыслей, мечтаний и историй детства. Время шло, мы выросли, и наша дружба с годами только крепла.

Алина жила с матерью, Натальей Викторовной, особой довольно жесткой и старомодной. Отца девочка никогда не видела, да и не спрашивала об этом у матери. Она вообще почти никогда ничего не спрашивала, заведомо боясь получить отказ.

Как оказалось, Наталья Викторовна работала вместе с моим папой, и для Алины, разумеется, с самого детства была уготована нежеланная участь инженера. Обвинять Наталью Викторовну в том, что она не спрашивала мнения дочери, было бы несправедливо. Наоборот, она всегда спрашивала, чего бы хотелось Алине, а потом объясняла, что это все сущие глупости. Раз за разом слушая эти слова, которые всегда так ранят юную душу, еще не ведающую разочарования, Алина со временем поняла, что ей стоит побольше молчать о

своих мечтах. Очень рано она научилась обманывать или говорить то, что от нее хотят услышать. Порой даже я не могла быть уверенной в том, что правильно понимаю ее. Эта девочка словно находилась в незримой клетке. Никто не знал ее. Никто не был ей близок. Когда я думала о том, как она жила до нашей встречи, мне становилось страшно. Я будто смотрела в пропасть, где ничего, кроме одиночества, не существовало.

Становясь взрослее, я понимала, насколько авторитет Натальи Викторовны мешает Алине быть собой. Ее мать знала все. Как поступить, что ответить, где сейчас лучше, с кем стоит общаться. Не знала она лишь одного, — свою дочь. Ее тонкую душу, ее мысли и чувства. Она понятия не имела, каким удивительным человеком была Алина, какие идеи рождались в ее голове. Одно то, как она видела мир, — без злости, без обиды на то, что он оставлял ее в рамках. Или же, наоборот, за пределами этих рамок, вдали от всех.

Алина всегда, до последней нелепости верила во все свои мечты, и в этом мы были с ней похожи. Мы были незримыми солдатами той армии желаний, которая исчезает из жизни многих людей, стоит им едва повзрослеть. Мы же всегда безумно верили в свои иллюзии и, быть может, только поэтому рано или поздно обретали их.

У Алины были длинные, чуть вьющиеся волосы каштанового цвета и золотисто-карие глаза, которые, если хорошо присмотреться, выражали любое чувство ее робкой натуры. Словом, она была необычайной красавицей. Но ее лицо, по привычке сохранявшее поразительную серьезность на людях, не притягивало к ней людей. Не могу вспомнить, чтобы кто-то из парней решился ухаживать за ней. Ведь даже если смельчака не пугал отшельнический вид Ракитиной, разговор с ней поддержать бывало сложно. Алина чудовищно умна, и, если она не хотела разговаривать, то собеседник был озадачен в первые минуты знакомства. Много раз я пыталась вытащить ее из того панциря, в котором находилась ее жизнь, но попытки не увенчались успехом. Уверенная в том, что все, как и мать, будут пытаться изменить ее, она предпочитала быть одна.

Мне все это казалось безумно грустным. Но никогда я не позволила бы себе вмешиваться в чужие мысли, а потому не собиралась воспитывать Алину. Я просто была рядом, была ее другом. И вот парадокс, — это не стоило мне никаких усилий, но ничего более ценного у Алины не имелось.

Мы закончили свою трапезу под последние аккорды этого дня и вернулись на второй этаж завода. Алина принялась фотографировать виды города из округлой пробоины в стене, а потом показывала мне.

— Живописно, — оценила я, просматривая несколько кадров. Казалось, что огромное око взирает на город прямо отсюда.

— Еще обработаю дома, и будет супер! — воодушевленно кивнула Алина. Сейчас она была похожа на маленького ребенка, который занимается любимым делом, и у него все получается. Я почувствовала на сердце спокойную, тихую радость за тот мимолетный счастливый миг жизни, который был сейчас у Алины. И у меня.

— Твоя мама не скажет, что ты занимаешься ерундой и творишь могильные снимки? — засмеялась я, и мы стали возвращаться на первый этаж.

— Я шифруюсь, — улыбнулась Ракитина. — Открываю научные статьи на случай, если она решит нагрянуть ко мне и проверить, что я делаю.

— Ваши отношения с каждым днем приобретают все более доверительный характер, —

невесело заметила я. Сумерки приняли нас в свои меланхоличные объятия, и мы, оставляя позади белый завод, направились к остановке.

Новый день опустил на город серые низкие облака, за которыми порой показывались клочки по-весеннему светлого неба. Временами в эти небесные бреши прорывались лучи солнца. Тогда казалось, что кто-то пролил на дома и дороги тонны оранжевой краски. Но на асфальте то тут, то там вырисовывались очертания мелких лужиц, что оставил после себя морозящий всю ночь дождь. Люди ежились от внезапно возникающих порывов ветра. Они старались покрепче запахнуть воротники легких курток и пиджаков. Когда я выходила из дома, под козырьком подъезда меня встретила дворовая рыжая кошка. Она уютно присела в уголке и сквозь прищуренные глаза взирала на мир из глубин своего кошачьего сознания.

Как обычно, мы встретились с Настей у входа в институт и пошли на лекцию по общей химии, которая была у нас первой.

— Меня вчера Андрей пригласил в боулинг, — сообщила Настя, довольно улыбаясь.

— Ого! — я искренне обрадовалась за подругу. — И как все прошло?

— В целом, неплохо, но мы были с его друзьями, — передернула плечами Настя, и я догадалась, что девушка рассчитывала на иное развитие событий.

— Не будь так строга, — сказала я. — Он вроде хороший парень, наверняка нервничал, вот и решил оставаться в привычном кругу общения. Для поддержки, так сказать.

— Может, ты и права, — засмеялась Настя. — Посмотрим.

Мы зашли в аудиторию и, как всегда, заняли места в середине зала.

— А ты что вчера делала? — спросила Лебедева. — Весь день в онлайн не была.

— Учила, — подруга услышала мой тяжелый вздох.

— На красный диплом метишь? — усмехнулась Настя, и я пообещала подумать над этим. Когда я вчера вечером включила вай-фай, то увидела, что меня буквально завалило сообщениями во Вконтакте. Бывшие одноклассники и знакомые звали отдохнуть в кафе. Несколько парней с нашего курса добавились в друзья с вежливыми предложениями встретиться. Похоже, мое появление на празднике первокурсников не осталось незамеченным. Но пока мне не хотелось никаких отношений, поэтому подобное внимание оставило меня равнодушной.

— Ладно, Кристин, слушай сюда, — решила Настя. — Я не стала тебе писать вчера об этом. Знаешь, кто был друзьями Сажнева?

Внезапно я поняла, что хочет сказать Лебедева, и мне больше не потребовалось ее намеков.

— Давыдов и Даша? — произнесла я с улыбкой, поворачиваясь к Насте.

— Прикинь! — возмущенно подтвердила девушка. Я засмеялась.

— Да в чем дело? — спросила я, потому что у Насти было лицо разгневанного праведника. — Лучше расскажи подробности. Она вроде ничего, эта Даша...

— Черт ее знает, — поморщилась Настя. — Я, конечно, понимаю, что вы с Максимом называетесь друзьями. И вы, похоже, так часто это повторяли, что сами поверили. Но вот скажи мне, неужели тебя это не задевает?

Я задумалась, пытаюсь понять, есть ли в моих чувствах к Максиму что-то большее, чем просто интерес.

— Знаешь, что и в самом деле могло бы меня задеть? — спросила я. — Если бы он

потерял от нее голову, решил жениться, уехать к чертовой матери и нарожать кучу детишек, называя каждого следующего Дашей.

Лебедева смотрела на мое смеющееся лицо взглядом, в котором откровенно сквозило непонимание. Потом, решив не забивать голову ерундой, которую я, по безмолвному мнению Насти, несла сейчас, девушка назидательно ткнула в меня пальцем:

— Это не за горами!

После химии стояло две пары практического занятия по гистологии. Преподаватель, Савушкин Виктор Петрович, был мужчиной лет сорока, с серьезным выражением лица и добрыми глазами. Свой предмет он знал хорошо, с упоением рассказывал о компонентах клетки и о том, как интересно выглядит эритроцит под микроскопом. В начале занятия проходил опрос, но Виктор Петрович вызывал всех по списку, и до меня очередь не дошла.

— Доктора, кто сегодня не ответил, не расстраивайтесь, на следующем занятии вы обязательно продемонстрируете свои знания, — улыбаясь, пообещал нам Савушкин, и кто-то с задней парты негромко проговорил, что вовсе не расстроен.

После опроса мы настроили микроскопы, и Савушкин дал задание рассмотреть все препараты, которые он подготовил для нас к этому занятию. Настя уже выцепила из общей коробки препарат безмиелиновых нервных волокон и просила меня ознакомиться с ним. На зачете, как сказал преподаватель, нам предстоит угадать препарат и рассказать строение его ткани. С одной стороны, задание не выглядело сложным, но велик риск спутать одно изображение с другим и отправиться на пересдачу. Мы с подружкой договорились записывать все препараты под так называемым шифром, чтобы лучше запоминалось.

— Похоже на малиновую лапшу, — сказала Лебедева, закрепив стеклышко на предметном столе микроскопа и посмотрев в окуляры. Я повторила ее путь и отметила, что отчасти Настя сделала неплохое сравнение.

— Так и запишем, малиновая лапша, — хихикнула я. Ассоциации очень помогали нам, особенно на первых порах, когда приходилось учить довольно большие объемы информации, и мозг отказывался принимать весь этот поток.

Савушкин принялся ходить между рядами, проверяя работу студентов. Ребята с заднего ряда никак не могли настроить микроскоп, и Виктор Петрович сделал им замечание. Затем он подошел к нам.

— Ну, как у вас дела? — спросил он и заглянул в окуляр.

— Смотрим безмиелиновое нервное волокно, — ответила я. Видимо, микроскоп мы настроили правильно, поэтому Савушкин одобрительно кивнул и посоветовал:

— Возьмите препарат миелинового волокна и сравните, очень интересно и наглядно. Потом будем проходить строение нервной ткани, рассмотрим это подробнее...

И Виктор Петрович переместился к следующей группе студентов. Пока Настя искала в коробке миелиновое нервное волокно, я включила подсветку телефона и увидела, что во Вконтакте у меня одно сообщение.

Максим 11:49

Настя с тобой?

Привет

Кое-что случилось

Я покосилась на подругу. Она сосредоточенным взглядом разыскивала нужный нам препарат, но было заметно, что все происходящее ей безумно нравится. Мне вовсе не хотелось ее расстраивать, но вопрос Максима не оставлял никаких сомнений на этот счет. Прикрыв телефон тетрадкой, чтобы Савушкин не рассекретил мое занятие, я потихоньку набрала ответ.

Кристина 11:51

Да, что случилось?

Максим 11:53

Если кратко, на цикле произошла неприятная ситуация. Одна пациентка напала на Андрея. Все подавлены, особенно он.

Я перечитала сообщение несколько раз. Напала? От этого мне стало не по себе. Представляю, в каком состоянии сейчас ребята. Я вновь посмотрела на подругу.

Кристина 11:57

Где вы?

Максим 12:00

Во внутреннем дворе

Кристина 12:00

Мы придем

Как только занятие закончилось, я рассказала обо всем Насте. Ее лицо за секунду стало встревоженным и грустным. Не проронив ни слова, она тут же направилась на задний двор, а я поспешила за ней следом.

Стоило нам с Настей завернуть во двор, как я сразу же увидела ребят. В глаза бросились фигуры Максима и Даши. Они стояли чуть дальше лавочки, на которой сидел Андрей. Максим обнимал Дашу за плечи, а она неспешно говорила о чем-то с серьезным выражением лица.

Вокруг было шумно. Началась большая перемена, и все высыпали из корпуса на улицу. Студенты гонялись вокруг фонтана, смеялись, сидя на лавочках. Словом, все шло своим чередом.

На Андрее не было лица. Увидев приближающуюся Настю, он безмолвно поднялся и обнял ее. Со мной он поздоровался слабым кивком, и я ответила ему. Мешать ребятам не хотелось, поэтому я подошла к Максиму и Даше.

Ситуация получалась неловкой. Я не знала, говорил ли Максим ей обо мне, и если да, то что именно. По лицу девушки, по взгляду, который она бросила на меня, я ничего не смогла прочитать. Возможно, моя персона была ей незнакома, или она и впрямь оказалась умна, как говорил Максим.

— Даша — Кристина, — коротко представил нас Давыдов. Мы с ней обменялись привычным «очень приятно», и вновь я не смогла определить, что она думает обо мне.

— Что произошло? — я задала этот вопрос, надеясь прервать тишину. Лица обоих ребят были сосредоточенными. Углы рта опущены, будто им никогда не приходилось улыбаться прежде. Чувствовалось, что все потрясены произошедшим.

— Пациентов выводили на прогулку, у нас был перерыв, вроде ничего такого, что могло бы спровоцировать их, мы не делали, спокойно стояли, — начал Максим. — Но потом появилась эта женщина. С виду вполне себе нормальная, в завязке, но мы заметить не успели, как она набросилась на Сажнева с криками...

Давыдов нахмурился и какое-то время молчал, словно возникшие перед глазами воспоминания вернули его в психиатрическую больницу.

— Было ужасно, — добавила Даша. — Она так кричала... Санитары не сразу ее схватили, она Андрею халат порвала на плече...

Чувствуя, как ужас постепенно, узкой дорожкой из этих слов прокладывает себе путь к моему сердцу, я взглянула на Андрея.

— А в каком отделении это случилось? — спросила я. Мне было неприятно говорить обо всем, но аналитик в моей голове никогда не дремал и продолжал работать даже в такой ситуации.

— В том-то и дело, что они не буйные, — ответил Максим, поняв, что я хочу спросить. — Они никакой агрессии не проявляли.

— Я когда по телефону выходила говорить, их вели на завтрак, — сообщила Даша. — Утверждать не стану, но вроде я видела эту женщину.

— Повезло, что она на тебя еще не набросилась, — проговорил Давыдов.

— Да она божьим одуванчиком казалась, — пожалала плечами девушка. — Даже песенку напевала. Странную колыбельную в упадническом духе. Может, это и был симптом...

Я поймала вопросительный взгляд Давыдова, которым он пытался узнать, думаю ли я так же, как и он. Честно говоря, я и не знала, что думать, поэтому едва заметно качнула головой.

— Спи, моя радость, усни? — предложил Давыдов вариант колыбельной, уже зная, что он не подойдет.

— Скорее, умри, — пробормотала Даша. — Песня очень неприятная была, что-то про бродящие души, зеркала...

— Классическая шизофреническая симптоматика, — прервал ее Максим, уже услышав все, что хотел. А я никак не могла поверить, что женщина, напавшая на Сажнева, напевала ту самую песенку, что и наш охранник. Как меня напугала в ту ночь эта колыбельная, и как пугает снова! Это вовсе не совпадение, я была уверена.

Часы фонтана показывали двадцать пять минут первого. Скоро прозвенит звонок и позовет всех студентов на занятия. Я приблизилась к Андрею с Настей.

— Если хочешь, оставайся, а я прикрою тебя на лекции, — обратилась я к подруге. Лебедева бросила на Андрея вопросительный взгляд, но тот покачал головой.

— Ни в коем случае, — произнес он. — Иди, вечером созвонимся.

Я дала ребятам попрощаться, и мы с подругой в числе других студентов стали покидать двор. Андрей, Максим и Даша так и остались на прежних местах. Уже заворачивая за корпус, я мельком обернулась и снова увидела два четких силуэта на фоне красной кирпичной стены. Максим и Даша продолжали говорить о чем-то, и я вдруг впервые

испытала это чувство, — я поняла, что теряю Максима. Теряю своего лучшего друга вот так запросто, в суеде неосязаемых, быстротечных дней осени.

После окончания занятий я решила отправиться к бабушке. Мне не хотелось оставаться одной сейчас, а родители еще не вернулись с работы. Я открыла дверь своим ключом, и по непривычной тишине, наполнившей квартиру, сразу же поняла, что бабушки нет. Спустя мгновение в коридор с настороженной физиономией выбежал Зевс, и его чернильные глаза с невысказанным вопросом смотрели на меня.

— Я тоже не знаю, где бабушка, — единственное, что нашлось мне сказать, и Зевс, чуть слышно заскулив, подбежал ко мне. Есть много людей, которые, завидев маленького ребенка или животное, мгновенно начинают болтать без умолку. Обычно эту пустую болтовню называют даром находить общий язык. По каким-то неведомым причинам природа обделила меня этой способностью. Мое отношение к слову было сугубо деловым. А потому сейчас я присела и стала молча гладить бигля по его гладкой шерсти. Человеческое присутствие немного успокоило бабушкиного питомца, и он перестал скулить.

Я прошла в зал и оставила свою сумку на мягком диване. Напротив него стоял предмет бабушкиной гордости, — старый сервант с бесчисленным количеством посуды. Сколько себя помню, мама всегда воевала за то, чтобы «убрать отсюда эту рухлядь». Но бабушка не сдавалась, поэтому старый сервант продолжал свое брренное существование в этом доме.

Кроме этого в зале был большой стол, за которым мы собирались по праздникам всей семьей. Здесь же стоял плазменный телевизор, подарок родителей на день рождения дедушки. Одним словом, не считая телевизора, обстановка была такой, словно на улице все еще восьмидесятые годы.

Я решила, что бабушка ушла в магазин. Скорее всего, это недолго, и стоит ее дождаться. Супермаркет находился напротив дома, так что наверняка бабушка уже возвращается. Я заглянула на кухню, где витал терпкий аромат смолотого кофе. Бабушка просто обожала этот напиток. В раковине обнаружилась изящная поблескивающая турка, и когда мои пальцы прикоснулись к ней, они ощутили тепло металла. Выходит, бабушка ушла недавно. Заглянув в холодильник, я достала кусок сыра, отрезала хлеб, соорудила нехитрый бутерброд и поставила чайник. Что и говорить, ожидать бабушку в такой компании гораздо приятнее.

Прошло чуть больше получаса. Ко мне вновь прибежал Зевс и свернулся у ног, так, что было видно, как при дыхании вздымается его бок. Почему-то именно сейчас, глядя на то, как равномерно дышит Зевс, я почувствовала необъяснимую тревогу. Бабушки не было уже давно, куда она могла уйти, тем более, оставив Зевса одного?

— Ну, что, попробуем позвонить ей? — проговорила я сама с собой. В целом, это была не слишком блестящая идея, ведь бабушка называла телефон дурацким изобретением, и дозвониться до нее представляло большие трудности. Однако попытаться стоило, хоть через минуту выслушивания длинных гудков я поняла бесплодность своей попытки.

— Зевс, — позвала я питомца бабушки, напоминавшего мне сейчас беспомощного ребенка. — Пойдем в комнату, посмотрим, какие у тебя есть игрушки.

Я поднялась, и бигль покорно потрусил за мной. Шторы в спальне были плотно задернуты, и я не стала их трогать. Пахло миртом, который бабушка выращивала на подоконнике, и пустотой. Казалось, весь уют этого дома ушел вместе с бабушкой.

На тумбочке рядом с кроватью стоял стационарный телефон. В небольшом темном

экране я увидела мигающую красным цифру один. Кто-то оставил бабушке голосовое сообщение на автоответчике. Не знаю, что побудило меня в ту минуту нажать кнопку и прослушать его. Видно, так должна была сложиться моя судьба.

— Света, здравствуй! — произнес мужчина, и его голос показался мне знакомым. — Как ты поживаешь? У меня было много дел в последнем месяце, прости, что не позвонил раньше... Есть важный разговор. Это касается Кристины. Она странно себя ведет. Я боюсь она узнает что-нибудь о тех событиях, ну, ты понимаешь... Давай встретимся и поговорим. Позвони мне.

Я была ошеломлена тем, что услышала. Голос без сомнения принадлежал Юрию Витальевичу, и он говорил обо мне. Выходит, все это время он поддерживал связь с бабушкой, хоть и сказал, что давно ее не видел! Безобидный профессор латыни оказался не таким простаком, каким пытался быть. И что же он хочет рассказать бабушке? Что вообще произошло, о чем он?

Я не знала, что и думать. Волновать бабушку не хотелось, но видимо придется спросить у нее, что это означает. Безусловно, это связано с той странной, пугающей подсобкой. Все, что мы нашли там с Максимом, не просто старый хлам. Охранник был прав, — там что-то творится!

Паника охватила меня. На секунду показалось, что я и в самом деле пытаюсь влезть во что-то темное, старое, давно забытое. Нужно бросить все, иначе случатся плохие вещи. Тревога не покидала меня, и, когда зазвонил мой сотовый, я вздрогнула от испуга.

— Кристина? — мамин голос, приглушенный помехами, звучал прерывисто и грустно. — Дочка, где ты?

— Я у бабушки, жду ее, — проговорила я, чувствуя, как дрожь сковывает меня. — Что случилось, мам?

— Только не волнуйся, — в трубке послышались сдавленные рыдания. — Бабушка сегодня не придет. Она в больнице...

Зевс каким-то непостижимым образом понял, что я получила скверные новости о его хозяйке. Он чуть ощерился, и я услышала, как его нутро заурчало.

— Мам, что случилось, говори! — повторила я, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

— Бабушка пошла в магазин, и у нее случился инфаркт...

— В какой она больнице?!

— Сейчас не приезжай, — отказалась мама. — Остайся сегодня с отцом, ты здесь ничем не сможешь.

— Мама...

— Только не спорь! — приказала мама, и что-то в ее голосе заставило меня подчиниться. — Залезь в комод в спальне бабушки и возьми все ее документы. Паспорт, полис, все, что найдешь...

Я пообещала так и сделать. Мы попрощались, и, едва я отняла телефон от уха, почувствовала себя безумно уставшей. Под ногами крутился Зевс, и я, опустившись на пол, прижала его к себе. Собака покорно замерла рядом, зная, что сейчас она особенно нужна человеку. Не могу сказать, сколько мы просидели так, а потом я незаметно для себя задремала.

Я проснулась от того, что шея окончательно затекла. Зевс продолжал похрапывать на

прежнем месте. Сквозь просвет штор виднелось потемневшее небо, и комната казалась запертой в этих сумерках.

Хотелось есть, на что недвусмысленно намекал мой урчащий живот. Голова, как это обычно случается после дневного сна, была тяжелой и мутной. Но на сегодня я потратила уже достаточно времени впустую, поэтому пора заняться делами.

Я прошла на кухню, вымыла турку и решила сварить кофе, чтобы немного взбодриться. Этот напиток, честно говоря, не слишком мне нравился, но я свято верила, что он наполнит меня энергией. Правда, гораздо чаще вместо вожденной энергии приходила лишь тахикардия. Вскоре проснулся Зевс, прибежал на кухню, и сзади послышалось, как он похрустывает кормом из миски.

На плиту я поставила сковородку с жареной картошкой, закинула две сосиски и сверху разбила яйцо. Глядя, как белок постепенно растекается, я грустно улыбнулась. Бабушка всегда готовила такой обед на скорую руку, если вдруг ее любимая внучка неожиданно приходила. Я быстро поела и, убрав за собой, снова пришла в спальню. Мне не хотелось раздвигать шторы, пусть все остается так, как было при бабушке. Поэтому я включила свет и открыла шкаф. На нижней полке у бабушки лежала большая дорожная сумка, и в нее я принялась складывать кое-какие вещи, которые могли понадобиться ей в больнице. С прикроватной тумбочки я захватила очки для чтения и лежащую там же книгу. Перевернув лицевой стороной к себе, я прочла: «Трое в лодке, не считая собаки». Замечательная веселая книга, мастерски написанная. Как раз то, что нужно сейчас бабушке. И книга также отправилась в сумку вслед за очками. Теперь настало время найти документы, о которых просила мама.

У меня никогда не было привычки копаться в чужих вещах, а потому, исследуя бабушкин стол, я чувствовала себя вором-домушником. Впрочем, найти документы не составило большого труда. Моя бабушка, как и многие представители ее поколения, хранила все документы в одной папке. Сейчас я оценила, насколько это удобно, поэтому, обнаружив паспорт и полис внутри синего прямоугольника, не стала дальше изучать содержимое и положила папку к остальным вещам. Я уже собиралась закрыть ящик, но какой-то вскрытый конверт, лежащий сбоку, зацепил мой взгляд. Похоже, звезды сегодня сложились так, что я шла наперекор своим принципам. До сих пор не могу сказать, зачем я взяла этот конверт тогда. Он прибыл из Москвы, в графе «от кого» стояло имя Карева Варвара Дмитриевна. Я не знаю зачем, достала сложенный пополам листок бумаги и принялась читать.

«Дорогая моя подруга, твое письмо застало меня, когда я была в отъезде, поэтому отвечаю только сейчас. Первым делом хочу сказать, что безумно рада за твою внучку, Кристину. Поступление в медицинский институт очень важное событие, она молодец, что решилась на это. Как там Юра? Как он отреагировал на это? Помнится, когда мой внук поступал сюда, он злился, отговаривал меня. Спрашивал, зачем ему возвращаться туда, откуда много лет назад я сама сбежала. Но судьба моего внука не принадлежит мне, он сделал свой выбор. К тому же, ты помнишь, мы тогда строили дом, все деньги вкладывали туда, а все-таки жизнь в вашем городе гораздо дешевле... Так что наш профессор? Не слишком негодовал? Хотя тебя он вряд ли бы решился отговорить. Он любил тебя, и помнит до сих пор. Наверняка ты сейчас качаешь головой и смеешься, но мы обе знаем, что это правда.

Скоро в доме закончат с установкой проводки, у меня будет телефон, и мы снова

сможем созваниваться с тобой. Как только это случится, я дам тебе знать. А пока пиши мне, я безумно рада читать твои истории. Они возвращают меня в юность, когда мы были вместе и думали, что это навсегда. Я безумно скучаю по нашему городу, Света. Он неприметный, маленький, в нем нет ничего особенного, но для меня это город, где воздух пропитан мечтами и надеждами. Я не могу и не имею возможности вернуться туда, но ты всегда желанный гость в моем доме. Приезжай в любое время, если пожелаешь, моя дорогая, и ты одна вернешь мне мой старый город.

Заканчиваю письмо и с нетерпением жду твоего ответа. Передавай от меня привет всем, кто еще поддерживает старые связи, особенно Юрке и Кормышову. Он все еще на прежнем месте? Надеюсь, что нет, и в его жизни началась белая полоса.

Прощаюсь и целую.

Твоя Л»

Я дочитала письмо и продолжала бессмысленно смотреть в этот лист. Сейчас передо мной распахнулась целая жизнь, о которой я ничего не знала, и которая уместилась в одном письме. Бабушка никогда не рассказывала об этой подруге, никогда не говорила, что поддерживает с кем-то общение. В письме идет речь о Юре и Кормышове. Кто такой последний, было непонятно, но Юра — это, конечно же, наш профессор Афанасьев.

Уже собираясь вернуть письмо на место, я вдруг снова поднесла его к лицу. Взгляд упал на подпись. Я стремительно перевернула конверт, и новый вопрос поселился в моей голове. Почему конверт надписан именем Варвары Каревой, а в подписи стоит скромная Л.? И кто вообще эта женщина?

Я перестала что-либо понимать. Почему бабушка скрывала все это? Видимо, на это были причины, и мне не стоит лезть в дела бабушки. Я попросту не имею на это право.

Итак, мои сборы закончены. Закрыв все ящики, я бросила в сумку мячик и бутафорскую кость Зевса, потом забрала с кухни его миску и решила уходить.

Надев на Зевса поводок, я перекинула сумку через плечо, и мы вышли на улицу. Дома тонули во влажном вечернем воздухе, и в некоторых окнах уже зажегся свет. Мы двигались через дворы. Зевс все время пытался поиграть с мячом или палкой, если таковые попадались на его пути. Погода напоминала разлюбившую женщину, — днем еще согревала солнечным теплом, но по вечерам неумолимо напоминала о приближающихся холодах и первых заморозках.

У самого подъезда Зевс вдруг принялся настойчиво тянуть поводок на себя, убегая куда-то. Сперва я, пытаюсь отыскать ключи, не понимала, что он делает. Но после, когда рядом кто-то засмеялся и обнял меня за плечи, я почувствовала родной запах отца.

— Вот так, растишь дочь, а она не здороваается! — воскликнул он, и Зевс радостно запрыгал у наших ног. В руках отец нес свой рабочий портфель и какой-то пакет. Он возвращался с фирмы, и мы вот так неожиданно столкнулись с ним у подъезда.

— Ну, что, боец, как на фронтах? — спросил папа, когда мы вошли в подъезд, и он вызвал лифт.

— Взяла пленного, — сообщила я, кивнув на Зевса. Настроение по-прежнему было паршивым, но присутствие отца меня успокаивало.

— Ну-ка дай сумку... Ого! — папа снял с плеча мою поклажу, которая была весьма

легкой. — Вот это мы тягаем! А говорят слабый пол, слабый пол...

Я засмеялась над тем, как отец передразнил всех женщин. Он бывал очень забавным, когда хотел. Мы приблизились к квартире, папа открыл дверь, и первым в коридор с лаем ворвался Зевс.

— Ну, не надо так, чего нос повесила? — отец потрепал меня по плечу, и мы пошли в зал, чтобы положить свои вещи.

— Пап, вдруг с бабушкой что-то серьезное? — спросила я. — Мама не разрешила сегодня приходить, я переживаю...

— А вот не надо! — авторитетно заявил отец и отправился мыть руки. — Твоя бабушка так просто не сдастся, ты же знаешь. Врачи ее быстро на ноги поставят, будет бегать как новенькая!

Я смотрела, как папа, сняв очки, умывает лицо холодной водой, и мне тоже захотелось смыть с себя этот день. Сказав, что ждет меня на кухне, папа ушел, и вскоре я присоединилась к нему. Он уже достал из принесенной мною сумки миску Зевса и пакет с кормом и сейчас обустроивал новое место кормежки для питомца.

— Ты голодный? — спросила я, чтобы накрыть к ужину.

— Не, я в буфете поздно пообедал, не хочу ничего, — отказался папа и принялся трепать подбородок бигля, который, едва услышав звук насыпающегося корма, тут же прибежал в кухню. — А ты?

— Я у бабушки поела.

— Вот отлично! — отец поставил на стол принесенный с собой пакет. — Значит, сейчас будем готовить мой любимый салат!

Я засмеялась. Отец любил так подшучивать надо мной. К примеру, когда в детстве по выходным я ждала начала «Тимона и Пумбы», папа начинал ребячиться и говорить, что сейчас начнется его любимый мультфильм. Вот и теперь под этим шифром имелся в виду мой любимый салат.

— Для него нужны грибы и фасоль, — сказала я.

— Вот тебе заявка! — отец принялся озадаченно поправлять очки, из чего я поняла, что он продолжает комедию. — А это может сгодиться?

С этими словами он достал из пакета коробочку шампиньонов, консервированную банку фасоли и много разных вкусов.

— Пап, ты лучший! — засмеялась я. Мне представилось, как после работы отец ходил по магазину и, думая о нас с мамой, выбирал, чем бы хоть немного поднять нам настроение. Эта его забота было важнее всего на свете.

Глава 4

Следующим утром я уже успела двадцать минут просидеть на лекции по математике. На большее меня не хватило. Преподаватель пытался втолковать нам искусство решения логарифмов, и я посчитала разумным не вмешиваться в его счеты с наукой. К тому же, с утра мне не хотелось завтракать, а сейчас желудок напоминал, насколько опрометчивым было это упущение. Подняв руку, я получила разрешение выйти из аудитории и спустилась на третий этаж.

Судя по тишине, большинство студентов отсиживались на лекциях. Это было весьма полезно сейчас, ведь у автомата с едой не толпился народ, как бывало на переменах. Я

подошла ближе к нему и попыталась добиться выдачи сникерса. Видно, какая-то кармическая проблема заставила автомат заглохнуть, и мне ничего не оставалось, кроме как нажимать все кнопки, что были предусмотрены. В итоге я бессильно выдохнула. Мой смиренный вид говорил о том, что восстание машин прошло успешно.

«Старая развалина!» — подумала я, но тут чья-то рука нажала еще одну кнопку. Она находилась чуть выше остальных, и, конечно же, я решила ее не замечать. После этого автомат замигал и благополучно выплюнул сникерс в окошко.

Повернувшись, я увидела Максима.

— Надо подтвердить, — улыбнулся он и еще раз указал на кнопку.

— Спасибо, — кивнула я, выуживая сникерс из окошка. — А как я должна была догадаться об этом?

— Не переживай, за четыре года обучения я освоил технику в совершенстве, — похвалился Давыдов. — Так что ты приноровишься.

— А побыстрее никак нельзя?

— Побыстрее? Легко. Для самых нетерпеливых есть инструкция.

Максим снова показал куда-то на автомат, и я увидела, что на его боковой стороне и вправду приклеены правила пользования.

— Шерлок снова в деле, — пробормотала я. — Благодарю за ликбез.

— Ты почему не на паре? — продолжал допрос Давыдов.

— Сбежала, — с удовольствием призналась я. — А ты?

— Преподу зачем-то понадобились ведомости, и я вызвался добровольцем, — сообщил Максим. Я представила, насколько сильно ему хотелось удрать с цикла по психиатрии, раз он проделал такой долгий путь из диспансера до института.

— Когда тебе нужно ехать обратно? — спросила я, прикинув, сколько времени займет дорога до диспансера. Не меньше получаса.

— Десять минут назад, — спокойно ответил Максим. — Но я пока в пробке.

— Ты прям студент года, — прокомментировала я. Давыдов улыбнулся и взглянул в сторону. Там, в конце коридора, изредка мелькали несколько фигур. Какие-то студенты то уходили, то снова возвращались в аудитории. Подумав о чем-то еще немного, он снова взглянул на меня.

— Настя с Андреем сегодня собираются в кино, — проговорил он. — Хочешь, составим им компанию?

Я опешила. Мне представилось, как мы с Максимом идем куда-то вместе, и подобная картина напугала меня. Казалось, сидеть летним вечером на качелях в старом заброшенном дворе и говорить о жизни совсем не то, что пойти в кино.

— А как же Даша? — выпалила я, силясь прервать возникшее молчание. Что и говорить, я была мастером лепетать всякие глупости.

— Даша, — повторил Максим.

— Тебе уместнее позвать ее.

— Да она не слишком нравится Насте, как я понял, — медленно проговорил Максим, подбирая слова.

— А твой выбор полагается на симпатии Насти? — поинтересовалась я. Не знаю, откуда у меня эта привычка, при разговоре с Максимом невозмутимо улыбаться и делать вид, что мне все равно. Он хотел что-то ответить, но, взглянув на мое лицо, тоже улыбнулся.

— Ты не могла бы отвечать на мои вопросы, избегая задавать свои? — спросил он.

— Нет, — ответила я, и следующая фраза прозвучала так, будто мой словарный запас временно потерялся в черной дыре. — Потому что вы вместе, и она не против, а мы с тобой просто друзья, и я не хочу проблем.

Давыдов захохотал. То ли надо мной, то ли над тем, о чем думал он сам.

— Мы с Дашей не вместе, — сказал Максим. — И она об этом знает.

— Тогда зачем ты спрашивал моего совета насчет нее? — не понимала я.

— Не знаю, — пробормотал Максим. — Хотел удостовериться, что тебе все равно. Так что?

— Я приду, если не начнется конец света и не придется спасать мир, — улыбнулась я.

— Я тебе позже скину место, где встретимся, — кивнул Давыдов, и его темный изучающий взгляд вновь смутил меня. Чего он за манеру взял пялиться на меня? Стой тут и не знай себе, что делать!

— Ну... мне надо возвращаться на лекцию, — проговорила я, понемногу отступая назад.

— Ага, — кивнул Максим.

— Я пойду, — снова зачем-то сообщила я. Наверное, чтобы мой уход не выглядел как бегство. Максим засмеялся и, видимо решив прекратить эту неловкую сцену, ушел первым.

После окончания лекций Настя опять ушла с Андреем, и я отправилась в анатомичку осваивать мышцы ног в одиночестве. Надо сказать, что подобное положение вещей несколько не смущало меня. Напротив, перспектива спокойно посидеть и все выучить казалось мне весьма привлекательной. Но по дороге в анатомичку меня ожидала встреча с Дашей.

— Кристина!

На приветливо звучащий голос я обернулась.

Взгляд кошки.

Она не успела ничего сказать, а я уже прочитала в нем весь наш разговор. Как? Не знаю.

— Привет, — сказала я, не в силах сдержать улыбку.

— Мне нужно поболтать с тобой, не против? — спросила Даша, не понимая причину моего веселья.

— Что, прямо здесь? — вздохнула я, примерив на себя равнодушную личину, которой нет ни до чего дела. — Ну, давай уж.

— Ты ведь Максима давно знаешь? — поинтересовалась Потанина. Я прикинула в уме числа.

— Если напрягусь, смогу вспомнить его панталоны с рыбками из садика, — проговорила я.

— Приличный срок, — улыбнулась Даша, скорее из вежливости. — А как думаешь, у нас с ним могло бы выйти что-то?

Я отвела взгляд и заметила, какая тишина царит в коридоре. Отвечая на вопросы Даши, я ничего не чувствовала. Чувства настигли меня много позже.

— Что ты хочешь от меня? — устало выдохнула я.

— Что бы вы с Максимом... Как-то поменьше общались, что ли, — призналась Даша. — Дай ему время узнать меня.

— Не общаться с Давыдовым, — повторила я и добавила: — Из-за тебя?

— Из-за него, — простодушно сказала Потанина. — Он ведь не слишком тебе нужен,

как я понимаю. А он хороший парень, и мы могли бы попробовать.

В глубине души я понимала, что Даша права. Ее тон ни в чем не упрекнул меня, а потому я не могла с ней спорить. И не хотела.

— Тебе не нужно мое одобрение, чтобы быть с ним, — сказала я. — Не беспокойся, я ни в чем тебе не помешаю.

И Даша ушла. Я продолжала стоять в коридоре еще какое-то время и думала о том, как поступить правильно. Если все на свете решат указывать мне, как именно общаться с друзьями, я очень скоро останусь совсем одна. Да и меня не слишком интересуют чужие желания. Но вот слова Даши... «Из-за него», — сказала она. Похоже, чувства Максима к мне ни для кого не секрет. Но они явно не так сильны, чтобы он сказал мне о них. Я снова спросила себя, хочу ли быть с ним. И внутренний голос снова ответил — нет. Раз так, то я просто скажу ему правду. Все недоразумения будут стерты.

Живи своей жизнью.

Друзья навек.

Я выгляжу как полная дура.

Это определено так. Сижу в своей комнате и нервничаю оттого, что собираюсь сказать Максиму. Это должно быть что-то вроде: «Привет, классное пальто, кстати, забудь обо мне, у нас ничего не выйдет, мы просто друзья». А на самом деле я наверняка все выдумала, и вовсе ему не нравлюсь. С чего вообще я это взяла? Будь у Давыдова младшая сестра, он бы так же помогал ей во всем, как и мне. Вот начнется забава, когда я заявлю ему, что между нами не может быть никаких отношений. Уже представляю его насмешливый взгляд и слова: «Матвеева, у тебя совсем крыша съехала?».

Примерно с полчаса назад Давыдов прислал сообщение, указав место встречи недалеко от старого парка. Я не понимала, почему ребята решили собраться именно там, поэтому стала писать Насте. Она как раз сидела во Вконтакте с телефона, и я надеялась, что она ответит быстро. Пока подруга собиралась с мыслями, мне нужно было подготовиться к завтрашнему дню. Как всегда, я сложила в рюкзак тетради, халат, несколько ручек и кое-что из косметики. Вскоре Настя сама позвонила мне.

— Матвеева, у тебя совсем крыша съехала? — забавно, но эти слова я услышала не от Максима, а от Лебедевой. — Какой старый парк, и куда вообще ты собираешься?

— В кино с вами, но теперь, похоже, никуда, — пробормотала я в замешательстве.

— Если ты про нас с Андреем, то мы никуда не идем, — сказала Настя. По ее голосу было слышно, что она тоже озадачена.

— Может, Сажнев забыл упомянуть о чем-то? — предположила я.

— Да нет, мы с ним уже попрощались на сегодня, — Лебедева была уверена в своих словах, что еще больше обескуражило меня.

— Вот странно, я не поняла чего-то, наверно, — рассудила я. — Мне Максим сказал, что есть предложение сходить вечером в кино. И что встречаемся у старого парка...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С минуту мы молчали, а потом почти одновременно воскликнули:

— Вот черт!..

— Думаешь, он собирался позвать только меня? — спросила я.

— Либо Андрей получит за то, что вовремя не сообщил мне о грандиозном походе и не

дал собраться, — хмыкнула Настя. — Что будешь делать?

— Не знаю, — задумалась я.

— Ну... ты приди хотя бы, — голос Насти стал обеспокоенным. — Представь себя на его месте...

Я представила. Попрощавшись с Настей, я осталась сидеть в рабочем кресле перед монитором. Чтобы успеть вовремя к Максиму, нужно выходить уже сейчас. Но я продолжала сидеть на прежнем месте. В окне были видны ворота парка, за которыми теснились черные стволы обнаженных деревьев. Их влажная кора поблескивала в свете старых фонарей, что раскачивались от порывистого ветра.

Я решилась. Быстро надев куртку и замотав шею шарфом, я вышла на улицу. Вечер был зябким, и мне стало прохладно в своих легких кедах. Я шла в парк, потому что не могла позволить своему лучшему другу быть там одному. Но что станет с нашей дружбой после того, как он скажет то, зачем позвал меня? Слова нам не помогут. Давыдов очень близкий для меня человек, и какая-то часть моего сердца всегда будет помнить о нем. Я не хочу сталкиваться с ним в коридорах института и застывать в неловком молчании. Или вовсе делать вид, что мы незнакомы. Он дарил мне столько радости, я не могу потерять его.

В сумраке вечера было сложно что-то разглядеть, и мягкие шаги не выдавали моего появления. Максим должен ждать меня в глубине парка, там, где потемневший от времени фонтан и вокруг него деревянные скамьи. До них оставалось совсем немного, но внезапно из памяти всплыли сегодняшние слова Даши и обожгли меня. «Из-за него».

Я смогла понять ее только сейчас, пока шла на встречу с Максимом и собиралась поговорить с ним. Но чтобы отпустить Давыдова, мне просто не следовало приходить. Ведь если у нас и получится остаться друзьями, история не закончится. Я не могу быть рядом с ним, мне лучше уйти прямо сейчас и дать ему время узнать Дашу, даже если он нужен мне.

Я не должна больше встречаться с Максимом. Пусть думает, что это отказ. Что мне все равно на человека, который ждал меня под накрапывающим дождем и ветром. Словом, пусть увидит во мне худшие черты человеческой натуры. Эгоистичность и равнодушие. Верно, это будет последняя встреча, которую он мне назначит. Но и его последние чувства ко мне.

Я вышла к центральной части парка, огороженной широкими каменными столбами. Давыдов медленно прохаживался по открытому пространству, и блики фонарей скользили по его лицу и черному пальто. Я скрылась за одним из столбов. Отчего-то было мучительно смотреть на его прямой силуэт, такой одинокий в этом пустом парке. Максим достал телефон и принялся звонить. Еще до того, как оператор связал нас, я взяла телефон в руки, а через секунду появился звонок. Долго, с тяжелой грустью я смотрела на беззвучный вызов. Так же долго Максим не клал трубку, и его четко очерченные скулы заострились на бледном лице.

Точно не знаю, сколько мы пробыли здесь. Максим просто сидел на скамейке. Я — стояла, прислонилась спиной к столбу. Давыдов уже не ждал меня, а просто смотрел вдаль, и его лицо постепенно приобретало спокойное выражение. Все это время, пока я была здесь, часть моей души безмолвно сидела рядом с Максимом. Она хотела сказать ему, что он не один. В этом парке. И в этой жизни. Но Давыдов больше не слышал ее. Он поднялся со скамьи и медленно пошел к дому. На часах было одиннадцать вечера.

Максим прошел в десятке метров от меня, но не увидел. Тень столбов надежно скрывала мою фигуру, а Давыдов ни разу не обернулся. Я подождала еще несколько минут, чтобы не догнать друга в дороге, а потом покинула парк.

Следующий день прошел как обычно. С утра я сидела на лекциях и пыталась веселиться с Настей, правда, выходило не слишком натурально, и подруга сразу заметила мою грусть. Она спросила о том, как прошел наш разговор с Максимом, но я ничего не ответила, и по выражению моего лица она поняла, что больше не стоит об этом спрашивать. За весь день я не видела Максима ни разу, и, честно говоря, испытывала от этого облегчение.

Вечером, когда я зашла в антикварную лавку, Освальд Павлович был занят с покупательницей. У прилавка стояла худая женщина, одетая в строгий брючный костюм. У нее был вид дамы из высшего общества, о чем больше всего свидетельствовал высоко вздернутый нос и поджатые в тонкую ниточку губы. Едва я увидела ее лицо, мне тут же захотелось спросить, не утомительно ли это, соблюдать подобную гримасу. Но я знала, что отпугивание покупателей Освальд Павлович считает дурным тоном, а потому промолчала. На прилавке уже лежала завернутая покупка.

— Надеюсь, на этот раз ваза подойдет, — проговорила дама притязательным тоном.

— Уверен, она прекрасно впишется в дизайн вашего великолепного дома, — сказал Креза с улыбкой. Я тихонько проскользнула за прилавок и поздоровалась. Освальд Павлович добродушно ответил мне, а дама ограничилась сухим кивком.

— А еще покажите мне вон те кофейные чашки, — палец высокомерной дамы указал в нужном направлении.

— Кофейные? — вкрадчиво переспросил Креза, и я увидела, как его лицо снова заливается гневными красками. Похоже, одно упоминание о кофе теперь выводило его из себя. К слову, тот факт, что в «Buona Sera» наверняка будут делать не один лишь кофе, не сильно заботил Освальда Павловича. Почему-то он решил ополчиться только против бразильского напитка.

— Я покажу вам, — улыбнулась я. По счастью, чашки стояли на нижней витрине, и Освальду Павловичу пришлось бы наклониться за ними. Ну не с его же больной спиной лазить по витринам! Ловко подхватив чашки и прилегающие к ним блюдца, я вернулась к прилавку и поставила перед дамой. Сам Креза к этому моменту уже куда-то испарился.

— Прекрасные образцы английского производства, сделанные из костяного фарфора, — начала я, мягко улыбаясь. — Друг Освальда Павловича делает ему хорошую скидку, потому такая привлекательная цена.

— И в правду, — пробормотала дама, вертя чашку в руках. — А это что, скол?

Я пригляделась к чашке и покачала головой.

— Ни в коем случае. Это же стилизация под старину. Потрогайте, скол гладкий. Его специально шлифовали.

— Тогда упакуйте, — через некоторое время, закончив доскональный осмотр, сказала дама, и я принялась за дело. Вручив покупательнице пакет, я рассчитала ее и вежливо попрощалась. Мне хотелось пошутить над Крезой и спросить, сколько еще он собирается так себя вести, но тут дверь в лавку с грохотом распахнулась. К нам пожаловал Борис, разъяренный как стадо аргентинских быков. На пороге он едва не снес уходящую даму, но даже не обратил на это внимания. От показного равнодушия, с каким он говорил прежде, не осталось и следа. Глаза мужчины горели яростью.

— Где он?! — рывкнул Борис, окинув взглядом лавку. Его кулаки упирались в отполированное дерево прилавка, а сам он нависал надо мной, точно скала. Мне стало

страшно от одного его вида. Казалось, стоит произнести неверное слово, и он размажет меня по стенке.

— В чем дело? — холодно спросил Освальд Павлович, появляясь из дверей жилой комнаты.

— Ты еще спрашиваешь, чертов старик?! — взревел Борис. — Зачем ты поджег мою кофейню?

Это обвинение испугало меня, и я отодвинулась подальше от Бориса. Выходит, запах гари не почудился мне, когда я шла к лавке, и пожар в самом деле был! А Освальд Павлович, конечно же, знал об этом, ведь после заявления сына о пожаре он не выглядел удивленным.

— К сожалению, эта восхитительная мысль пришла в голову кому-то еще, и мне жаль, что я не принимал участие в действе, — хохотнул Освальд Павлович, не выказывая никакого сочувствия сыну. — Ведь я бы с удовольствием погрел свои старые кости у этой полыхающей харчевни!

— Думаешь, я тебе поверю? — воскликнул Артемьев. — Черт побери, я просто приехал в этот город, а ты уже все испортил! Имей в виду, я написал заявление в полицию, и главный подозреваемый в поджоге — ты!

— Для начала попроси шайку обезьян, которую ты нанял, проверить проводку в здании, — посоветовал Освальд Павлович, которому было наплевать на эти обвинения. — Обычно перед строительством так делают все, у кого в голове находится хоть капля здравого смысла.

— Эксперт установил, что кто-то разлил керосин и поджег все специально! — возразил Артемьев.

— Вероятно, ты осточертел кому-то еще больше, чем мне, что удивительно, — заметил Креза. — Надеюсь, теперь ты соберешь свои вещички и начнешь продавать хот-доги в другом месте.

Борис засмеялся, постепенно возвращая былое самообладание.

— Черта с два! — прохрипел он с дьявольской усмешкой. — Не я начал эту войну. Хочешь посмотреть, кто кого? Ты увидишь. Ты все увидишь сам.

Борис, полагая, что не достаточно напугал меня, ударил по прилавку снова, так что металлические скобки витрин задребезжали. Затем он развернулся и стал уходить.

— Я не поджигал твою кофейню, мальчик, — в след ему сказал Креза. Голос его звучал тихо и твердо. — Всю жизнь ты вечно приносил несчастья тем, кто был рядом. А теперь, похоже, начал приносить и самому себе.

Артемьев ни разу не остановился, но мне показалось, что его плечи вздрогнули, словно фраза больно ударила его меж лопаток. Как только фигура Бориса скрылась из виду, я облегченно выдохнула.

— Ну, ну, чего ты испугалась, — Креза дружественно похлопал меня по плечу. — Не обращай внимания на этого пустобреха. В следующий раз я не позволю ему даже зайти сюда.

— Да что между вами случилось? — воскликнула я, и Освальд Павлович понял, что я зла. Я и в самом деле злилась. Скандалы всегда пугали меня, а противостояние этих двух людей заставило сердце бешено колотиться в груди.

— Это важно? — пробормотал Креза.

— Конечно, важно! — сказала я. — Вы же убить друг друга готовы!

Эта злоба и ненависть, что стояли между отцом и сыном, были незнакомы мне, и я силилась понять, где их истоки. Освальд Павлович пригладил редкие седые волосы на голове

и окинул взглядом свою лавку. Похоже, представил, что было бы, сгори вместо кофейни его «Саламандра».

— Ты же знаешь, что я не имею отношения к поджогу, — произнес старик. Конечно, мне бы и в голову не пришло обвинять его в этом.

— Когда вы об этом узнали? — спросила я.

— Ночью, — ответил Креза. — Пожарная машина приезжала с сиреной, я проснулся и услышал, какая там заваруха.

Я присела за прилавком и задумалась. Борис сказал, что это поджег. Но кому потребовалось совершать такое? Хотя, кто знает, может, подставить как раз пытались Освальда Павловича. Ведь первым, на кого Артемьев подумал, был его отец. Все же, это нешуточное дело, и придется ждать разбирательств. Да и сам Борис вряд ли будет сидеть на месте, наблюдая, как его кофейня в упадничестве, а мы процветаем.

— Нужно быть осторожными, — проговорила я, и Освальд Павлович закивал.

— Ты тоже думаешь, что он будет мстить? — усмехнулся старик.

— Судя по тому, как он ворвался сюда сейчас, безусловно, — кивнула я. — Его можно понять, он винит вас во всех своих бедах.

— Винить он должен только самого себя, — проговорил Освальд Павлович, и его фигура замерла у большого окна. — Я надеялся на него. А он меня бросил...

— Что, если у него были на то причины? — предположила я. — В конце концов, прошло уже так много лет. Вы же можете забыть обо всем этом.

— Нет, не могу! — воскликнул хозяин лавки. — И ему не нужно мое прощение.

— Он сказал, что вы выгнали его из дома, — вспомнила я. — Это правда?

Освальд Павлович повернулся ко мне, и стало видно, что его глаза покраснели от выступивших слез. Воспоминания снова разбередили былые раны.

— Отчасти, — без тени сожаления признался старик. — Но я не растил его предателем. И не растил его убийцей брата. Он заслуживает всего, что произошло с ним.

Я долго смотрела на Крезу, повторяя про себя его последнюю фразу. Смысл ее был очевиден, но именно поэтому так легко ускользал от меня. Я ничего не понимала.

— Ладно, — кивнула я и, полная решимости, двинулась к двери. Не шевелясь, Креза безучастно смотрел на меня. Я повесила табличку «закрывается» и, заперев дверь, повернулась к Освальду Павловичу.

— Или вы немедленно рассказываете мне все, что случилось между вами и вашим сыном, или я больше никогда не приду в лавку! — решительно заявила я. Похоже, это и в правду возымело действие над моим упрямым работодателем, поэтому он не стал сопротивляться и, едва заметно кивнув, побрел в жилую комнату.

Жизнь Освальда Павловича была размеренной и спокойной. До определенного момента. Но, пока он еще не настал, Креза жил в обеспеченной семье, приближенной к власти, получал хорошее образование в Москве и по праву считался тем, кого в наше время называют золотой молодежью. В те советские годы его ждала судьба типичного состоятельного человека с хорошими связями. На третьем курсе экономического факультета Ося, как ласково прозвала его мать, встретил девушку. Ее звали Ирина, и тогда она показалась Крезе самым очаровательным и милым созданием на свете. Она была умной и веселой, а именно беззаботного веселья Осе и не хватало. Такая красивая пара, они довольно

скоро поженились, и уже через полтора года у них родился их первый сын, Олег. Все это казалось чудесным сном для молодой пары. Освальд с упоением наблюдал за тем, как крохотная частичка его самого растет и крепнет с каждой минутой. Любая улыбка, любая мелочь из жизни Олега неимоверно трогала его родителей.

Спустя три года Ирина снова забеременела, и у Олега появился младший брат. Его назвали Борисом в честь деда Освальда. Молодая чета с нетерпением и любовью ждала рождения ребенка, но никто не мог представить, что этот день обернется страшной трагедией для всей семьи. Жена Освальда умерла в родах от внезапно развившегося кровотечения. Врачи ничего не смогли сделать.

Олег тогда был еще слишком мал, чтобы остаться без материнского тепла. Боря же и вовсе не успел познакомиться с матерью. Но хуже всех пришлось Освальду. Доля скорби и страданий опустошили его молодую душу, полную надежд и стремлений, что угасли так рано, даже не успев как следует разгореться. Он буквально не знал, как жить дальше. В отчаянье Ося целыми днями просиживал в бывшей супружеской спальне. Дом находился в запустении, как и Креза. Тогда мать Освальда взяла на себя роль хозяйки дома. Она успевала следить за двумя малышами, каждый из которых требовал уйму внимания. А Освальд все сидел и сидел на постели, плотно закрыв двери и окна. Щетина покрыла его лицо, скулы заострились, на глазах виднелись влажные темные полосы припухших век. Как мать не пыталась, она не могла заставить его начать есть или делать хоть что-то. А однажды, когда она забрала мальчиков в парк, он не выдержал. Нашел в аптечке сильное снотворное, которое выписывали его матери, выпил почти весь пузырек, — сколько хватило духу, — и лег на ту сторону кровати, где всегда спал. Мать нашла его там, свернувшегося калачиком, точно маленького ребенка. В руках он сжимал подушку, на которой спала жена.

Скорая успела. Врачи откачали молодого мужчину на месте, предложили обратиться к психиатру, другим специалистам, но мать отказалась. Едва очнувшись, из пелены глубокого обморока и мелькающих вокруг предметов ясно он увидел лишь одно, — глаза матери. Она смотрела на него с немым горестным укором, и Креза почувствовал, как что-то сломалось между ними навсегда. Еще одна незримая нить оборвалась, и он будто услышал в голове этот несуществующий сухой звук разрыва.

За весь вечер мать не сказала Освальду ни слова, не спросила его ни о чем. Лишь на утро она вошла к нему в спальню, словно набралась сил для трудного разговора. Она застала его там же, где и намереди.

— Как ты мог так поступить со своими детьми? — глухо спросила она. — Я думала, тебе нужно время. Но тебе нужно только это, — сидеть в пустой комнате и жалеть себя. Она умерла, ты не можешь изменить прошлое! Будь мужчиной, Освальд, возьми себя в руки!.. Мне надоело смотреть на все это. Завтрашним утром я забираю мальчиков и уезжаю к себе.

Освальд слышал, как до полуночи щелкали застежки чемоданов и гремели вешалки в шкафах. Утром мать встала рано. Ей было больно бросать сына, но больше она не может остаться здесь, у нее своя жизнь, она нужна мужу, и есть мальчики, которых надо взрастить в обстановке, полной любви и счастья, а не с мрачным отцом, который не в состоянии даже подняться с постели.

Она вышла на кухню, чтобы выпить кофе, но с удивлением увидела там своего сына. Освальд стоял у плиты и жарил яичницу.

— Я подогрел смесь для Борьки, — глухо сказал он, почувствовав спиной, что пришла мать. Сперва она не знала, что ответить, лишь молча кивнула и не двигалась с места. Но она

уже поняла главное. Ее сын вернулся. Пробыв с ним еще несколько дней, женщина убедилась в том, что может доверить ему детей, поэтому уехала. Теперь вся забота о семье легла на плечи Освальда.

Борю он увидел впервые только в то утро, когда мать собиралась уехать с его сыновьями. До того момента Освальд не фокусировал взгляд ни на одном предмете. Борис родился крепким, здоровым мальчиком, удивительно похожим на мать, особенно глазами и смехом. Но вот странное дело, каждый раз, когда Освальд ловил взгляд малыша, он не мог радоваться тому единственному, что осталось у него от жены. Он вспоминал лишь ее мертвое тело в морге, равнодушное к его просьбам вернуться. Освальд напрягал все внутренние силы, стараясь скрыть свое отчуждение, но побороть это чувство ему не удавалось.

Чем старше становились мальчики, тем сильнее разнились их характеры. Олег, уравновешенный и преданный, всегда был готов помочь отцу с любым делом. Борис же оказался другим. В нем жила удивительная способность спорить и задавать вопросы, чем он нередко навлекал на себя хмурый взгляд отца, а то и подзатыльник. На все мальчик имел свое мнение и не стеснялся его высказывать. Противоречия между отцом и сыном были негласными, ни один не мог бы назвать их причину, но со временем и Борис понял, — они с Освальдом чужие люди.

Борис любил побыть один. В выходной день он запирался у себя в комнате и выходил только чтобы пообедать. Отец задавался вопросами, что он делает все это время. Шел бы гулять с другими ребятами, как брат, который гонял мяч за окном со своими сверстниками. Но Борис читал заумные книги, писал что-то мелким почерком в тетрадь и все чаще смотрел на остальных людей прищуренным взглядом, в котором угадывалось то ли презрение, то ли задумчивая улыбка.

Однажды, в морозный зимний день, два брата все же собрались выйти погулять вместе. Дворовые парни отправлялись играть на речной лед, что было забавой опасной и тайной. Никто бы из родителей не согласился отпустить детей на реку, но в этом и состояла прелесть похода, что родители ни о чем не догадывались. Боре было тогда тринадцать, Олегу — шестнадцать лет. На льду неширокого русла проходил так называемый турнир, суть которого заключалась в том, кто быстрее перейдет на другой берег. Ребята один за другим проходили свои испытания, а паренек постарше подсчитывал время каждого и фиксировал в небольшом блокнотике. От ощущения опасности захватывало дух, и у любого прибегавшего обратно глаза горели от восторга и страха.

Настала очередь Бориса. Когда ему дали отмашку, он рванул с места и вскоре оказался на другом берегу реки.

— Нехило, — заметил тот, кто подсчитывал время по секундомеру, явно украденному из стола отца.

— Ничего, я побью твой рекорд! — завопил другой парень, который собирался бежать следующим. Борис услышал его и засмеялся. Он поискал под сенью деревьев длинную отсыревшую от снега ветку, привязал к ней свой носовой платок и воткнул в снег точно флаг. Кому-то эта идея понравилась, кто-то, напротив, неодобрительно засвистел. А когда Борис стал возвращаться, улыбки в один миг сошли с лиц ребят. Они что-то увидели и принялись кричать наперебой Борису, чтобы он вернулся на берег. Они махали руками и показывали назад, но Борис не понимал, в чем дело. Он прошел треть расстояния и только теперь увидел, о чем его пытались предупредить. На середине реки лед треснул. Отчего это

произошло, никто так и не понял. Быть может, слишком много людей уже испытало его сегодня на прочность. Или иная, никем так и не разгаданная причина омрачила этот солнечный зимний день, но стоило Боре сделать еще один шаг, как трещина стремительно стала расползаться в его сторону.

— Все на берег! — орал самый старший из ребят, бросив в снег и блокнот, и секундомер. — Уходите со льда!

Все ринулись на снег, но один не двинулся с места. Боря тем временем от страха принялся бежать, и под его ногами, точно под руководством невидимого смычка, разрасталась паутина трескающихся льдин. В сердце мальчика происходило нечто сродни этой катастрофе на реке. Было безумно страшно, и трепещущий ужас охватывал все его существо.

Олег бросился к брату, еще сильнее растревожив беспокойны лед. Под ногами Бориса льдины подтапливались водой, и один кусок все же треснул окончательно. Нога Бори ушла под воду на доли секунд, но тот успел рывком вытащить ее из темной пучины, отчаянно цепляясь за лед и карабкаясь вверх. Холодная вода обожгла голень, и парень упал на лед, больно ударившись лицом. Из носа потекла кровь. Боря отчаянно, с остервенением, на какое только была способна детская душа, взбирался по льду, пытаясь убежать от преследовавших его трещин. До берега осталось около двадцати метров. Тогда парень оттолкнулся и прыгнул, преодолев расползающуюся трещину, которая могла бы отрезать ему путь. Но он не угадал, и прыжок стал губительным для ледяного слоя. Он треснул прямо под Борей, и мальчик по пояс ушел в воду. Его руки все еще хватались за крошащийся лед, но сапоги и набухшая одежда тянули ко дну. Он собрал все силы, и ему удалось опереться локтями о льдину. Под водой он пытался скинуть ногами сапоги. Вдруг стало легче, — кто-то схватил его и принялся тянуть. Это был Олег. Лед продолжал крошиться под ними, а до берега было почти что рукой подать.

— Беги! — приказал Олег, толкая брата к берегу. Но лед окончательно просел под ними, и теперь в воде оказались оба. Река встретила их таким холодом, что казалось, сердце не выдержит этого и остановится. Ребята на берегу в ужасе и оцепенении смотрели на двух братьев, что бились в небольшой проруби, окруженной островками льдин. Эти юные зрители не были бессердечными, они просто не могли им помочь и не хотели умирать сами. Оторопь взяла всех, кто стоял на берегу.

Помощь появилась неожиданно. Со стороны леса к реке вышли двое мужчин, по виду бывалые охотники, с ружьями наперевес. Один с пышной густой бородой, другой, напротив, гладко выбритый и весьма юный по сравнению со спутником. Охотники весело смеялись и явно не предполагали увидеть то, что творилось сейчас на воде. Когда же жуткая картина безысходности открылась им в полной мере, они оба, не раздумывая, стремительно ринулись вниз к берегу.

— Рассеки лед! — крикнул бородатый, и его спутник, достав из вещевого мешка что-то похожее на небольшой топорик для рубки мяса, стал ударять по кромке льда у берега. Бородатый еще скидывал куртку, но тот, что рассекал лед, уже бесстрашно двинулся по водной тропе.

— Куда ты в одежде? — закричал ему в след товарищ, но парень лишь махнул рукой. Он шел по дну и с трудом преодолевал сопротивление воды. Одежда разом набухла и только тормозила все движения.

Олег видел, как охотник направляется к ним с братом и словно понял его. С силой,

какая только осталась в его замерзающем теле, Олег толкнул мальчика к берегу. Охотник успел вовремя. Он ухватил Борю за рукав куртки и выловил его захлебывающееся тело. Для этого охотнику пришлось зайти в воду почти по грудь. Сзади уже стоял другой охотник и взял мальчика на себя. Он несколько раз падал в воду от тяжести одежды и мальчика на его руках. Все же ему удалось выбраться, и, едва ступив на берег, он упал лицом в снег, наслаждаясь секундным покоем и тем, как кровь приливает к напряженным мышцам.

А безбородый уже бросился к Олегу. Мальчик почти полностью был под водой, лишь иногда наружу с плеском выглядывали кисти синюшных рук. Охотнику пришлось зайти еще глубже, так что вода касалась шеи. Двигаться было невозможно, а еще течение норовило подхватить и отнести его на середину реки. Наугад он шарил в реке и, наконец, ухватил часть куртки Олега. Зажав покрепче синтепоновый клочок в отмерзнувшем напрочь кулаке, он сделал мощный рывок ногами, оттолкнулся от дна и смог на некоторое расстояние приблизиться к берегу. Дальше идти было проще. Вскоре на берегу лежало два тела, и потрясенные ребята сгрудились вокруг них. Бородатый уже давал распоряжения. Кто-то разводил костер из наспех отломанных веток деревьев, кто-то доставал теплые вещи из сумок охотников.

— Водить машину умеешь? — спросил бородатый у самого старшего парня, которому было всего семнадцать лет, и тот кивнул, судорожно трясая нижней челюстью.

— Пулей на дорогу, приезжай сюда и прогрей как следует, — сказал он и отдал ключи от автомобиля. Через десять минут все было сделано. Другой тем временем занимался детьми. Борис дрожал так, что клацанье его зубов было слышно даже несмотря на звучащий мотор машины неподалеку. А вот с Олегом дела обстояли гораздо хуже. Безбородый уже понял это, когда нес его к берегу, но вслух ничего не сказал. Не посмел. Пока Боря снимал сырую одежду, ему дали большой свитер одного из охотников и посадили в машину. Мужчины же пытались привести в чувство Олега. Ни пульса, ни дыхания у мальчика не обнаружили. Искусственное дыхание и непрямой массаж сердца также ни к чему не привели, хоть охотники не сдавались около получаса.

— Все, — выдохнул безбородый и откинулся на снег. Результата не было. Руки онемели. Охотник устал и промерз до костей, как впрочем, и его друг.

— Слишком холодно для ребенка, — пробормотал второй, словно пытаясь объяснить кому-то — кому? — что его вины здесь нет.

— И слишком долго, — добавил его спутник. Сидящий в машине Боря еще ничего не знал.

Освальду позвонили уже из больницы и сообщили обо всем. Тех двух охотников, что пытались помочь его сыновьям, он так и не встретил. Отдав детей врачам, они уехали, не раскрывая своих имен. Тело Олега разрешили забрать из морга после вскрытия, и отец и сын ехали в молчании домой. Освальда тогда удивило поведение Бориса. Он никак не выдавал свою скорбь по брату, если она вообще была, в чем отец мальчика сильно сомневался.

Что-то съезжилось внутри Освальда, что-то хорошее и светлое. Оно, точно обиженная кошка, скрылось в потаенных уголках его сердца и много лет просидело там, а точнее, покоилось во сне. Освальд не замкнулся, как после смерти жены, нет, он продолжал жить дальше, но больше не чувствовал вкуса к жизни. Он просыпался, ходил на работу, порой ел, порой читал анекдоты, но его глаза оставались погасшими и пустыми. Он стал похож на живую машину. И стал избегать Бориса еще больше.

В то тяжелое время Освальд неожиданно открыл в себе страсть к старинным предметам. Был жаркий июньский день, он шел по рынку, и его фигура лавировала между прилавками торговцев. Среди них он увидел старика, распродающего литые и кованые вещицы. Меж его товаров в глаза Освальду бросился небольшой светильник. Когда Креза взял его в руки и стал присматриваться, то обнаружил на корпусе следы давнего пользования вроде глубоких царапин. Несмотря на это, светильник был сделан добротнo и явно имел многолетнюю историю.

— Работает? — спросил он у старика и внимательно осмотрел шнур и вилку светильника. Поверхность шнура была довольно потертой, но провода нигде не оголены и надежно изолированы. Старик подтвердил, что лампа на полном ходу.

— Не будет работать, так вернешь, — сказал продавец. — Я тут каждый день сижу, вот на этом самом месте.

Освальд купил лампу. Это случилось суетливо и быстро, а потом стало одним из самых существенных событий в жизни Крезы. Впрочем, так всегда бывает с важными вещами. Поначалу их не заметишь, но вспомнишь спустя какое-то время и невольно поразишься тому, как из неприметного случая складывается судьба.

Поначалу Креза собирал старые красивые вещи для себя, но знакомые, что порой бывали в его доме, принялись интересоваться, откуда привезена та ваза, или набор чашек. Такой интерес сперва удивлял Освальда, а потом ему пришла в голову мысль открыть магазин с антикварными интерьерными вещами. Он, недолго думая, вложил в это дело и не прогадал. Но куда же без трудностей, извечно сопровождающих жизнь человека? Освальду пришлось поломать голову над всеми задачами, возникшими в связи с открытием магазина. В первую очередь, следовало обеспечить магазинчик необходимым персоналом. Нанимать работников было дорого по сравнению с прибылью, которой в первое время и не наблюдалось. В лавке постоянно возникало много дел, и Креза не знал, как ему справиться со всем этим. Он даже попросил Бориса помочь ему с делами. Со смерти Олега прошло уже три года, за время которых отношения между отцом и сыном разрушались так же, как крошится древний камень от беспощадного южного ветра.

Впрочем, Борис не отказывал в помощи. Каждый день после школы и до позднего вечера он крутился в магазинчике и выполнял поручения отца. Вскоре Освальду предстояло уехать на пару дней за еще одной партией товара. Когда же он вернулся, то первым делом заглянул в лавку и оставил там все неразгруженные коробки. Был вечер, надо идти домой, а завтра они с сыном разберут все вещи и расставят на прилавке.

С неба редкими каплями падал дождь. Ливень ударит позже, в ночь, сейчас он лишь набирал силу. Воздух посвежел. Беспечная пыль намокла и прибилась к асфальту.

Когда Освальд вошел в квартиру, то сразу понял, что она пуста. Он знал это так же точно, как и то, что Борис сам решил уйти и воспользовался его отъездом только для того, чтобы лишний раз ничего не объяснять. Парень исчез и не оставил даже записки. Сложно сказать, что именно ощутил Креза, когда осознал, что Боря больше не вернется. Скорее, это была целая гамма различных чувств, с разными оттенками и подтонами, но над всеми этими чувствами порхало облегчение. Да, это было оно. Борис безмерно тяготил Освальда своим присутствием, своими взглядами, а еще более своим молчаливым подчинением и вместе с тем внутренним протестом. Теперь же он свободен. Так он видел себя тогда, но еще не догадывался, что его свобода сродни бросившемуся с обрыва путнику.

Первое время он этому радовался. Потом Креза посвятил себя лавке, и вся его радость доставалась новым товарам и новым покупателям. Дела завертелись. Появились неплохие заработки. Вскоре он продал квартиру и на вырученные деньги достроил лавку так, чтобы в ней можно было жить самому. Днем Освальд смеялся с посетителями, а по вечерам усиленно старался не замечать, как непроходимая тоска гложет его душу. Так он и жил все эти годы, одинокий, давно состарившийся человек в лавке антикварных товаров.

Рассказ Освальда Павловича тронул меня, но в то же время вызвал множество вопросов и противоречивых чувств. Теперь хозяин антикварной лавки вышел из роли доброго волшебника, каким я увидела его в нашу первую встречу. Он стал живым человеком, к тому же весьма жестким и принципиальным.

— И вы никогда не пытались найти сына с тех пор, как он ушел? — поразила я.

— Нет, не пытался, — проскрипел Креза. — Я же сказал, мне было плевать! Он достаточно испортил мне жизнь, лишив жены и сына!

Я не могла понять, правда ли Креза так думает, или в нем говорит злость.

— Господи, да он же не виноват в их смерти! — проговорила я.

— Ты не знаешь его так, как я, — покачал головой Освальд Павлович. — Он холодный, бесчувственный и равнодушный человек. Всегда был таким. На похоронах брата он не проронил и слезинки. Как будто ничего не случилось... Он даже фамилию себе сменил! Взял фамилию своей матери, которую никогда не знал...

— Он же просто ребенок, — заметила я. — Вы были с ним слишком строги!

Креза обратился ко мне свой воспаленный, озлобленный взгляд.

— Ты будешь говорить мне, как вести себя, девочка? — поинтересовался он. — Я был его отцом и воспитывал так, как считал нужным. Его дело — помогать мне во всем, учитывая ситуацию, в которой мы оказались. А он даже не пытался нормально поговорить со мной хотя бы раз в жизни.

— Может, для подобных разговоров нужно было доверие? — поинтересовалась я не без сарказма. — Может, один из вас должен был предусмотреть это?

Освальд Павлович вздохнул и будто немного успокоился.

— Похоже, я остался на темной стороне луны, — усмехнулся он. — Тебе легко говорить, ты не была на моем месте, и не дай Бог такому произойти. Но ты должна понять меня, Кристина. Я делал то, что считал нужным.

На долгие минуты комната замерла в молчании, и мы, ее скромные гости, тонули в лунном свете. Мой взгляд бродил по предметам и заботился лишь о том, чтобы не столкнуться со взглядом Освальда Павловича. Боль. Вот чем все затянулось здесь, болью. А я не знала, как снять ее, не разрушив той скрытой от взора стены разногласий, стоящей между отцом и сыном. И вновь, единственное, что можно было сделать сейчас, это уйти.

Дверь едва слышно скрипнула за моей спиной, и лавка погрузилась в сон.

Глава 5

Потекли долгие осенние дни, которые все чаще приносили с севера туман и дождь. По утрам жители нашего городка надевали кожаные куртки и плащи, прячась в них, точно во вторую кожу. Стараниями заботливых мам встречные дети были укутаны в шарфы и шапки.

Машины прокладывали грязные колеи во дворе, и голуби, до этого прыгающие вдоль бордюров, теперь жались под крышами домов.

Бабушка лежала в больнице уже две недели. Я навещала ее почти каждый день, мы болтали, и она постепенно шла на поправку. Иногда со мной приходила Настя. Моя бабушка ей очень понравилась, и это оказалось взаимным. Максим тоже бывал здесь несколько раз. У них с Дашей вроде бы постепенно завязывались отношения. Я ничего не спрашивала, только шутила, если он вдруг сам заговаривал об этом, и в целом делала вид, что мне все равно. Кажется, со стороны это выглядело именно так и не вызывало сомнений у Давыдова.

По поводу того вечера в парке мы не сказали друг другу ни слова. Я не знаю, о чем думал мой друг. Похоже, он поставил точку в нашей истории. Не буду скрывать, мне было жаль нашей дружбы, но так лучше для него и для нас обоих.

Мы стали видеться гораздо реже. Стоит ли говорить о том, что у нас больше не было никаких встреч и вечерних прогулок. Максим подрабатывал санитаром на скорой помощи и брал в среднем по две ночи на неделе. Порой, встречая его в коридоре института, я по одному взгляду понимала, что ночка снова выдалась суматошной. Максим как-то рассказывал, что иногда им не удается уснуть и на пару часов, так много работы. А я продолжала пропадать за книгами, изучая эти космические объемы, которыми нас загружали, поэтому времени особо не было. За эти две недели пару раз я встретила Юрия Витальевича, который здоровался со мной хмурым взглядом и спешил уйти.

Сегодня с утра по расписанию снова были две лекции по анатомии. Константин Александрович, одев поверх своего строгого костюма белый халат, поднялся за кафедру. Он махнул рукой, и все студенты присели. Проектор уже работал, Одинцову оставалось лишь открыть свою лекцию с флешки.

— Доктора! — произнес он. — Надеюсь, среди вас нет таких, кто не слышал историю о Дедале и Икаре?

Все загудели, давая понять, что, конечно же, они о ней слышали. Наш староста Паша даже принялся растолковывать сидящему рядом парню суть мифа, и его щечки забавно подрагивали при этом.

— Замечательно, полагаю, конец вам известен? — продолжал Константин Александрович. — Старая притча о том, как человек полетел к солнцу, и любопытство сгубило его. Людям не дано летать, как и не дано все знать. Всегда помните об этом, когда хотите подобраться к солнцу слишком близко.

Все умолкли, врасплох застигнутые этими словами профессора. Сам Одинцов, опираясь руками о поверхность кафедры, оглядывал зал. Когда наши взгляды встретились, мне показалось, что он едва заметно кивнул. Сразу после этого, как ни в чем не бывало, он открыл презентацию и объявил тему занятия. Это было строение мышечной ткани.

Закончились лекции на полчаса раньше, чем должны были, и у нас появилось свободное время. Насте написал Андрей. Они уже приехали с цикла по психиатрии, и ребята решили встретиться. Мне ничего не оставалось, как пойти за подругой.

На втором этаже Сажнев встретил Настю, а потом они присели на одну из лавочек, стоящих вдоль стен широкого коридора.

— Давыдов тащится сзади, — улыбаясь, сообщил мне Андрей, и я решила, что таким образом он пытается от меня отделаться. Максим и в самом деле приближался к нам. Заметив, что он один, я решила не мешать ребятам, и пошла ему навстречу.

— Привет, — он улыбался, и по этой открытой улыбке я поняла, что Давыдов рад меня

видеть. — Какие дела?

— Бабушку сегодня выписывают, — сообщила я.

— Пойдешь встречать? — Максим жестом указал на свободную скамейку, и мы присели.

— Нет, сегодня пары до вечера, — проговорила я. — Встретимся с ней дома. Что у тебя нового?

Максим задумался.

— Конкретно у меня — ничего, — пожал он плечами. — Но есть кое-что, о чем я не могу умолчать.

— Внимаю! — приготовилась я, не представляя, что хочет поведать мне Давыдов.

— Помнишь ту мадам из диспансера? — спросил Максим, и я улыбнулась. Мне нравилось, как он подобрал слова.

— Вполне, а что с ней?

— Формально — биполярный тип шизофрении, — сказал мой друг. — Но не в этом дело. Я тут ухитрился полистать ее историю болезни.

Мой изумленный взгляд устремился на Давыдова.

— Врач разрешил? — не поверила я. Учитывая, какой инцидент произошел, я не ожидала, что студенту доверят хоть какую-нибудь информацию.

— Мне — да, — кивнул Максим. — Так вот, выяснил я там следующее. Пациентка Остапова Елизавета Сергеевна, болеет с 23 лет. Начиналось все с приступов параноидального бреда, несколько раз лежала в отделении. С течением времени болезнь прогрессировала, и в виду того, что Остапова начала представлять угрозу для окружающих и самой себя, решением консилиума ее оформили на постоянное проживание в пансионате.

Пансионатом называли психиатрическую больницу, что располагалась за чертой города. Там содержались пациенты, которым требовалось длительное лечение. Многие из них доживали свой век в тех стенах, за пределами которых простирался сосновый лес и свежий, нетронутый выхлопными газами воздух.

— Она там живет уже тридцать семь лет, — продолжил Максим.

— В общем, списали бабульку со счетов, — пробормотала я. — А кто ее оформил?

— Да вот и непонятно, — пожал плечами Давыдов. — В графе родственников прочерк. Может, совсем одна осталась, привезли по скорой в момент приступа и поместили туда... Еще одна деталь забавная была. В перенесенных операциях кесарево сечение.

Я удивленно повернулась к другу.

— А ребенок где?

— Ни слова про это, — ответил Максим. — Если я правильно понял, она родила еще до того, как попала в пансионат, потому это тайна, покрытая мраком.

Почему-то от всех этих разговоров запульсировали виски, и я принялась растирать их пальцами. История была очень нехорошей.

— Но знаешь, что интересно в этой эпопее? — продолжал Давыдов.

— То есть, все, что ты рассказал до этого, не интересно? — я позволила себе улыбнуться, хотя смешного ничего не было.

— Адрес, — заявил Давыдов, как всегда не отвечая на мой вопрос. — В истории болезни написано, что она жила на Советской, двадцать три. Но это частный сектор, и я знаю тот район. У меня был друг в детстве, он жил там, и я точно помню, что в доме под номером двадцать три никого не было.

Я не вполне понимала, что имел в виду Максим.

— Ты же сам сказал, что это было давно, — осторожно заметила я. — Может, перепутал что? Откуда такая уверенность в том, что дом стоял пустым?

— Кристин, я говорю тебе серьезно, там никого не было, — Максим начинал злиться. — Мы играли в этих заброшенных домах, в двадцать третьем доме вечно царила разруха. Его хотели сносить, но только на словах, а так никому не было дела до этой конуры.

Напрягая память, я попыталась вспомнить детали рассказа.

— Ты сказал, Остапова находится в психушке тридцать семь лет? За это время вполне дом могли ограбить, разгромить, превратить в игрище для детишек... Да все что угодно могло случиться, ведь родственников у нее, похоже, не было. Никто не присматривал за домом.

Максим задумчиво посмотрел на меня. Мои слова казались ему убедительными, но явно не совпадали с внутренним чутьем, которое говорило ему, что в этой истории все гораздо сложнее. Давыдов, беззвучно засмеявшись, закрыл лицо руками, словно все происходящее показалось ему чересчур комичным.

— У меня знаешь, какая мысль? — спросил он. — Хочу позвонить одному своему другу и уточнить, жил там кто-то или нет. Он следаком сейчас работает,

— Офигеть! — произнесла я. — Значит, мне нельзя лазить по подсобкам и расспрашивать охранника, а тебе ввязываться в расследование истории о доме номер двадцать три, так это запросто.

— Во-первых, я ничего не расследую, — заметил Давыдов. — Просто это совпадение сбило меня с толку. Мне стоит один звонок Димке сделать, чтобы все узнать. Наверняка найдется разумное объяснение, и все будет забыто.

— Тогда найдешь объяснение еще для кое-чего? — спросила я и рассказала Максиму о звонке Юрия Витальевича и странном письме, найденном в столе бабушки. Я по-прежнему ничего не спрашивала у нее. Попросту не знала, как начать этот разговор. К тому же, бабушка еще не до конца оправилась от инфаркта, не хочется волновать ее.

Вскоре должен был прозвенеть звонок, поэтому мы с Давыдовым стали собираться на пары. Максиму моя история показалась не менее странной, чем история с домом номер двадцать три. Впрочем, он считал, что бабушка имеет право на личные секреты, и ее прошлое должно оставаться в прошлом.

Настя и Андрей тоже двинулись в сторону лекционных аудиторий, и их фигуры были на несколько метров впереди нас.

— В общем, если я что узнаю по поводу того дома, тебе сообщать? — Максим остановился, — здесь наши дороги должны были разойтись, и парень собирался спуститься вниз.

— Мне — в первую очередь! — заявила я. — Можно, кстати, сходить в тот дом как-нибудь.

— А ты придешь что ли? — Максим сказал это слишком тихо и засмеялся. Я не была уверена, что хорошо расслышала его.

— Что?

— Ничего, — покачал он головой. — Хочешь, сходи, но это без меня. Полно дел, и Даша по вечерам вечно придумывает что-то.

Я оценила его холодный небрежный тон и кивнула. Я это заслужила.

После анатомии в расписании стояли лекция по русскому языку и история медицины, и мы с Настей мужественно прослушали столь необходимые для будущих врачей предметы. На этом занятия заканчивались. Немного прогулявшись в парке, мы купили в одной из закусочных палаток пирожки и чай. Последний был горячим, и пластиковый стаканчик приятно согрел ладони.

Вокруг было пустынно. В глубине парка нас ждала скамейка, и мы с подругой устроились на ней. Через какое-то время мы заметили, что кроме нашего разговора, ничто не нарушало тишину. Столь непривычное для слуха спокойствие города будто передалось нам, и я чувствовала, как проходит усталость и напряжение.

Через полчаса мы вернулись в анатомичку, чтобы поучить препараты к следующему занятию. Я взяла модель лопатки, а моя подруга — таз. Но совместное обучение продлилось недолго. Вскоре Насте позвонил Андрей, и, едва увидев ее довольное лицо, я сразу же поняла, что Лебедева сейчас уйдет. Так и произошло, таз был оставлен мне на дальнейшее изучение, и девушка упорхнула из анатомички.

Теперь кроме меня здесь сидело еще десять студентов, и все они имели вид заядлых ботаников с десятилетним стажем школьного зубрения. Глядя на эти сосредоточенные лица, в какой-то момент я спросила себя, что вообще здесь делаю. Впрочем, проводя этот вечер в компании местных интеллектуалов и атласа Синельникова, я довольно неплохо подготовилась к следующему практическому занятию по анатомии. Время приближалось к восьми вечера, и мои коллеги-студенты по одному стали покидать анатомичку. Я последовала их примеру, затем прошла сквозь сеть коротких коридоров, соединяющих анатомический корпус с главным, и вышла к центральной лестнице. Проходя мимо замурованной двери в подсобку, я задержалась на миг, вспоминая, что мы увидели там с Максимом. Без него этот поход вряд ли бы удался. И сейчас мне почему-то захотелось, чтобы он оказался рядом со мной. Во Вконтакте его не было, и я не решилась оставить сообщение в офлайн, как это легко делала раньше. Почему? Не знаю...

На первом этаже у вахты спиной ко мне сидел человек. Когда я прошла мимо него, оказалось, что это наш сторож, Анатолий Степанович. Он с задумчивым лицом смотрел сквозь стекла входных дверей туда, куда бежали его мысли. Все они были мрачными и тоскливыми, и открывали лишь один путь, — в прошлое.

— Здравствуйте, — кивнула я ему, и он, не слышавший моих шагов, встрепенулся. — Вам здесь одному не скучно?

Обычно я не слишком общительная. Все разговоры с малознакомыми людьми вызывают у меня большие затруднения. Но сейчас это было легко, потому что лицо охранника выглядело бесконечно одиноким. Стоило на секунду заглянуть в его глаза, чтобы понять, — он будет только рад любому участию. Видно, он уже давно перестал чувствовать себя живым и отвык от людского общества. Старый пьяница, держащийся на службе из жалости, он осознанно лишал себя права приобщиться к другим, более успешным и счастливым людям. Никто не замечал его. Никому не было дела до человека с глазами, полными усталости и скорби.

— У меня такая работа, — проговорил Анатолий Степанович, и со слабой улыбкой закивал мне, словно благодаря за этот вопрос. — А ты опять шаришь здесь по ночам?

— Вы меня вспомнили? — удивилась я. Мне казалось, что с нашей прошлой встречи охранник почти все забыл.

— Я, может, старый пьяница, но не кретин, — будто ответил на мои мысли Анатолий Степанович.

— Вам повезло, — я не удержалась от шутки, и охранник негромко засмеялся. — Хорошей вам ночи.

— Иди с Богом, — попрощался со мной Анатолий Степанович, и я вышла в прохладный сентябрьский вечер.

Автобус неспешно вез меня по улицам, и за его окнами мелькали огни городских заведений, отбрасывающих золотистый свет на асфальт. На своей остановке я вышла из салона и, пока двигалась к дому, наблюдала за проходящими мимо людьми. В основном, это были прогуливающиеся старики или молодые люди, и лица их неясными пятнами мелькали в вечернем тумане. Город с каждым днем все сильнее промерзал под холодными ветрами, а первые опавшие листья теснились у края дорог. Меня угнетало это серое, безликое небо, плотной пеленой застилающее солнце. День казался бесконечным и тоскливым, и лишь к вечеру, когда темнота окутывала жителей, все приобретало свои краски.

Мой взгляд ловил рассеянный свет уличных фонарей, в лучах которых виднелась едва ощутимая морось. Кожаная куртка приятно грела тело, и не нужно было спешить домой, как это обычно бывало, если ветер продувает тебя насквозь. Тогда появляется одна мысль, — поскорее укрыться в теплом доме. Но сейчас мне хотелось подольше оставаться в этом вечере, наслаждаясь тишиной улиц и спокойствием, которые заполняли воздух.

Помню, эта мысль возникла именно тогда, в тот чарующий вечер, и я больше не могла выбросить ее из головы. Узкая дорожка вела меня к дому, и все это время я думала о Максиме. Мне хотелось, чтобы между нами не было этой незримо возникшей стены. В чем причина ее появления? Может, все дело в Даше? Или мы были друзьями слишком долго, и чувствам стало тесно в этой дружбе? Ответить я не могла, — мысли Максима оставались загадкой.

У подъезда снова сидела пухлая рыжая кошка. Она смотрела на меня вприщур, и сейчас ее глаза отсвечивали изумрудным блеском. Я в смятении замерла перед дверью, чувствуя, что не могу бороться с желанием увидеть Давыдова. Позвонить или написать? И что сказать? Раньше для этого не требовался повод, но что-то случилось со мной, и прежние пути оказались иллюзией.

Давыдова все еще не было в онлайне. А у меня висело пять сообщений, и ни одно из них не отправил Максим, они были от ребят с курса. Видимо, мой взгляд, в котором, как любила повторять мама, сверкали искры, не оставил никого из них равнодушными, и они периодически присылали мне любезности разного рода и предложения встретиться. Как правило, их сообщения начинались с банального «Привет. Как дела?». Раньше я посмеивалась над подобной гениальностью, а сейчас глубоко раскаялась. Что еще может написать один человек другому? Что я могу написать Максиму, кроме вопроса о его делах? В голову не приходило ничего другого, поэтому я отправила Давыдову сообщение на телефон. Когда все было сделано, я почувствовала себя глупо и смешно.

Поднявшись в лифте на свой этаж, я вошла в дом. Под ноги с залиvistым лаем бросился Зевс, — похоже, сегодня бабушка не была готова забрать его к себе. А из глубины квартиры доносились родительские голоса.

— Пришла главная хозяйка! — услышала я смеющийся голос отца.

— Скучали по мне? — было приятно оказаться дома, в этом уютном теплом местечке.

— Конечно, — мама с улыбкой встретила меня и пошла на кухню. — Весь день пропадаешь на учебе, голодная?

Отрицать этот факт не было смысла, ведь я сейчас могла бы съесть хоть слона. Сколько не пей в институте чай с пирожками, а нормальный обед все равно не заменить. Пока мама подогревала ужин, мы болтали о прошедшем дне, о самочувствии бабушки и смеялись над маминными учениками. Особенно над девчонками из пятого «в» класса, которые считали себя довольно взрослыми для того, чтобы красить глаза и губы в невероятные перламутровые оттенки. Мне всегда хотелось спросить у их родителей, видят ли они вообще своих детей.

Максим наверняка уже прочитал мое сообщение. Но ответа не было. После ужина я отправилась в свою комнату и стала собирать сумку на завтра, положив все необходимые тетради. Нестерпимо хотелось спать, а утром снова рано подниматься. Вскоре моя комната погрузилась в темноту, которую разрезали отблески городских огней, проникающих через неплотную ткань штор. Мне снился сон. Мне снилось, что я сижу на пустынном взморье, и прибрежный песок, зажатый между моими ладонями, стремительно ускользает из них. Не могу объяснить, какое это чувство, но казалось, что-то важное уходит от меня в бездонный океан времени, в котором не найти, не разглядеть ничего, — невозможно.

Мы с Настей уже прослушали лекции по математике, общей химии и генетике. Если генетика оказалась наукой довольно интересной, то математика вернула меня во времена дифференциальных уравнений различных порядков, которые никогда не вызывали ничего, кроме головной боли.

Четвертой лекцией стояла медицинская физика. Ее нам должны были прочитать курсом из ежедневных лекций на протяжении трех недель, и это занятие было первым. Как обычно, студенты вздыхали и спрашивали, зачем вообще нужна физика. Я тоже плохо понимала, для чего нам изучать этот предмет, но все-таки надеялась на лучшее. А именно, на снисходительного преподавателя и зачет автоматом посредством каких-нибудь успешно сданных лабораторных работ.

Преподавателя звали Яковлев Алексей Евгеньевич. Так значилось в расписании, но мы еще не представляли, что он за человек. Заходя в аудиторию, все обратили внимание на шкаф внушительных размеров. Он стоял в другом конце зала, но не у стены, а так, словно его пытались передвинуть, а потом позабыли о нем.

— Итак, всем здравствуйте! — мы оторвали взгляды от шкафа и увидели, как в аудиторию вошел мужчина лет сорока. Он держался непринужденно, и его добродушный взгляд скользил по студентам. На висках у Яковлева уже виднелись знатные залысины, сам он был невысок и тучен, но двигался легко и стремительно.

— По своему опыту уже знаю, что вы все не понимаете, на кой черт вам сдалась физика, — продолжал Алексей Евгеньевич, продвигаясь между рядами к шкафу. — Поэтому мне придется вас убеждать в этом. Вы все видите этот шкаф?

Ребята подтвердили это. Мы с Настей переглянулись с улыбками, — Яковлев обещал быть отличным преподавателем.

— Как вы думаете, сколько человек потребуется, чтобы перенести его?

Ребята стали выкрикивать предположения. Мы слышали варианты «два», «три», «четыре».

— Не будем гадать, — улыбнулся Алексей Евгеньевич. — Предлагаю вам попробовать поднять его. Добровольцы!

Двое парней сразу решили испытать себя и вышли к шкафу.

— А где Кобзев? — спросила Лебедева. — Он бы этот шкаф один перенес.

— Точно, — кивнула я, вспоминая нашего старосту. Правда, его сейчас не было видно, хоть на генетике он присутствовал. Неужели решил прогулять?

А у шкафа продолжала разыгрываться сцена. Два парня потерпели неудачу, и поднять шкаф пытались уже трое. Удивительно, но им снова потребовалась помощь. Только вчетвером ребята сумели поднять мебель и пронести на несколько метров, когда преподаватель остановил их.

— Что ж, как видите, для этого эксперимента потребовалось четверо молодых людей, — подытожил он.

— Там слон внутри, что ли? — выкрикнул кто-то.

— Не спешите с выводами! — заявил Яковлев. — Оказалось, не простая это задача, правда?

— А разве нельзя просто катить шкаф по полу? — послышалось чье-то рациональное предложение.

— Эх, друг мой! — проговорил Алексей Евгеньевич. — Сразу видно, счастливый холостяк. Попробуй при живой жене катить шкаф по полу, потом век воли не видать! Вместо пола тебя положит.

Все засмеялись.

— А теперь я попрошу всех отвернуться... Да-да, я не шучу, отвернитесь. Кто будет подсматривать, — завалю на экзамене.

Яковлев снова засмеялся, и мы все повернулись. Одному из парней Алексей Евгеньевич поручил наблюдать за нами. Пока мы находились в неведении, слышалось, как преподаватель и трое других ребят переговариваются и что-то делают со шкафом.

— Поворачивайтесь, — разрешил нам Яковлев. Мы с интересом обернулись, и я первым делом заметила на лицах четырех однокурсников смешки. Не знаю, что сделал Алексей Евгеньевич, но это явно было хитро, поэтому ребята и посмеивались.

— Теперь смотрите, этот шкаф мы сможем передвинуть вдвоем, — сказал он. В следующую секунду с другой стороны к шкафу подошел только один парень, и преподаватель стал толкать на него шкаф. Тот на удивление плавно заскользил по полу, и это передвижение не вызывало у так называемых грузчиков большого усилия.

— Что скажете? — через какой-то время спросил Яковлев, когда шкаф был почти у стены.

— Вы колесики туда подложили!

— Подложил, но не колесики! Ваши варианты?

Студенты начали выкрикивать самые безумные предположения, среди которых были даже лыжи.

— Сдавайтесь, салаги, — кивнул Яковлев. — Под шкафом срезы картошки. Но суть вы угадали верно, я создал между шкафом и полом дополнительную линию сцепления. Здесь вступает в игру сила трения скольжения, что позволяет нам облегчить работу. Кто из вас догадался бы применить этот способ в жизни? Я вам отвечу, — единицы. Все привыкли действовать напролом, и этот способ пришел бы на ум в последнюю очередь. Поэтому я буду учить вас думать и применять законы физики в жизни, а также понимать, как протекают

процессы в медицинской технике. Ну что, теперь я убедил вас, что физика — это не какая-то ерунда из области фантастики?

Нам пришлось признать слова Алексея Евгеньевича, что оставило его весьма довольным. Он уже стал возвращаться к кафедре, как вдруг снова подошел к шкафу и открыл шпингалеты.

— Можете выходить, — услышали все его смех, а потом и сами засмеялись. Внутри сидел Пашка Кобзев. Он выплыл из шкафа в довольно помятом виде, но ему явно понравилось помогать преподавателю.

— Спасибо, отдохните, — Яковлев потрепал нашего старосту по плечу, и все приготовились к лекции.

Как обычно, после окончания занятий, я попрощалась с Настей и продолжила путь в анатомичку. Но уже через несколько минут мое одиночество прервал парень с нашего курса, Сашка Прокин. Он являл собой типичного спортсмена, — невысокий, коренастый и с такими широкими плечами, что казалось, будто он отдает дань моде прошлых лет и носит куртку с подплечниками.

— Привет еще раз, — Прокин изменил своему первоначальному направлению и пошел рядом со мной.

— Привет, Саш, — я улыбнулась ему, как всегда вежливо и сдержано.

— Ты домой?

— Не, в анатомичку собираюсь. Только сначала куплю поесть себе и вернусь.

Я сказала это, потому что думала отделаться от Прокина. К тому же, идея что-нибудь съесть мне тоже нравилась. Бросив взгляд на дисплей телефона, я отметила, что время пятнадцать минут шестого.

— Вот в чем секрет твоих пятерок? — спросил Сашка. — Учишь вечерами напролет?

— Эм... Я как бы здесь в принципе для того, чтобы учиться, — в моем голосе послышались недовольные нотки. Терпеть не могу, когда меня обвиняют в чрезмерном интересе к учебе. В конце концов, никто не хочет иметь дело с несведущим специалистом. А рассказы старшекурсников о том, что все можно выучить непосредственно на рабочем месте, меня не убеждали.

— Да ладно, я пошутил, — быстро сказал Прокин, явно не собиравшийся искать со мной ссоры. — Я слышал от ребят, что ты всегда хорошо отвечаешь.

Представив, что уже попала в рейтинг ботанов института, я засмеялась.

— Я бы тоже поучил, — продолжал Сашка. — А потом можно прогуляться.

— Даже не знаю, — улыбнулась я, глядя на Прокина. Мне было забавно смотреть на то, как он пытается назначить свидание.

— Учить все время вредно, — говорил Сашка, расценивая мою улыбку как зеленый свет. — А ты вообще как обычно отдыхаешь?

Тут уж мне стало ясно, что Сашка так просто не уйдет. Собираясь купить шаурму у дяди Сэма, я сообщила парню о своих намерениях, и он с воодушевлением последовал за мной.

— А у тебя нет девушки, если я правильно понимаю? — спросила я.

— Почему же? — Прокин посмотрел на меня, и я намеренно не отвела взгляд. Он первый смутился и, часто моргая, стал шарить глазами по улице.

— Ты подозрительно любезен, — начала я. — Да и времени у тебя, похоже, навалом, а это непозволительная роскошь, если есть девушка.

— Меня рассекретили, — засмеялся Сашка.

— Приятно знать, что такие симпатяги, как ты, свободны, — я небрежно похлопала Сашку по плечу. Конечно, подобная фамильярность и развязность была мне не свойственна. Я хотела лишь смутить Сашку, чтобы ему больше не приходило в голову сопровождать мои походы куда бы то ни было.

— Ого! Да ты бескорыстно любишь спорт? — я продолжала тыкать пальцем в каменную руку Прокина. — Ничего себе!

Парень говорил в ответ что-то не совсем внятное, а я продолжала забрасывать его сомнительными вопросами. Однако увидеть, чем все это закончится, мне так и не удалось, — позвонила Настя.

— Кристин! Спасай, тону! — в трубке послышался взволнованный голос девушки.

— Надеюсь, это такой речевой оборот, — осторожно проговорила я.

— Я утром взяла у Константина Александровича флешку с лекциями, — вещала Настя. — Он сказал вернуть ее до вечера. А я забыла, а щас полезла ее искать, а ее нет!

— Так, спокойно, — проговорила я. — Когда в последний раз ты ее видела?

— Мне кажется, она в аудитории 15-Б может быть, — жалобно сказала Настя. — Вроде до этого я ее в сумке видела, может там обронила...

— Я поищу.

— Ты в анатомичке?

Я стояла в нескольких шагах от палатки дяди Сэма. До института было десять минут ходьбы.

— Практически, — приврала я, чтобы не волновать подругу.

— Ты уж постарайся тогда найти флешку, — я буквально видела перед собой умоляющее лицо Насти. — А то Одинцов меня убьет! Мне капец! Он сказал, что будет в универе до без десяти шесть.

— Постараюсь все сделать, — пообещала я.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — восклицала Настя. — Потом отзовишься, как все отдашь ему!

Я отключилась и взглянула на время. Было двадцать пять минут шестого, и задача начинала казаться невыполнимой. В голове роилась масса вопросов. Как можно забыть отдать флешку преподавателю? Как можно ее потерять? Как вообще можно так безответственно себя вести?

— Саш, все отменяется, труба зовет, — быстро обратилась я к совершенно сбитому с толка моим поведением Прокину и пошла в институт. Аппетитный запах от лавки дяди Сэма еще волновал ум и вкусовые рецепторы. Но судьба приготовила для меня иные лакомства.

Зайдя в здание университета, я подошла к вахте. Неподалеку бродил Анатолий Степанович со скучающим видом и извечно грустными глазами. Лицо Алевтины Дмитриевны, напротив, было суровым и мгновенно развеяло мои надежды на благополучный исход ситуации. Однако я все же отважилась.

— Здравствуйте! Вы не могли бы дать мне ключ от аудитории 15-Б? — на моем лице красовалось одно из самых милых и дружелюбных выражений, на которые только была способна человеческая мимика.

— Без преподавателя не дам, — отрезала вахтерша.

— Мне очень нужно, — я ненавидела эти моменты, когда приходилось что-то выпрашивать. Но если я хочу помочь подруге, придется идти на жертвы.

— Я там кошелек потеряла, в нем деньги и карточка со стипендией, — эта фраза должна была надавить на самое болезненное место старенькой сварливой вахтерши. Видимо, она и впрямь подействовала, ибо выражение лица Алевтины Дмитриевны чуть смягчилось. К тому же, на помощь внезапно пришел Анатолий Степанович, который узнал меня и, казалось, не переставал удивляться тому, насколько я предрасположена к различным нелепым ситуациям.

— Хватит тебе, Дмитриевна, — проговорил он. — Дай ключ девчонке, я ее знаю.

— Под твою ответственность, — косясь на охранника, сказала Алевтина Дмитриевна, но полезла за ключом.

— Большое спасибо! — воскликнула я, но по-настоящему благодарный взгляд достался Анатолию Степановичу. Он, явно не привыкший к хорошему отношению, слегка смутился и махнул рукой.

Получив ключ, я, сжимая его в одной руке, из другой не выпускала телефон, постоянно отмечая стремительно бегущие минуты. Было уже без двадцати шесть. Неумолимо приближался роковой для Насти временной рубеж. Впрочем, вряд ли Константин Александрович еще в институте. С чего вообще ему держать обещание, данное студентке? Если, конечно, более важные дела не задержали его здесь.

В стенах института, несмотря на вечерний час, еще бродили охочие до знаний студенты, на руках которых покоились внушительные тома книг. Оставляя будущих светил медицины за спиной, я добежала до 15-Б, но замок аудитории отворила не сразу, — тяжелая старая дверь поддавалась с трудом. Все же, в итоге мне удалось справиться с ней. Я оказалась внутри класса и принялась осматривать столы. Заглянув под парты, я обнаружила в конце аудитории белеющий предмет. Он казался довольно маленьким и вполне мог быть флешкой профессора. При ближайшем рассмотрении догадки о том, что это флешка, подтвердились. Однако нельзя исключать того, что ее хозяином является не Константин Александрович, а потому ликовать было рано.

Кое-как закрыв дверь, я побежала к кабинету профессора Одинцова. Он располагался этажом выше. Когда я поднималась туда, мои часы показывали сорок восемь минут шестого. Теперь до кабинета профессора оставалось всего несколько шагов, но подойти вплотную мне не удалось. Дверь распахнулась, и в коридор вышел Константин Александрович, держащий в руке свой объемный портфель. В полумраке коридора мне впервые удалось рассмотреть, что его волосы перемежаются седыми прядями гораздо сильнее, чем казалось раньше. Лицо профессора выглядело серьезным, но глаза как всегда смотрели располагающе и чуть насмешливо, что вечно вызывало во мне растерянность.

— Я думал, занятия у первокурсников закончились, — произнес он и принялся закрывать дверь своего кабинета, опустив на пол портфель, который приземлился с глухим стуком.

— Так и есть, — подтвердила я.

— У вас отменная пунктуальность, — продолжил Константин Александрович, мельком взглянув на наручные часы. — И неплохая скорость, прямо как у олимпийского бегуна.

— Мои лучшие качества, — не успевая отдышаться, заявила я. Наверняка со стороны это смотрелось довольно нелепо, и возникшая на лице профессора усмешка подтверждала это.

— А какие худшие? — поинтересовался Одинцов.

— Надеюсь, вы этого не узнаете, — отвечала я. — Вы уходите?

— Вообще-то я жду одну студентку, которая обещала вернуть мою флешку к вечеру, — сообщил профессор анатомии. — И если я жду вас, то утром вы выглядели иначе.

Я протянула Константину Александровичу флешку и приготовилась рассказать историю о том, что Настя передала мне свое поручение, но не успела.

— Спасибо, — кивнул он мне, забрал флешку и не спеша пошел по коридору. — Мм... Кристина, кажется?

Удивленная тем, что профессор знает мое имя, я расценила его вопрос как приглашение к беседе и пошла рядом с ним, кивком головы подтвердив свое имя.

— Как дела у ваших исторических друзей? — низкий голос профессора звучал весело и любопытно.

— Данте является косвенной причиной исчезновения вашей флешки, — засмеялась я. — А Герострат, похоже, занят, но я понятия не имею, чем.

— Смею надеяться, он ничего не поджигает, — проговорил профессор. — Но, судя по выражению вашего лица, наш общий друг бросил все силы на исследование нового храма.

Не вполне уверенная, что правильно понимаю Одинцова, я коротко взглянула на него.

— О чем вы? — спросила я.

— О том, что вас так беспокоит, — невозмутимо сказал Константин Александрович. — Оно не стоит того. Очень скоро Герострат сожжет и этот храм.

Его прямолинейность словно развязала мне руки, и я перестала тщательно подбирать слова.

— Вообще-то я думала, что вы профессор анатомии, а не энциклопедия по храмам, или чужим мыслям, или... о чем вообще вы говорите?! — заявила я. Взглянув на Одинцова, я увидела, что он смеется, и мои слова ничем его не задели, хоть мне и хотелось этого.

— Я живу на этой земле какое-то время и, быть может, не хватаю с неба звезд, но еще в состоянии прочесть юную человеческую душу по взгляду, — доверительно произнес профессор.

— И каков ваш вердикт? — скепсис, звучащий в моем голосе, был наигранным и не убеждал ни одного из нас.

— А таков. Герострат вовсе не любит храмы, — Константин Александрович улыбнулся так, как мог бы улыбаться мой отец, если бы стоял в эту минуту рядом со мной. — Ему нравятся олимпийские бегуны с факелами.

После института я не стала заезжать домой и сразу же поехала в «Саламандру». Мой визит туда был ознаменован плохими новостями. Освальду Павловичу пришло извещение от прокурора. Сообщалось, что на следующий день планируется проверка лавки совместно с инспектором по пожарной безопасности. Причиной такой проверки стало недавнее возгорание недостроенной кофейни. Так говорилось в документе, но и я, и Креза знали, что дело не только в этом. Чуть позже в лавку зашел какой-то господин, молча положил на ближайшую витрину конверт и ушел, словно его и не было. Я даже не успела с ним поздороваться. Через секунду его спина в темном плаще мелькнула за окном и растаяла в глубине улицы. В недоумении я взяла в руки конверт. На нем было написано только имя адресата: «О. С. Крезе».

— Освальд Павлович, вам принесли письмо!

Креза беззвучно появился за моей спиной и вскрыл конверт. Я благоразумно отвела

взгляд от письма, не собираясь его читать, и стала протирать фигурки на ближайшей витрине. Но Креза явно не намеревался скрывать от меня содержимое конверта, поэтому, прочитав, молча сунул мне. На плотном листе бумаги черной ручкой были выведены острые, плотно прижатые друг к другу буквы.

«Уважаемый Освальд Павлович, хочу сообщить вам, что проверка в «Саламандре» спровоцирована влиянием одного человека, недавно приехавшего в город, некоего Бориса Артемьева. Он обеспеченный бизнесмен, и договорился с нужными людьми. Они настроены весьма серьезно. Рекомендую вам принять все меры. По понятным причинам я не могу позвонить вам или назначить встречу, чтобы избежать возникновения различного рода проблем как у вас, так и у меня. Отменить проверку невозможно, постановление уже подписано в верхах. Но инспекторы вряд ли смогут отказаться от самого действенного метода против них, так что будьте готовы ко всему.

С уважением, Д.»

Я нахмурилась, и от осознания того, какие структуры плетут козни против Крезы, мне стало неприятно и страшно.

— Самый действенный метод? — переспросила я, вообразив Освальда Павловича отстреливающимся от людей в офисных костюмчиках.

— Деньги, голубчик, — коротко пояснил Креза.

— Так вы дадите им взятку? — удивилась я. Никогда не представляла, как вообще это делается.

— Придется, — вздохнул хозяин «Саламандры». — У меня нет выхода. Иначе они сошьют мне такой ворох нарушений, что лавку придется закрыть. Видно, в городе еще не знают, кто такой Артемьев. Не раскопали эту историю. Некий бизнесмен... Забавно.

— А кто этот Д.? — поинтересовалась я. — Ваш друг?

— Скорее, сын моего друга, — пробормотал Освальд Павлович. — Когда-то я помог их семье, парень, видно, не забыл этого. Теперь ты видишь, какой человек мой сын? Мелочный и мстительный. Ведь не поленился же затеять эту заваруху!

И правда, это дело не одного дня. Потребовалось бы обзвонить нескольких влиятельных людей и добиться подобной внеплановой проверки. Хорошо, что у Крезы хотя бы есть выход. Точнее, люди, уже заранее готовые к взятке. А то лавку и впрямь могут закрыть.

— Он думает, что вы сожгли его кофейню, — пробормотала я. Отчего-то мне хотелось верить, что Борис не такой плохой, каким его считает Креза. Но оправдания — это не спасательный круг, а, скорее, ширма. Они не могут никому помочь, лишь только туманят взгляд и еще дальше уносят от истины.

— Но я не делал этого! — воскликнул Креза. — Я понятия не имею, кому вообще потребовалось ее поджигать! Почему я должен отвечать за это? Вот возьму и тоже натравлю на него каких-нибудь местных чиновников! Как будто у него одного есть связи!

— Надеюсь, вы пошутили, — сказала я, представив, какую вражду могут развести здесь эти двое.

— Надейся! — ворчал Освальд Павлович. — Почему бы им всем просто не дать мне спокойно умереть в этой чертовой лавке!..

Креза продолжал сокрушаться, и так уж смешно это делал, что я не стерпела и принялась хохотать. Помнится, он довольно сердито обращался и ко мне, требуя, чтобы я прекратила балаган, но это не подействовало.

— Освальд Павлович, только не мстите ему за эту проверку, — попросила я, когда уже собиралась уходить. — Может, все и уладится.

— Да ничего тут не уладится! — сказал Креза. — Посмотрим, как все пройдет. А то может они откажутся брать деньги и найдут в моей лаве кучу нарушений. Тогда и улаживать ничего не придется.

Часы показывали около девяти вечера, и я наконец-то оказалась дома. Родители как всегда встретили меня веселым разговором и вкусным ужином, а это были самые действенные средства против длинного, утомительного дня. Я поужинала и засела у себя в комнате перед ноутбуком. Следовало лечь спать, чтобы завтра проснуться нормально, а не воскресать с чувством, будто меня вчера утопили в реке. Но человеческая натура редко поступает благоразумно даже по отношению к себе, поэтому я открыла Вконтакте и стала просматривать новости. Спустя пару минут справа всплыло окошко сообщений от Алины. Когда я открыла наш диалог, то какое-то время смотрела на то, что она прислала. Как всегда, Ракитина забыла поздороваться, поэтому странное фото в черно-белых тонах пока оставляло меня в тупике.

Кристина 20:36

Что это?

Привет

Алина 20:37

фотки с завода

Я присмотрелась. И вправду, на фото та самая дыра в стене здания, из которой виднеются размытые силуэты города.

Кристина 20:39

Атмосферно. Мне нравится, молодец))

Алина 20:39

Спасибо. Но я к тебе не за восторгами. Хотела позвонить, только не хочу, чтоб мама слышала разговор. Так что буду писать. Взгляни в правый угол.

Я выполнила просьбу подруги. На том месте как раз узкими квадратами выделялись светлые промежутки, которые раньше служили дверьми. Не понимая, что хочет Алина, я пожалала плечами.

Кристина 20:40

Просто скажи, в чем дело.

Алина 20:41

Матвеева. Хватит злить. Ты что, не видишь? Там же стоит кто-то.

Кристина 20:41

Ахах! Чего?!

Алина 20:42

Увеличь фотку, качество хорошее

Я прокрутила диалог вверх и несколько секунд смотрела на фото. Сперва я открыла его в самом сайте. Размер был маленьким и, вглядываясь в правый край, я и в самом деле увидела там какую-то тень. В одном из проемов что-то было. Что-то вроде длинной доски или другого предмета. Тогда я сохранила изображение на рабочий стол ноута и, открыв в программе, увеличила правый угол настолько, насколько это было возможно.

В животе я ощутила смертельный холод. Оттуда по всему телу, но сперва по спине и плечам, толпой пробежали мурашки. Алина была права, там, в проеме двери и правда стояло нечто, напоминающее фигуру человека! Неужели вместе с нами на этом заводе был кто-то еще? Был и тайно наблюдал за нами, а мы оказались настолько глупыми и беспечными, что торчали там столько времени!

Я глубоко вдохнула и постаралась успокоиться. Взглянув еще раз на далекий выход, я прикинула, что эта фигура и вправду могла оказаться какими-то досками или другими предметами. Дело в том, что фокус по краям был размытым, и с уверенностью говорить о том, что это — человек, нельзя.

Кристина 20:47

Почему ты думаешь, что это человек?

Алина 20:48

А какие будут варианты?

Кристина 20:49

Да мало ли что...

Мы бы заметили постороннего...

Алина 20:49

Не говори ерунды

Мы замолчали. Я не хотела думать, что там был человек, но уловка с досками не могла меня обмануть. И Алина добавила последний аргумент, который больше не позволил нам заблуждаться. Так же молча она кинула мне еще одно фото. Я его открыла и сразу поняла, что оно сделано чуть позже, чем предыдущее. От прежнего фото изображение отличалось лишь сценой в правом углу, — фигура пропала.

Кристина 20:55

Кто-то украл доски: DDD

Эту шутку никто не оценил.

Алина 20:56

Я еще обнаружила, что у меня от ключей оторвался брелок. Не знаю, как это вышло... прогулка та еще получилась.

Кристина 20:56

Может, повторить хочешь?

Алина 20:56

Встречаемся на нашем месте.

Я улыбнулась. Уверена, Ракитина тоже сейчас смеется. Мы обе чувствовали тревогу из-за того, что так незаметно проскользнуло мимо нас в недалеком прошлом. Что ж, придется завязать с этими одинокими прогулками до старого завода. А ведь мне почти там понравилось!..

Глава 6

Мы с Настей выходили с лекции по гистологии. Как всегда, коридоры института были полны студентов, и для меня вечно оставалось загадкой, в какой момент все эти ребята успевают так быстро покинуть лекционные аудитории.

Сегодня выдался ясный день. Сквозь большие окна здания проникал солнечный свет, который, невзирая на плотную осадку темнеющих облаков, все еще находил в себе силы согреть наш маленький город.

Неподалеку от аудитории, прислонившись к стене, стоял Максим. Кажется, я увидела друга еще до того, как посмотрела в его сторону, словно почувствовала, что он рядом, и мое сердце отчего-то вздрогнуло. Глазами Давыдов просматривал выходящих из зала студентов и, заметив нас, приветливо кивнул.

— Смотри-ка, твой пришел, а моего нет, — сказала Настя. Я не успела спросить, кого именно Лебедева называет моим, потому что мы уже были рядом с Давыдовым.

— Всем привет, — улыбнулся Максим.

— Привет и пока, — весело прощбетала Лебедева. — Я ужасно голодная, поэтому бегу занимать очередь в буфет. Как вы понимаете, мне придется вас оставить.

С этими словами моя подруга, взмахнув копной густых волос, умчалась прочь. Мне было смешно смотреть на то, как демонстративно Настя оставила нас вдвоем с Максимом. Взглянув на друга, я поняла, что ситуация повеселила и его.

— Что она творит? — улыбаясь, спросил Давыдов, провожая Настю взглядом.

— Проголодался человек, что непонятно, — пожалала я плечами.

— Она прям как сваха из одной передачи, — добавил Максим. — Надеюсь, ей платят за хлопоты.

— Сомневаюсь, — отозвалась я. — Девчонка пашет на энтузиазме. И мы пали первыми жертвами ее деятельности.

— Тогда страшно подумать, что она устроит в дальнейшем, — озадачился Максим. — Ты мне писала как-то. Я не мог ответить. Что-то случилось?

— Нет, — беззаботно отозвалась я. — Написала от скуки.

Максим кивнул, но его взгляд ясно говорил о том, что парень мне не поверил.

— А мне вчера скучать было некогда, — заявил он. — Я весь остаток дня залипал с Диманом.

— Это с молодым следователем и другом детства? — решила уточнить я.

— Именно, — подтвердил Максим. — Мы проверили по базе данных тот дом и выяснили, что в девяностые года довольно обширную территорию земли в том районе приобрела одна строительная компания. В том числе и тот дом. Спустя какое-то время компания разорилась, территория перешла в пользование мэрии, и с тех пор дом стоит пустым. Но до покупки компанией дом также считался нежилым. И это доказывает мою теорию о том, что Остапова там не жила.

— Я правильно понимаю, ты затеял это для того, чтобы доказать свою правоту? — уточнила я.

— В том числе, — кивнул Максим. — Надеюсь, ты мне не поверила, потому что я еще не настолько спятил. Ради смеха мы решили узнать, где же все-таки жила наша Остапова.

— Погоди, это вообще законно?

— Относительно. Не поверишь, что мы выяснили. Все Остаповы Елизаветы Петровны которых удалось найти в списках нашего города за ближайшие восемьдесят лет, не подошли нам по возрасту. Либо слишком молодые для этой бабульки, либо уже умерли.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы до конца понять, о чем говорит мой друг.

— Постой, ты хочешь сказать, что в пансионате под именем Остаповой лежит другая женщина?! — это казалось мне пугающим и невероятным. Неужели в нашем маленьком городке происходят такие вещи? Просто сюжетец для сериала! Но кто тогда эта женщина? И почему она столько лет находится в том безрадостном месте под чужим именем?

— Я не просто думаю, а уверен в этом, — авторитетно заявил Давыдов. — Подобная деталь как раз в духе всей этой истории.

— Такие вещи нельзя проверить без посторонней помощи, — принялась рассуждать я. — Лечащий врач, к примеру, наверняка в курсе.

— Это да, только вот лечил ее заведующий отделением, — произнес Максим. -

— Он точно что-то знал, но...

— Вот бы поговорить с ним, — моя мечтательная натура не могла этого не сказать. — Только вряд ли он что-то расскажет...

— Это точно, — кивнул Максим, и его лицо в этот момент будто стало старше. — Краснова убили сегодня утром.

И тут мне стало по-настоящему страшно. У этой истории набиралось все больше жутких деталей, необъяснимым и таинственным образом связанных между собой. Мне одновременно хотелось забыть обо всем и узнать, что же дальше. Но докопаться до истины будет совсем непросто. Прозвеневший звонок вернул меня в реальность, постоянно ускользающую между отголосками прошлого, отчаянно пытавшегося ворваться в мою жизнь.

— Мне надо на лекцию, — произнес Максим, и наш разговор обещал прерваться. У меня дальше было окно, во время которого я обычно сидела с Настей в буфете и ждала следующей пары. Как быть сейчас, я не знала, ведь мне очень хотелось знать, что же произошло с заведующим отделением. Его смерть вряд ли была естественной. Решив, что мы можем встретиться после занятий, и друг расскажет мне все по дороге к дому, я произнесла это вслух. У меня не было дурных намерений, я просто хотела знать правду, а вовсе не искала встречи с Максимом. Хотя обманывать саму себя было неразумно, поэтому в глубине души пришлось признать, что я безумно хотела снова обрести своего друга.

— Лучше вечером, — отказался Давыдов. — Ты можешь?

— Конечно, — я сказала это чересчур поспешно, но мне было все равно. К тому же, Максим не обратил на это внимания, или сделал вид. На этом мы разошлись.

Признаюсь, я едва дождалась окончания занятий. Часы показывали половину пятого, и до встречи с Максимом оставалось еще уйма времени. Когда я пришла в буфет к Насте, то, как не старалась, не могла скрыть свое воодушевление. Это бросилось Лебедевой в глаза, но объяснять ничего не пришлось.

— Можешь не выдумывать, я и так все знаю, — авторитетно заявила Настя и, не уточняя, что же именно она знает, отстала от меня. Сегодня мы попрощались с подругой в корпусе, — ей срочно надо было ехать за племянницей в садик, потому что на этот раз подошла ее очередь следить за маленькой непоседой.

Проходя мимо вахты, я попрощалась с Алевтиной Дмитриевной.

— Отучилась? — весело спросила меня вахтерша, радуясь возможности поболтать.

— Да, уже отпустили, — мое хорошее настроение позволило остановиться и немного полюбезничать с женщиной. — Вам-то еще долго здесь?

— Пару часиков, — махнула рукой Алевтина Дмитриевна. — А потом все на Кормышова останется.

— На Анатолия Степановича? — тревожно переспросила я.

— На него, родимого.

Я буквально почувствовала, как напряглись мои мысли. Где я уже слышала эту фамилию, и почему она вызывает во мне такое волнение?

— А где он сейчас? — спросила я.

— Да у себя, небось, чай гоняет, где ж ему еще быть, — проворчала Алевтина Дмитриевна, но я, недослушав, уже бежала к уединенной каморке Анатолия Степановича. Честно говоря, я не представляла, что скажу этому старому человеку, скрывающемуся в панцире крохотной комнаты охранника. Даже не утруждая себя постучать, я открыла дверь и вошла к нему.

Фигура Анатолия Степановича с неожиданной четкостью выделялась на фоне белого квадрата окна. Он стоял ко мне спиной, и было хорошо видно его сутулые худые плечи, поднимающиеся под спецовкой в такт дыхания. Окно его каморки выходило в сторону улицы, и сквозь прутья забора смутно виднелась проезжая часть.

— Здравствуйте! — произнесла я, чтобы обратить на себя внимание сторожа.

— Все это время я не мог понять, почему твое лицо кажется мне таким знакомым, — начал Анатолий Степанович и повернулся ко мне. — А потом я вспомнил, что уже видел его, но много лет назад.

Я смотрела на сторожа, и его слова тревожили меня.

— Долго думал об этом, а потом понял, что знал твою бабуку, — продолжал охранник. — Вы удивительно с ней похожи, как лицом, так и характером.

В голосе Анатолия Степановича можно было слышать печаль и тоску по своей прошедшей молодости. Я снова почувствовала жалость к этому старику и прошла внутрь комнатки.

— Вы были друзьями? — спросила я, но сторож неопределенно качнул головой и засмеялся.

— Садись, поговорим, — бросил он. — Ты же не отстанешь.

Я скромно приземлилась на предложенную табуретку и возрадовалась тому, что я худенькая, иначе сооружение рисковало развалиться под более массивным весом. Анатолий Степанович достал тем временем из шкафа две кружки и вручил их мне. Намек был понят, и я подошла к раковине, чтобы помыть чашки. Пока они возвращались к своему первоначальному виду, Кормышов вскипятил чайник и поставил на стол тарелку с печеньем.

Напомню, что обычно я не слишком быстро схожусь с незнакомыми людьми. Но Анатолий Степанович оказался для меня чем-то вроде родственной души. Он напомнил Алину в тот период своей жизни, когда она была совсем одна. Я знала, что такие люди самые безобидные и легкие в общении. Поэтому я без спроса позволила себе рыскать по многочисленным ящикам в поисках чистого полотенца. За воротами института стремительно проносились автомобили. Звук мотора периодически тревожил тишину комнаты. Вытерев кружки, я вернулась за стол, где уже ждал меня Кормышов.

— Обожаю такие печеньки, — улыбнулась я.

— Не подлизывайся, — погрозил пальцем Анатолий Степанович и заварил кипятком чайный пакетик, брошенный в мою кружку. — Ну и что ты хочешь знать? Ты же не просто так вертишься вокруг это проклятой подсобки?

— Я не знаю, что ищу, — призналась я. — У бабушки было письмо, в котором говорилось о вас. О том, что вы, Юрий Витальевич, моя бабушка и ее подруга много лет назад были связаны с чем-то. С какой-то историей. Не знаю, как, но все это имеет отношение к подсобке. Я приходила туда, и все, что там было...

— Ты тоже это видела? — спросил Кормышов, кивая мне с понимающим видом.

— Да, и это ужасно, — призналась я. — Как будто там проводили какие-то ритуалы. Это звучит безумно, но я не знаю, что мне думать...

— Я расскажу тебе о том, что там произошло, — пообещал сторож, и я приготовилась слушать. Сперва мне казалось, что, проникнув в прошлое, я найду ответы на все вопросы, но действительность была такова, что вопросов стало лишь больше.

Шел 1968 год. Кормышов, тогда еще двадцатилетний парень Толя, недавно окончил техникум и подыскивал себе работу, ведь учиться дальше пока не получалось. Толя рос без отца. Мать, всю жизнь работавшая на мукомольном заводе и вдыхавшая белую невесомую пыль, в конечном итоге заработала себе астму. Болезнь была беспощадна. Довольно быстро приступы удушья стали такими частыми, что почти не оставляли женщину, мучая и днем, и ночью. Работать дальше она уже не могла. Лекарства, которые выписывали тогда врачи, можно было достать с большим трудом. Они стоили немало, а эффект с каждым годом становился все меньше. Молодому парню ничего не оставалось, кроме страшного ожидания, — долгие месяцы его мать медленно умирала в госпитале, и помочь ей было нечем.

От соседа, крепкого старика с добрыми прозрачными глазами, работавшего сторожем в медицинском институте, Толя узнал, что ему требуется напарник. Долго раздумывать Кормышову не пришлось. Уточнив, что нужно для оформления документов, через несколько дней Толя уже примерял рабочую спецовку охранника института. Жалование обещали

скромное. Но Кормышов не лелеял никаких долгоиграющих планов. Он был рад всему, и с первого сентября уже отбывал свою первую смену.

Все шло хорошо. Анатолий работал через сутки со старшим напарником. Следить за порядком оказалось не так и сложно, ведь происшествий почти не приключалось. По ночам Толя обычно уходил спать в сторожевую каморку. Все входы в институт он тщательно запирали и на всякий случай ставил у дверей сосуды с водой. Если бы кто-то решил пробраться внутрь, то дверь задела бы вазу, и по звуку расколовшегося стекла Кормышов сразу смог понять, что в здании посторонние.

Одной сентябрьской ночью, на редкость холодной и ветреной, Толя долго не мог уснуть и бездумно смотрел в окно. Постепенно усталость прошедшего дня взяла вверх над бессонницей, и молодой сторож, прилегший на диван, погрузился в дрему. Однако пребывал он в таком состоянии недолго. Через короткий промежуток времени Толю разбудили чьи-то голоса, переговаривающиеся между собой. В первую минуту он подумал, что уже наступило утро, и кто-то из уборщиц начал свою работу. Приподнявшись на диване, сторож увидел темный просвет окна. Парень понял, что на дворе глубокая ночь. Прийти в такой час в институт явно не кому. Тогда Кормышов подумал, что в здание кто-то все же пробрался. Собираясь проверить это, он зажег старый керосиновый фонарь и, взяв его за поржавевшую ручку, вышел в коридор. Держа фонарь на вытянутой руке, Толя прислушивался к голосам, которые звучали будто из ниоткуда. Он двинулся дальше по коридору. На стенах заплясали дрожащие тени, что были напуганы чуть мутным светом фонаря. Охранник проверил два входа, ведущие в институт, но следов взлома не обнаружил. Сосуды с водой также оставались нетронутыми.

Неясные звуки попеременно пропадали, и сторож не мог понять, что же все-таки происходит. Он возвращался к своей каморке и уже вышел в длинный коридор, как вдруг от страха у него перехватило дыхание. Там, где начиналась лестница, в ночном свете звезд, заглядывающих в окна, промелькнула чья-то фигура, словно безликая тень. От темноты она отделилась всего на миг и тут же скрылась из вида. Но Толя не верил в призраков. Справившись с приступом паники, который возник скорее от неожиданности, он побежал к месту, где только что кто-то прошел.

— Стой на месте! — закричал он. — Не то милицию вызову!

Но видно милицией Толя никого не напугал. Забежав за угол, он стал подниматься по лестнице, и качающийся на хлипкой ручке фонарь пока освещал только пустые углы. Слово поняв, что он никого не найдет, Толя остановился на площадке второго этажа и, задыхаясь, присел на корточки. Прошла еще минута, прежде чем парень пришел в себя. Но теперь институт казался ему удивительно тихим. Кормышов как мог напрягал слух, но не различил ничего, кроме звенящей, опутывающей тишины. В свою комнатенку он вернулся ни с чем и до самого утра прислушивался, — но все было тщетно. Голоса просто почудились ему.

Об этом происшествии Кормышов не рассказывал никому, даже напарнику. Спать по ночам становилось все труднее. Какой-то внутренний страх не давал ему сомкнуть глаз, и парень все ждал, не услышит ли чего снова. Несколько раз за ночь он обходил институт с фонарем, но всегда получалось так, что он один оставался неизменным ночным гостем этого заведения. Через неделю воспоминания о той странной ночи постепенно изгладились из памяти Толи, и впервые он снова заснул на мягком неразобранном диване.

Проснулся Кормышов посреди ночи. Мгновенно он почувствовал, как спина взмокла от жуткого ощущения, сковавшего все тело. Голоса! Все повторялось, как в ту ночь, которую он уже считал одним из своих снов. Какие-то неясные фразы, смех, вопросы... Все это звучало так близко, словно происходило прямо за дверью комнаты сторожа. Превозмогая в себе какой-то древний страх перед ночной тьмой, Толя дрожащей рукой дотянул до рубильника, и каморка наполнилась светом. От этого стало немного легче, но страх никуда не делся. Толя по-прежнему не верил в существование призраков и боялся иного. Парню пришло в голову, что он начинает сходить с ума. Не собираясь мучиться в догадках, Толя зажег керосиновый фонарь и решительно вышел из комнаты. На этот раз голоса звучали более явственно, и стало проще ориентироваться, откуда они звучат. По иронии судьбы, Толя остановился возле центральной лестницы, где в прошлый раз он видел какую-то фигура. Или она ему почудилась?

И тут озарение снизошло на сторожа. Он добежал до двери, что располагалась на верхней площадке лестницы, и приложился ухом к ее поверхности. Так и есть! Голоса звучали оттуда. Загадка мигом получила решение. Там, внизу, в подсобке, собралась группа ребят. Решительно дернув дверь, Толя вошел внутрь и оказался на ступенях узкой лестницы, ведущей вниз, в обширное пространство, больше похожее на чей-то огромный бревенчатый сарай. Вдоль стен тянулись полки, заставленные разными хозяйственными предметами. По углам стояли какие-то мешки и коробки, а также длинные металлические и деревянные брусья. В центре подсобки, расстелив на полу большое покрывало, и правда сидела группа молодых людей. Их разговор был резко оборван ворвавшимся внутрь Толей. В свете раскачивающегося фонаря сторож разглядывал встревоженные лица, что смотрели на него снизу. Сам Толя был растерян не меньше них. Ребята оказались примерно его возраста, а некоторые и старше. Парень откровенно не знал, что ему делать.

— Кто вы такие и как сюда попали? — крикнул Кормышов, глядя вниз, и услышал, как дрожит его голос. — Отвечайте, или я вызову милицию!

— Спокойно, — сказал один парень, вставая и приближаясь к подножию лестницы. — Не надо никого звать, мы сейчас уйдем.

— Никто не уйдет, пока я не разберусь, — продолжал храбриться Толя. — Кто вы?

— Мы студенты, — послышался голос девушки. — Мы тут учимся. Мы ничего плохого не делаем, просто общаемся...

Кормышов спустился вниз и поравнялся с парнем. Тогда он еще не знал, что спустя много лет этот юноша станет известным профессором латыни, языка, что давно умер, но не был погребен. А он, Кормышов, так и останется бессменным сторожем этого места.

— Вам нельзя здесь быть, — сказал Толя. — На первый раз я не буду сообщать об инциденте, но если увижу вас тут снова, пеняйте на себя!

В тусклом освещении керосинового фонаря и нескольких толстых свеч, которые разожгли студенты, Толя рассмотрел компанию. Она состояла из двух девушек и еще двух парней, не считая Юры Афанасьева.

— Хорошо, мы поняли, — кивнул Юра. — Мы уже уходим.

Повинуясь этому обещанию, все ребята поднялись. Одна из девушек быстро скатала одеяло и отдала парню. Все собрали свои вещи и вышли через дверь, которую Толя сперва даже не заметил. Последовав за студентами, спешно шагающими прочь от подсобки, Толя оказался во внутреннем дворе института. В ночном воздухе слышался тихий плеск фонтана, и далекое стрекотание невидимых насекомых. Толя почувствовал страшную усталость, какая

извечно приходит после сильного испуга. Но теперь ничто не могло помешать ему спокойно выспаться этой ночью.

Утром Толя благополучно сдал смену своему напарнику, но отчего-то и словом не обмолвился о ночных происшествиях. Позже он поймет, что это было зря. Но сейчас парень лишь спросил старика о том, как закрывается дверь подсобки со двора.

— Обычно никак, — ответил старик. — Я ее притворяю, да и дело с концом. Вообще есть навесной замок, но зачем он нужен? Бывает, что-то потребуется, инструменты какие, пошел и взял их. А то открывать, закрывать...

Толя понимал, что дальнейший расспрос о замке будет выглядеть подозрительно, поэтому кивнул и отправился домой. Но прошло несколько дней, и все повторилось снова. Толя проснулся среди ночи от голосов, которые уже не таились. Что-то странное происходило с акустикой этого места. Быть может, пустоты стен так хорошо проводили звук, ведь Толе казалось, что ребята разговаривают буквально за его дверью.

Разгневанный парень вскочил с постели и выбежал в коридор, не захватив с собой фонаря. Дорогу к месту сбора студентов он знал. Поднявшись по лестнице, молодой сторож резко дернул дверь с намерением устроить серьезную взбучку всем, кто находился внутри. Особенно Афанасьеву, самоуверенному наглому типу, что с такой скрытой насмешкой наблюдал за ним в прошлый раз.

Спустя секунду Толя обнаружил, что отчего-то дверь не поддавалась. В то же время голоса ребят притихли. Парень с силой дернул ручку еще несколько раз и только теперь догадался, что студенты каким-то образом заперли ее изнутри. Послышался смех. Все, кто находились внизу, смеялись над Толей, и от этого он почувствовал себя уязвлено и глупо.

Ребята поняли, что молодой сторож так и не рассказал о них никому, а значит, будет молчать и дальше. И в самом деле, Толя сам не знал, почему промолчал, когда сдавал дежурство напарнику. С тех пор это продолжалось из смены в смену. Наглые студенты собирались в подсобке каждый раз, когда дежурил Толя. Бедный парень не мог перестать думать об этом и становился все мрачнее с каждым днем. Его старший напарник первым решил заговорить о том, что происходит с Толей. Утром он позвал Кормышова разделить с ним нехитрый завтрак, на который был способен старик, и принялся задавать вопросы. После этого разговора Толя выучил первый урок, который преподнесли ему жизнь и старый сосед, — не стоит ничего усложнять. Истина — в простоте.

— Мы разберемся с этим, — пообещал старик и хлопнул Толю отеческим жестом по плечу. — Давай-ка иди домой, отдыхай, больше тебя никто не побеспокоит.

— А как же руководство... — начал Толя, которому очень не хотелось, чтобы директор института узнал о ночных оказиях. Но напарник Кормышова заверил парня, что ему не о чем волноваться. В эти слова парень поверил только в следящую смену, когда и в самом деле больше никто не сидел в подсобке. Ребята не приходили и в следующие ночи. Толя не верил в то, как легко, оказывается, все разрешилось.

Однажды вечером, когда в корпусе почти не осталось студентов, Толя сидел у вахты и слышал легкие шаги из коридора. Вскоре перед ним появилась девушка, которая тоже заметила сторожа и остановилась в нескольких шагах от него.

— Здравствуйте, — произнесла она, окинув быстрым взглядом Кормышова. Присмотревшись, Толя узнал ее. Одна из тех, кто еще недавно собирался в подсобке. Там

ночные тени скрывали подробности ее лица, тогда как теперь ничто не мешало Толе рассмотреть девушку. У нее был умный взгляд, который она не отводила во время разговора. Черты ее тонкого белого лица напоминали изящество каменных скульптур. Темные волосы были собраны на затылке и открывали ее хрупкую шею.

Толя поздоровался в ответ и заметил, что девушка не ушла.

— Странно, что вы без свиты своих высокоморальных друзей, — заявил Кормышов, и этот намек больше всего относился к Афанасьеву.

— Не злитесь на нас, — произнесла девушка, и Кормышов услышал ее спокойный голос, в котором звучали примирительные ноты. — Мы не думали, что помешаем вам. Ваш коллега чрезвычайно крепко спит по ночам, и он никогда не замечал нас.

— Ну уж простите, что привнес разлад в ваше сборище, — продолжал ворчать Толя, хоть не чувствовал в себе той злости, которую таил поначалу на ребят.

— Ваш сменщик провел с нами весьма жесткую беседу, — девушка засмеялась. — У нас мигом пропала охота приходить в подсобку.

— Рад слышать, — кивнул Толя, не зная, что еще сказать. — А... Вы ведь... Вы должны меня понять, я сторож...

Девушка снова рассмеялась и покачала головой.

— Выдохните, — посоветовала она. — В этой истории нет должников, мы нарушили правила, вы сделали свою работу. Я лишь хотела убедиться в том, что между нами не возникло обид.

— Абсолютно никаких, — Толя позволил себе улыбнуться.

— Здорово, — кивнула девушка и протянула свою руку. — Я Света.

— Кгхм... Анатолий Степанович, — пробурчал Кормышов, растерявшись, и снова услышал веселый смех студентки. Тут же он и сам понял, что в двадцать лет нелепо представляться так официально, да еще и перед своей ровесницей.

— Очень приятно, Анатолий Степанович, — Света продолжала смеяться над ним, но парень не обиделся и в итоге засмеялся вместе с ней. Еще немного они поболтали, и Света ушла. С тех пор временами она приходила на вахту, и они обменивались новостями и событиями. Несколько раз к ним присоединялся Юра Афанасьев. Парень оказался не таким плохим, как его представлял Толя, и вскоре эта неприязнь исчезла, будто ее никогда и не было.

Месяцы сменяли друг друга согласно ходу календаря. Пришла зима, морозная и сказочная, накрывшая все улицы города толстым слоем снега. В Новый Год Толе выпало дежурство, что несколько не расстроило молодого человека. Многие знакомые из техникума, в котором он учился, также работали в праздник. Единственный родной человек Толи, его мать, доживала свои последние дни в госпитале. Она уже не узнавала сына и в первых числах 1969 года, в ясное зимнее утро, умерла в палате реанимации от гипоксической комы.

Одним словом, встречать Новый Год Толе было не с кем. В одиннадцать вечера, когда Кормышов уже собирался отправиться спать, кто-то постучал в его окно. Встревоженный Толя с опаской приблизился к заиндевевшему стеклу и увидел, что на улице стоит его старый сосед. Не раздумывая, Кормышов схватил связку ключей и помчался к входной двери. Старик, необыкновенно крепкий для своего пожилого возраста, кряхтя, вошел внутрь здания. В руке он держал клетчатую котомку.

— Ну, здравствуй, Толя! — старик радушно обнял парня и повел в сторожевую

комнатку. Зайдя туда первым, он включил свет и поставил сумку на стол. От стеганного бушлата старика распространялся морозный воздух, который остро ощущался в маленьком теплом пространстве.

— Скучаешь тут один? — задорно спросил старик.

— А вы как же здесь? — не понимал Кормышов. — Новый Год ведь скоро, а вы тут...

— Эээ, парень! — проговорил старик и повесил бушлат на крючок. — Я затем и пришел, чтобы праздник справить! Давай-ка помогай на стол сообразить!

Толя доставал из котомки старика припасы и чувствовал, как щиплет глаза от подступивших слез. Человек, которого он почти не знал, пришел сюда, чтобы разделить его одиночество, и парень впервые подумал о том, что он не так одинок. Ту ночь Толя запомнил на всю жизнь. Они долго болтали со стариком обо всем на свете и ели горячую картошку с солеными огурцами и дефицитной вареной колбасой, которую старик сумел-таки достать по знакомству.

Было около двух часов ночи, а свет в сторожевой каморке все не гас. Две души согревали друг друга неспешным разговором. Но тут в окно снова кто-то постучал. Толя с любопытством метнулся к раме и увидел на улице трех людей. Они весело кричали что-то Кормышову.

— Смотри-ка! — воскликнул старик, глядя на улицу. — Вот и наши возмутители спокойствия!

Толя пошел открывать главный вход, чувствуя необъяснимое волнение и радость. Пришедшими были Юра, Света и еще один парень из их компании.

— С Новым Годом! — закричали они, едва ворвавшись в теплое помещение института. — Счастья в Новом Году!

Ребята принялись обнимать обескураженного Толю, и тут уже парень не смог сдержать слез. Новогоднее чудо и впрямь случилось. Рядом оказались хорошие люди, счастливые и свободные духом. Они заражали оптимизмом и желанием жить, и Толя больше не думал о плохом. Весело болтая, ребята пришли в каморку сторожа.

— Ну что, малышня! По своей подсобке заскучали? — спросил старик у ребят, и все засмеялись. А на улице уже царствовал 1969 год.

Жизнь молодого сторожа стала размеренной и спокойной. Весь год он исправно трудился, взяв двухнедельный отпуск в июне. Света и Юра продолжали общаться с Кормышовым и, если мог, он встречался с ними и проводил так свободное время. С их приятелями, другими студентами, Кормышов не хотел знакомиться. Он стеснялся своего положения и не желал, чтобы среди студентов-медиков он один был парнем без образования, сторожем. Только в обществе Светы и Юры он мог расслабиться и быть собой.

В мае Кормышов узнал от своих друзей, что другая девушка, которую он видел в подсобке в ту ночь, выходит замуж. На зимней практике в больнице она познакомилась с молодым травматологом, и вот, спустя полгода ухаживаний молодой человек объявил родителям Вари, что собирается просить ее руки. Это казалось всем замечательной партией, и девчонки поздравляли Варю. Сам Толя смутно помнил Варино лицо, но просил передать, что тоже рад за нее. Поздравить девушку лично ему все не удавалось. Обычно он сидел на вахте и не имел возможности заговорить со студентами, если только они сами не подходили к нему. Но, наблюдая каждый день за потоками ребят, снующих по центральной лестнице,

Кормышов часто видел со Светой еще одну девушку. Толе никогда не удавалось разглядеть ее лица, почему-то он всегда видел ее издалека и со спины. Кто она, понять было сложно. В привычной компании Светы он не видел ее.

В августе стала известна прекрасная новость, — у молодой пары будет ребенок. Так начиналась эта сказка, красиво и безмятежно. Но произошедшие в дальнейшем события раз и навсегда ее омрачили.

Наступил 1970 год. Зима закончилась, и в город ворвалась весна. Дни становились все длиннее, а на лица людей возвращались улыбки, стертые суровыми зимними буднями. В один из мартовских дней Юрка Афанасьев и Света Гончарова подошли к вахте, где сидел Толя, и парень тут же заметил их грустные лица.

— Что это с вами? — спросил он, привыкший к тому, что Афанасьев всегда весел. В последнее время Толя приметил, что Юрка постоянно ходит за Светой. Что ж, удивляться этому не приходилось, ведь Света была не просто хорошим другом, но и красавицей.

— Варя пропала, — сказал Юрка.

— Что значит пропала? — встревожился Толя. — Ей же рожать скоро!

— Вот именно, — кивнула Гончарова. — Представляешь, как мы все напуганы!

— Когда ее видели в последний раз? — спросил Кормышов.

— Муж с ней разговаривал в субботу утром, — начал Юра. — Он уходил на сутки, она была дома. В воскресенье квартира уже была пуста. А сегодня понедельник, и Варька не объявилась.

Толя не мог поверить в то, что услышал. Куда могла исчезнуть молодая женщина? Тем более, в таком положении.

— Ребят, надо что-то делать, — заявил Толя. — Вы-то что думаете?

— Я боюсь, что произошло что-то страшное, — призналась Света. — Боюсь, что она не сама решила уйти.

— Ей просто незачем было выходить одной куда-то, — здраво рассуждал Юрка. — В доме все необходимое есть. Зачем она ушла?

Варя все еще не легла в больницу, ведь до родов оставался месяц. Беременность протекала благоприятно, и показаний к досрочной госпитализации не было. Обычно в выходной день девушка занималась домашними делами и никуда не ходила одна.

Милиция пока не сообщала никаких новостей, хоть и говорила, что бросила все возможные силы на поиски беременной. О Варе ничего не было известно уже четыре дня. Широкому кругу сообщили, что Варя заболела, и об истинных причинах ее исчезновения знали только близкие девушке люди и сотрудники милиции. Когда последние начали терять веру в то, что беременная студентка найдется, произошел еще один странный инцидент.

Стояла теплая мартовская ночь, и Толя уже давно спал на узком сторожевом диванчике. Его образованные друзья, Света и Юрка, приносили ему художественные книги, и сейчас, в падающем свете луны, можно было разглядеть на столе парня небольшой томик с названием «Повесть о настоящем человеке».

Внезапно по институту пронесся душераздирающий крик, и Толя проснулся, чувствуя, как холодеет от ужаса где-то в груди. Гулкая тишина, воцарившаяся теперь, еще хранила отголоски этого вопля, и Кормышов не смел пошевелиться, скованный неосознанным ужасом. Через несколько минут крик снова повторился. Кричала женщина, и Толя точно знал, откуда исходит звук. «Проклятая подсобка!» — в смятении подумал он и помчался туда. Парень даже не подумал о том, чтобы захватить фонарь, а он сейчас пригодился бы.

Молодой сторож с силой дернул дверь подсобки и, оказавшись внутри, сбежал с лестницы. Дверь ударилась о стену и почти захлопнулась, возвращаясь в свое привычное положение. Темнота сгустилась вокруг парня, и пробивающийся в маленькое окошко лунный свет толком не давал ничего рассмотреть.

— Кто здесь? — срывающимся голосом спросил Толя. — Не бойтесь, я помогу!

Парень услышал какое-то движение в паре метров от себя и вздрогнул. Он не знал, чего ждать. Нервы сдавали. Что-то шуршало рядом с ним, что-то, чего он не видел.

— Кто здесь?!

В следующую секунду парню показалось, что его перепонки лопнут, — женщина снова закричала. Этот голос, полный страдания и отчасти безумия, заставлял его тело покрываться мурашками. Толю затрясло. На ощупь он попробовал найти женщину, бормоча бессвязные бессмысленные звуки. Глаза постепенно привыкали к темноте, и Толя различил скорчившуюся на полу фигуру. Она была в белой просторной рубашке, без обуви, и что-то жидкое растекалось на полу под ее телом. Кормышов, случайно попавший рукой в эту жидкость, инстинктивно понюхал пальцы, и в лицо ему ударил тяжелый и приторный запах. До сих пор Кормышов не мог объяснить, как, но он понял, что это кровь.

Парень не знал, что делать.

— Вы... меня слышите? Вы живы?

Эти глупые вопросы он задавал еще какое-то время, а потом стал пытаться поднять женщину. Перевернув ее на спину, он обомлел, — женщина была беременной. Смутно знакомые черты лица выдали ее имя. Варя! Пропавшая Варя, вот где она! Сторож кое-как оправился от потрясения и проверил пульс на сонной артерии. Уловив слабое биение, он взял девушку на руки и стал подниматься по лестнице, ступени которой терялись в темноте. Затем он донес Варю до своего дивана, и его мозг стал судорожно соображать. Он дал указание парню взять с вахты ключ от кабинета директора, ведь только у него был телефон. Еще никогда в жизни парень не передвигался с такой скоростью. По дороге он заметил, что полы испачканы капающей кровью с тела Вари. Добравшись до телефона директора, Толя набрал номер скорой и кратко изложил ситуацию. Ему обещали выслать машину и, пока Толя ждал прибытия медиков, он хотел позвонить хотя бы мужу Вари. Но он не знал его телефона, а для поиска справочника был неподходящий момент. Тогда сторож вернулся в свою каморку. В растерянности он накрыл пледом Варю, которая уже потеряла сознание. Вскоре послышался звук подъезжающей машины, и сторож со всех ног бросился открывать вход и ворота института. Дальше все произошло как во сне. Люди в белых костюмах что-то спрашивали у него, он что-то отвечал, Варю делали неизвестные уколы, а потом, погрузив на носилки, увезли в больницу.

В ту ночь Толя больше не заснул. Он устранял последствия случившегося, отмывал кровь с пола и дивана и не мог успокоиться. Приход сменщика стал для него спасением, и парень, разрыдавшись, бросился к старику.

О том, что случилось, медики уже доложили в милицию. Те сообщили всем заинтересованным лицам, и даже директор института все знал. Первым делом с утра он заглянул в сторожевую комнату и расспросил Толю о событиях этой ночи еще раз.

— Какой-то кошмар, — в ужасе прошептал директор. — Как это возможно, такая положительная девушка, жена, внезапно пропадает из дома, а потом находится в нашей подсобке вся в крови, с угрозой потери ребенка!

— Что с ней? — спросил Толя каким-то тусклым голосом, будто принадлежавшим

совсем не ему.

— Сейчас уже все хорошо, — ответил директор. — В подсобке у Вари открылось кровотечение. Оно спровоцировало преждевременное отхождение вод и родовую деятельность. Врачи решили не рисковать и сделали кесарево, чтобы спасти ребенка. Тем не менее, жизнь матери сейчас вне опасности. Я лично беседовал с акушером, принимавшим роды. История наихудшая, но со счастливым концом...

И директор не понимал, насколько он неправ. В тот момент врачи и правда спасли ребенка и Варю. У нее родился мальчик, которого решили назвать Арсением. Все попытки расспросить девушку о том, где же она была после своего исчезновения, ни к чему не привели. Девушка попросту не помнила. А может, не хотела помнить.

Толя собирался пойти домой после этой кошмарной смены, но не чувствовал в себе сил оставаться в одиночестве. До больницы, куда увезли Варю, было не так далеко, а потому парень направился туда, ощущая, как свежий весенний ветер проникает в его тело и мысли. По мере того, как улицы сменяли одна другую, Кормышов чувствовал, что приходит в себя. Дрожь, бившая его последние часы, стала утихать, и на смену ей пришла отупляющая безучастность. Подобно какой-то машине, он механически шел к зданию больницы, уже не понимая, зачем и даже к кому. Зайдя в холл, Кормышов стеклянными глазами смотрел на снующих мимо него посетителей и медицинских работников. Внезапно он ощутил непреодолимое желание повернуться назад, но кто-то схватил его за локоть.

— Простите? — мужской голос глухо прозвучал рядом. — Я вас знаю.

Толя медленно повернул голову и увидел перед собой высокого мужчину, молодого и статного, в белом хирургическом костюме и наброшенном сверху халате.

— Вы сторож из института, ведь так? Это вы нашли мою жену.

Кормышов не успел подтвердить или опровергнуть это, но умом он уже понимал, что перед ним муж Вари. Как-то он уже бывал в институте и мельком видел Толю на сторожевой вахте. Сейчас сознание обострило его разум, и он, зная, что именно молодой сторож помог его жене, вспомнил его лицо. Врач порывисто и крепко обнял Толю, бормоча благодарность за спасение жизни ребенка и Вари.

— Вы пришли к ней? Пойдемте, — мужчина повел Толю за собой. В каком-то помещении он дал ему странные тканевые футляры, которые следовало натянуть поверх сапог, и большой, пахнувший едким медицинским раствором, халат. В таком обмундировании Толю уже могли пропустить на этаж отделения, но, конечно же, не в палату. Туда не разрешалось зайти даже мужу Вари, поэтому Кормышов мог посмотреть на девушку сквозь небольшое стеклянное окошко в палате.

Когда они уже приблизились к палате, другой врач позвал мужа Вари, поэтому перед стеклянным окошком молодой сторож оказался один. Он видел, что Варя лежит на кушетке, повернув голову в другую сторону. Ей принесли ребенка, и сейчас она нежно прижимала его к себе. Подойдя вплотную, Толя услышал неразборчивые слова, доносившиеся из глубины палаты. Как мог, парень напрягал слух и наконец понял, что это Варя тихонько напевает. Толя пытался разобрать слова, и когда у него это получилось, парень почувствовал, как его ноги становятся ватными. Это была страшная колыбельная, от которой холодело в груди

...Ночь темна. Окончен путь.

Только им нельзя уснуть.

Бродят, бродят по земле

Души, спящие во мгле.
Вот они уже пришли,
У дверей стоят, смотри!
Зло, таившееся в снах,
Отразится в зеркалах.
Манит бездна темных сил,
Ждет, чтоб ты их сам впустил.
Ты замри, закрой глаза,
И сиди так до утра.
Стоит лишь взглянуть назад,
В твою душу хлынет ад!
Стоит лишь взглянуть вперед,
Сердце сразу же замрет!
Солнце всходит из-за крыш,
Спи спокойно, мой малыш...

Внезапно девушка, оборвав песню, словно почувствовала присутствие постороннего. Она резко повернула голову, и ее глаза впились в Толю. Никогда он не сможет забыть ее чудовищно бледное, осунувшееся лицо. Под огромными глазами, в которых зрачок почти закрывал радужку, пролегли синие тени. Что-то безумное, чуждое привиделось Толе в ее облике, будто это не милая Варя, которую он видел много раз, лежала сейчас по ту сторону стекла.

Может, от усталости, или от новой волны безотчетного страха, колотящего парня, Толя упал на пол. Его уставшему мозгу было необходимо отключиться от всего, что он увидел.

Кормышову снова потребовалось несколько дней, чтобы забыть мрачную песню Вари и ее нечеловеческие глаза. Но время шло, и оно уносило остроту этих воспоминаний, будто неспешная река, медленно подтачивающая горные породы. Чтобы не случилось в прошлом, нужно было жить дальше.

До конца этого учебного года Толя больше не видел Варю. Но в августе произошло последнее событие, ставшее точкой этой затянувшейся драмы. К счастью, его свидетелем Толя не стал. В ту ночь в институте дежурил сменщик Кормышова.

Парень приходил на дежурство к семи утра. Обычно институт в это время казался пустынным и заброшенным местом, запертым на все замки. День обещал быть жарким, ведь уже сейчас воздух пропитался тяжелым и влажным зноем. Подходя к корпусу, краем глаза Кормышов заметил стоящую невдалеке машину. Он подумал, что кто-то решил приехать на работу слишком рано, но в общем это было не его дело, и он сразу же забыл о машине. Намереваясь поскорее попасть в здание, где старые стены сохраняли освежающий холод, Кормышов достал из кармана связку ключей. Но уже через мгновение он понял, что ворота не заперты. Толкнув их рукой, сторож вошел на территорию института и осмотрелся. И снова пришло это чувство страха, парализующее все тело. Толя ощутил витающий в воздухе запах опасности. У Кормышова было такое же состояние, когда он нашел в подсобке истекающую кровью Варю. Теперь же чутье подсказывало, что та история получила свое продолжение.

Молодой сторож вошел через главный вход, оказавшийся незапертым. Первым делом он заглянул в сторожевую каморку, но никого не нашёл там. Тогда он бросился к входу, что вел в подсобку. Открыв дверь и оказавшись на верхних ступенях лестницы, Толя заметил, что подсобка освещена сильнее, чем это бывало всегда. Парень спустился и увидел, что дверь входа с улицы распахнута, и утренний свет заполняет некоторое пространство комнаты. Но ни здесь, ни во внутреннем дворе по-прежнему никого не было. В растерянности Толя вернулся наверх, понимая, что старик рано или поздно вернется в сторожевую комнату. Но еще раньше он сам увидел старика через окно. Сменщик Кормышова был не один. Все его спутники направлялись к воротам института, и, хоть Толя видел их со спины, все равно смог узнать ребят. Юра Афанасьев нес на руках девушку, одетую в длинную ночную рубашку, и по тому, как вяло свисала ее рука, Кормышов почему-то с ужасом подумал о смерти. Рядом шла Света. Было видно, что она собиралась в спешке, и ее волосы, всегда убранные на затылке в пышный пучок, сейчас темной волной разметались по спине. На руках она несла ребенка, что был завернут в светлое покрывало. Когда Света повернулась в пол-оборота к окну, Толя заметил темные бордовые пятна на этом покрывале. Рядом с ними была еще одна девушка. Ее светлые волосы также были распущены, и парень не мог понять, кто же она. Сперва ему почудилось, что это Варя. Потом он решил, что это вторая подруга Светы. Правильного ответа Толя, конечно же, не мог знать.

Юра бережно придерживал голову Вари, которая все же не умерла, но была без сознания. Сторож открыл им ворота, и ко входу медленно подъехала та самая машина, на которую Толя сперва не обратил внимания. Оттуда вышел человек, — Кормышов узнал в нем мужа Вари. Он выглядел обескураженным и каким-то отстранённым. Он не помог Афанасьеву погрузить Варю в салон, а просто наблюдал за всем происходящим. Правда, мужчина сделал слабую попытку взять на руки ребенка, но Света сказала ему что-то, и он кивнул. Затем машина уехала и увезла прочь странную компанию.

Вскоре в сторожевую каморку вернулся сменщик Кормышова. Поначалу он словно не замечал Толю. Молча прислонившись к стене, он закрыл лицо руками и стоял так, пока Толя его не окликнул.

— Что случилось? — спросил он. — Она опять сюда пришла?

Грустным взглядом старик посмотрел на Толю и еще долго молчал.

— Вот оно как бывает, — пробормотал он.

— Да что тут было-то?! — не понимал Толя. — На вас лица нет!

Старик налил себе в стакан воды и залпом выпил.

— Да что было, — сказал он. — Все то же, что и в прошлый раз...

Больше старик ничего не сказал и ушел нетвердой походкой домой. Толя знал, что этой ночью произошло нечто по-настоящему страшное. Сядясь на вахту, он каждую смену сосредоточенно вглядывался в толпу заходящих в институт студентов, но, как не старался, не видел среди них Юру и Свету. Примерно через неделю ребята сами подошли к Толе, якобы просто поболтать, и никто не заикался о произошедшем той ночью. Кормышов решил спросить обо всем сам. Сказал, что видел их утром, но это ни к чему не привело. Света промолчала, а Юра посоветовал забыть обо всем, что он видел.

— Варя переводится в Московский мед, — сообщил Афанасьев. — С ней теперь все будет хорошо, и эти случаи больше не должны нигде фигурировать.

Лицо Светы было грустным. Она кивком подтвердила слова Юры, но все трое знали, что дела плохи. Кормышов молча вернулся к вахте, а двое друзей, постояв еще немного

рядом, ушли на лекции.

Вечерняя мгла уже захлестнула город, и проем окна в сторожевой камерке Анатолия Степановича зиял густым фиолетовым мраком. Он закончил свой рассказ, но я еще какое-то время не могла произнести ни слова. События, описываемые сторожем, всплывали в моем воображении так явно, будто я сама стала их свидетельницей. Было страшно. Все, что рассказал Кормышов, походило на жуткий сценарий к фильму, с одной поправкой, что все это было в самом деле. Моя бабушка и Юрий Анатольевич предстали передо мной совсем в ином свете. Для меня они были взрослыми людьми, а тут я словно посидела с ними за одной партией.

— А что случилось с Варей дальше? — спросила я, с трудом покидая этот воссозданный Кормышовым мир грез и теней.

— Полагаю, ее жизнь наладилась после переезда, — предположил сторож.

— Но что же все-таки произошло? — не унималась я. — Где она пропала? Почему ее тянуло в подсобку? И как...

— Кристина, — грустно засмеялся Анатолий Степанович. — Кого ты спрашиваешь? Я рассказал все, что знал. Я видел Варю спустя какое-то время в институте. Она выглядела вполне нормальной. В тот день, по словам твоей бабки, она пришла забрать свои документы. Якобы ее муж нашел работу в столице, и она переводилась в какой-то другой институт. Названия я тебе не скажу, потому что ничего в этом не понимаю. Я хотел поздороваться, но она прошла мимо меня, будто никогда не знала. Я не стал настаивать. С того дня я больше не видел Варю. Но Света периодически передавала от нее новости.

— Бабушка, — прошептала я, качая головой. Неужели только она знает все ответы в этой истории?

— Если она не лгала, то Варя прекрасно себе жила и училась в Москве, воспитывала сына Арсения, — проговорил Кормышов. — Да и зачем ей обманывать какого-то сторожа?.. Ну, как тебе все это?

Я призналась, что история меня поразила. Правда, было кое-что еще. Мое сердце подсказывало, что это только часть истории. Самая безобидная часть.

Глава 7

Осенний сумрак, теплый и свежий, постепенно сгущался вокруг нашего небольшого городка. Я нырнула в салон автобуса и постаралась забыть на какое-то время рассказ Кормышова. К счастью, это оказалось несложным. Я знала, что до встречи с Максимом осталось совсем немного, и это вызывало во мне беспричинную и немного тревожную радость.

Дома я оставила вещи и быстро поужинала. Родителям сказала, что убегаю по чрезвычайно важным делам, и мама с папой, заговорчески переглянувшись, не стали меня допрашивать. Похоже, я выглядела взволнованной и воодушевленной, что меньше всего мне требовалось сейчас. Я ни в коем случае не хотела показаться Максиму безрассудной девчонкой, которой обещание встречи вскружило голову.

Я вышла из дома, прошла около трехсот метров, петляя в узких переулках, и оказалась у здания почты. Вдалеке небо еще сохраняло светлые полосы, тогда как надо мной, пробиваясь

сквозь плотные облака, начинали проглядывать первые звезды.

Позади почты была детская площадка, и мне сразу стал виден темный силуэт на фоне открытой местности. На качелях сидел Максим. По самым скромным подсчетам, я опоздала минут на пятнадцать. Но парень, прислонившись головой к железным прутьям качелей, спокойно ждал и немного улыбался.

— Прости, я опоздала, встряла в институте...

Давыдов, не дослушав, засмеялся и жестом пригласил меня сесть в кабинку качелей напротив него.

— У тебя глаза горят, — заметил Максим, пристально глядя на меня. Я сделала непонимающий вид, ожидая подвоха.

— Я недавно гипертиреозника такого смотрел, — продолжал Давыдов, и я захохотала. Это, кажется, был не комплимент.

— Себя давно видел? — спросила я.

— О, — парень неопределенно махнул рукой. — Я уже с сентября выгляжу как стабильный зомбак от этого недосыпа.

— Зомбак от недосыпа это я, — мне не хотелось отдавать Давыдову свое место в очереди. — Скоро покроюсь мхом и пушу корни в анатомичке.

— Не знаю, — спокойно улыбнулся Максим. — На вид ты очень хороша.

— Опять сарказм? — мне стало смешно. Я не могла в серьез обижаться на слова друга.

— Ты удивишься, — качнул головой он, и я решила, что соревнование в сомнительных островах пора прекратить.

— Я здесь как раз за этим. Так что на самом деле произошло с врачом?

Максим вышел из кабинки качелей и предложил пройтись. Снова ступая по дорогам нашего города, я чувствовала себя влюбленной и живой. Не знаю, как я не видела этого раньше. Это странно, ведь у нас с Максимом было целое лето. И много других месяцев, что скрепляли нашу дружбу. А теперь, когда столько условностей разделяло нас, я не могла поверить, что оказалась такой глупой.

Давыдов рассказал, что в то утро он приехал в пансионат одним из первых. Но заведующий был уже мертв, и медперсонал сообщил об этом в милицию. Приехало два сотрудника. Максим не сразу понял, зачем они здесь, но, услышав отрывочные фразы об убийстве, решил держаться к ним поближе. Двух врачей из отделения пропустили в кабинет заведующего. Остальные стояли у двери и с любопытством заглядывали внутрь, пока один из сотрудников не попросил всех уйти. Максим, который в белом халате ничем не отличался от других работников больницы, крутился поблизости. Ему удалось увидеть, что тело Краснова находится в рабочем кресле.

— Удар ножом в живот, — услышал парень голос одного из милиционеров. — Где судмедэксперт?

— Едет, — ответил другой, видимо, помощник. — Думаете, его кто-то из психов прибил?

— Сомневаюсь, — проговорил следователь. — Такое впечатление, что он обнимал убийцу, и тот неожиданно всадил лезвие... Он знал преступника, более того, доверял ему и был в близких отношениях.

— Думаете, это баба?

— Черт знает, щас все осмотрим и допросим людей, потом будем думать...

Больше Максиму ничего не удалось узнать, потому что приехали другие ребята. Врач,

который должен был вести занятие, все отменил и отпустил студентов.

— Я, конечно, никому не стал об этом говорить, — признался Максим. — Очень это странно все.

Мы зашли в один из дворов и сели на деревянную резную лавочку. Становилось чуть холоднее. Нас окружали девятиэтажные дома, во многих окнах которых уже зажегся свет. По глухим теням, мелькавшим порой в проемах окон, можно было догадаться, как люди, вернувшиеся с работы в дом, проводят этот вечер. Кто-то окружен, семьей. Кто-то, напротив, совсем один. За каждым таким окном была история, и мне казалось, что я могу узнать каждую из них, стоит лишь прислушаться.

— Не то слово, — проговорила я. — А я сегодня вечером разговаривала с Анатолием Степановичем, и ты не поверишь, что удалось узнать.

Опуская детали, я рассказала Максиму все, что знала и, надо заметить, Давыдов оказался поражен теми далекими событиями, развернувшимися в стенах нашего института.

— Ну что, ты понял? — спросила я, окончив рассказ.

— Понял что? — Максим принялся тереть глаза. — Что Варя и Остапова один и тот же человек? Ты к этому вела?

Я немного смутилась. Пока эта мысль была в моей голове, она казалась вполне разумной, но стоило ей прозвучать, как она растеряла часть своего смысла.

— И на чем это основывается? — продолжал Давыдов.

— На том, что обе свихнулись, им делали кесарево, и обе напевали жуткую колыбельную, — проговорила я. Максим пожимал плечами.

— Ну... В принципе, может сложиться, — протянул он. — Выходит, болезнь Вари началась в молодом возрасте. Она вышла замуж, через какое-то время с ней случился приступ, ее нашли в подсобке. Она рождает ребенка, потом снова сбегает в подсобку уже с малышом, после этого муж помещает ее в дурдом, а сам переезжает в Москву с ребенком.

— Или без, — сказала я. — Мы не знаем, зачем она взяла мальчика в ту ночь с собой.

— Думаешь, она хотела что-то с ним сделать?

— Кто знает, Кормышов видел на полотенце следы крови.

— Он видел темные пятна, — поправил Максим.

— Щас убью! — пообещала я. Давыдов преднамеренно опровергал все мои предположения, и я начинала злиться. Теперь же Максим, захохотав, примирительно поднял руки вверх.

— Ладно, прости, но мне непонятно, для чего менять имя жены, — сказал парень. — В сущности, это ни на что не повлияло. Он уезжал в другой город, где его никто не знал. Чтобы сменить все документы, потребовалось бы задействовать какие-то связи.

— Ты прав, — кивнула я. — К тому же, с новыми документами он не смог бы беспрепятственно навещать ее в больнице. Пришлось бы ставить в известность кого-то из врачей.

— Может, он и не собирался ее навещать, — предположил Давыдов. — Если она и правда сделала что-то с сыном, его единственным желанием было бы забыть этот кошмар. Вряд ли она оставалась для него женщиной, которую он любил.

— В болезни и здравии, — пробормотала я, и Максим ответил мне печальной улыбкой.

— А что смерть врача? — вспомнил Давыдов. — Думаешь, она как-то связана с этой Варей или кто она там, я уже запутался...

— Пока на этот счет предположений нет. Но я хотела посмотреть на эту женщину и

заодно, может, чего узнаю про заведующего.

Сперва Давыдов не сразу понял, о чем я, а потом медленно повернулся ко мне.

— Ты серьезно? — спросил он.

— Вполне, — кивнула я. — Тебе что-то не нравится?

Давыдов, как всегда, сделал свой излюбленный жест, — закрыл глаза ладонью и засмеялся.

— Я-то, положим, переживу, — начал он. — Но... занятия могут отменить.

— Вам бы позвонили заранее, — заявила я.

— А что препод скажет, когда увидит, что в группе новый студентик?

— Брось, он вас толком не запомнил. Одним больше, одним меньше, это не существенно.

— А что ребятам скажем?

— Что у меня окно и мне негде посидеть!

— Это смешно.

Я вздохнула и посмотрела на Давыдова.

— Не будь занудой, — попросила я. — Просто скажи, что тебя интересует только то, что подумает Даша.

Мне досталась еще одна насмешливая улыбка.

— Не понял, к чему прозвучало ее имя? — Максим вопросительно поднял бровь. — Разве она имеет к этому какое-то отношение?

— Зависит от того, что происходит у тебя с ней, — произнесла я, чувствуя, как атмосфера перестает быть дружелюбной.

— Или от того, что происходит у меня с тобой? — усмехнулся парень.

— У нас с тобой ничего не происходит, — я пыталась казаться невозмутимой. — Я просто хочу прийти завтра в это чертово отделение.

Максим с равнодушным лицом пожал плечами.

— Что ж, — проговорил он. — Я сказал свое мнение. Но запретить тебе я ничего не могу. Если хочешь прийти, я не буду препятствовать.

«Лихо!» — подумала я. Максим поставил меня на место и при это словно ничего и не сказал. Но я не собиралась так просто сдаваться. Мне нужно было посмотреть на эту женщину, что когда-то была подругой моей бабушки. Зачем? Не знаю. Но после всего, что рассказал Кормышов, я словно сама стала частью этого прошлого.

— Если хочешь, встретимся завтра на остановке в восемь-десять, — Максим вывел меня из раздумий. — Автобус идет прямо до пансионата. Только не опаздывай, иначе придется добираться с пересадками.

— Не злись, — попросила я. — Обещаю хорошо себя вести.

Максим покосился на меня.

— Ты? — усмехнулся он. — Не верю. Но завтра посмотрим. Идем к дому?

Я взглянула на часы в телефоне и, увидев, что уже полдесятого, поразились, как быстро пролетело время. Пока мы возвращались и разговаривали о разных пустяках, Максим временами смотрел на меня смеющимся взглядом, в котором я уже ничего не могла прочитать.

— А все-таки, это забавно, — проговорил друг. Мы свернули в пустынную аллею, где голые прутья деревьев сплетались над нашими головами. Оттого казалось, будто звезды висят прямо на ветках.

— Ты можешь поверить в то, что мы снова бродим по этому городу? В последний раз это было так давно, — вспомнил Максим.

— Непростительно давно, — засмеялась я. — Помню, летом мы раньше двенадцати домой не возвращались.

— Сейчас на это нет времени, — произнес Максим, и наших лиц коснулся порыв холодного, осеннего ветра.

— Или желания? — вырвалось у меня.

— У тебя? — спросил Давыдов, и я опешила от этого вопроса.

— Я этого не сказала.

— А что ты сказала?

Продолжать этот разговор становилось бессмысленно. Я не хотела испугать Максима тем, что не могу перестать думать о нем. Тем временем ветер, казалось, потянул сильнее, и нам нужно было прощаться.

— Что лето закончилось, и я хотела бы вернуть то время, — сказала я, а мы уже приближались к моему дому.

— Я тоже, — кивнул Максим, спокойно улыбаясь. — Но это невозможно... Ты хочешь что-то сказать?

— Хочу, — проговорила я. — Но я не хочу выглядеть глупо.

Максим беззвучно засмеялся.

— Учитывая мое отношение к тебе, можешь этого не опасаться, — проговорил он. — Поэтому будет проще, если ты сразу скажешь, что ты хочешь.

Меня вдруг разозлила эта фраза и то, как спокойно он ее произнес. Выходит, Максим ждет, что я все сделаю сама, и ему не придется ничего говорить мне? Это же просто смешно. Правда, в тот момент я уже забыла о том, как Давыдов пытался начать этот разговор, ожидая меня в парке. Но тогда все было иначе, и я еще не узнала своих чувств к нему.

— Наверно, это очень удобно, — сказала я, не пытаясь скрыть иронии.

— Кристина, дело не в этом, — покачал головой Максим, каким-то невероятным образом догадавшись о тех мыслях, что крутились сейчас в моей голове. — Ты говорила, мы друзья. И ты не сказала, что это изменилось... Я тоже не хочу выглядеть глупо.

Мне было ясно каждое его слово. Мы молчали. Не знаю, о чем он думал, но мне нравилась даже эта тишина. И эта иллюзия, что мы все еще близки. Подъезд моего дома неумолимо приближался к нам. Или мы к нему. Это было неважно. Все было неважно кроме того, что через несколько минут я останусь одна.

— Тогда не будем ничего портить, — сказала я. Ни одно из моих чувств не выразалось на лице или в голосе. Для Максима я была все той же равнодушной девушкой, что не пришла когда-то в парк.

— Спокойной ночи, Максим.

Промозглое утро казалось серым и мрачным. Таким же, как лица людей, окружающих нас с Максимом на остановке. Сентябрь заканчивался. В лужах громоздились истлевшие от влаги листья, а плотные облака надежно прятали солнечный свет.

Мы приехали в пансионат одними из первых и зашли в учебную комнату. Максим сегодня разговаривал мало. Как со мной, так и с другими ребятами. Я поздоровалась с двумя сонными парнями, и их имена мгновенно вылетели из моей головы. Максим сел за

четвертую парту. Сперва я собиралась сесть рядом, а потом подумала, что это будет неудобно перед Дашей. Потому я заняла место сзади Давыдова. Не знаю, понял ли он мои мысли, или ему не было до этого дела, но друг промолчал.

Понемногу прибывал народ. В мою сторону четверокурсники смотрели с легким вопросом, но быстро забывали о моем присутствии. На часах было уже девять, а преподаватель все еще не появился. Вдруг дверь резко открылась, и внутрь ворвался Андрей.

— Простите! Можно войти? Я... — только теперь Андрей увидел, что ребята здесь одни, и расслабился. — Фух... пронесло...

Выглядел Сажнев смешно. Дыхание сбилось, сам взъерошенный, раскрасневшийся. Он бросил на стол рюкзак и, достав из его недр скомканный халат, принялся одеваться. И лишь когда он сел рядом со мной, то удивленно приподнял брови.

— Ого, Кристин, — проговорил он. — А ты чего здесь?

— А я на отработке.

— А, ну это дело хорошее, препод зверь. Лучше не должать... Погоди, какая отработка, ты ж первый курс!

Мы с Максимом засмеялись. Сажнев явно еще не проснулся.

— Ладно, не хочу знать, — махнул он рукой. — Так спать охота...

— Ничего, скоро выходные, — я попыталась подбодрить парня. — Выспишься.

— Надеюсь, — кивнул парень. — Вроде учить не так много.

Тут дверь снова открылась, и вошла Даша. Она сразу заметила меня и явно не понимала, в чем дело.

— Всем привет, — поздоровалась Потанина, садясь рядом с Максимом. — Вот так встреча!

Последняя фраза относилась ко мне.

— Как дела?

— Все хорошо, — улыбнулась я. — Учебы полно, но я стараюсь.

— Уже понравился какой-то предмет или пока нет предпочтений? — продолжала девушка. Она, не глядя, вытаскивала из сумки тетрадку и другие принадлежности, клала их на стол и все это время изучала меня с легкой улыбкой.

— Без ума от латыни, — заявила я, и Андрей с Дашей засмеялись.

— Представляю, — кивнула Потанина. — Я, конечно, занятий Юрия Витальевича не застала, но наслышана о его нраве.

— Иногда он бывает очень строг, — кивнул Андрей, и я, вспомнив наши с ним столкновения, не рискнула бы спорить с этим.

— Помню, нам на первом курсе столько задавали, — вздохнула Потанина. — Времени ни на что не было. Даже не гуляли почти.

— Это точно, — кивнула я. — Чтобы все успевать, приходится учить вечерами напролет.

Даша посмотрела мне прямо в глаза, и что-то в ней изменилось. Тон беседы перестал быть дружеским.

— Вчерашний вечер не в счет? — спросила она. Спросила спокойно и тихо, но мне это совсем не понравилось.

— Разве можно так сухо говорить про вчерашний вечер? — в тон Потаниной спросила я, улыбаясь. К слову, мне было прекрасно известно, что не стоит этого делать. Но остановиться не получилось. В этот момент Максим, который до этого не принимал

никакого участия в разговоре, повернулся и с досадой посмотрел на нас обеих.

— Продолжай, — кивнула мне девушка.

— Даша! — негромко позвал Давыдов, и недовольные ноты в его голосе стали очевидны.

— Не нужно защищать свою подругу, Максим, — улыбнулась Потанина. — Она большая девочка.

— Надеюсь, ты тоже, — уронил Давыдов.

— Я просто не собираюсь терпеть, как меня выставляют дурой, — заявила Даша.

— Тебе не о чем волноваться, — я перестала глупить и хотела загладить недоразумение между нами. — Мы с Максимом просто друзья.

Только после того, как я произнесла эту фразу, мне вспомнился наш вчерашний разговор с Давыдовым. Стало ясно, что эти мои слова — еще одна ошибка, но было поздно.

— Вот видишь, она все объяснила, мы друзья, — голос Максима прозвучал с невероятным сарказмом, и я поняла, что не могу взглянуть ему в глаза. — Так что хватит. Я не люблю скандалы.

— Как и я, — кивнула Даша, отвернувшись от меня. — Не волнуйся так, Максим, мы с тобой ничего не должны друг другу.

— Рад, что ты это помнишь, — пробормотал Давыдов. Я посмотрела на сидящего рядом Сажнева. Тот подпирал голову рукой и делал вид, что ничего не происходит. Но по его лицу бродило хмурое выражение, от которого мне стало тоскливо.

Что я делаю?

Аккуратно и тихо я выскользнула из учебной комнаты и двинулась по коридору к выходу. Но на полпути я столкнулась с медсестрой, несущей в руках стопку бумаг. Женщина выходила из небольшого закутка, и я не могла заметить ее. Часть документов разлетелась по полу.

— Простите! — сказала я и принялась собирать бумаги.

— Да чего уж там, — проговорила медсестра. Она оказалась добродушной женщиной лет сорока пяти с карими глазами, окруженными глубокими морщинами. — Небось спешишь куда?

— Просто нехорошо стало, — пробормотала я. Медсестра была на редкость сердобольной женщиной и позвала меня в сестринскую.

— А то ты такая бледная, — всматриваясь в мое лицо, сказала она. — Посидишь немного, в себя придешь...

Сперва я хотела отказаться, но уже в следующую секунду решила, что возможно, смогу что-то узнать о смерти заведующего. Мы вошли в сестринскую, которая представляла собой небольшую комнатку с двумя старыми кушетками, столом, умывальником, узким шкафом и сотней разных мелочей, которые всегда бывают в подобных местах. Женщина посадила меня на одну из кушеток, а сама стала раскладывать документы.

— Работа у вас, конечно, тяжелая, — начала я.

— Это точно, — кивнула женщина. — А тут вон какие события... Ужас!

Стало очевидно, что медсестра имеет в виду убийство заведующего отделением.

— Как думаете, это кто-то из пациентов? — спросила я. В нужный момент я умела состроить простодушную физиономию. Да и общительность, присущую многим женщинам, не стоило списывать со счетов. Вот и теперь медсестра не преминула поделиться со мной сведениями.

— Да где им, пациентам, — махнула она рукой. — Они у нас все по струнке ходят. Скажу честно, у меня от этой истории мурашки по коже. Это ж кто-то пробрался да убил!

— И ведь пробрался так незаметно, — сказала я.

— Именно! Никто посторонних не видел! Представь!

— Ну это явно неспроста, — я пыталась и дальше разговаривать женщину. — Такого человека просто так не убьют. Следователи сейчас начнут в его прошлом копаться, наверняка что-то обнаружится.

— И я даже могу догадаться, что именно, — усмехнулась медсестра. — Заведующий-то наш не так прост был!

— Да вы что! — я заинтересованно наклонилась вперед.

— Ты помнишь ту старуху, что на вашего парнишку в диспансере набросилась? Там такая история была... Конечно, отчет передо мной никто не держал, но я не дура и все поняла сразу. Да они и не скрывали ничего.

— Вы о чем? — забеспокоилась я. — Кто что скрывал?

— Да сумасшедшая эта, Остапова, и Краснов наш, — проговорила медсестра. — Началось это все давно. Я только закончила учебу и пришла сюда работать. Эта мадам уже лежала здесь. Правда, недолго, месяца три-четыре. Заведующий нынешний тогда простым врачом был, видно, понравилась она ему, — молодая девушка, хороша собой, да и не скажешь, что совсем уж ненормальная. Она в припадке только несколько дней была, а потом на поправку пошла. Когда ее стали выпускать на прогулку, он все время с ней выходил. В общем, видно закрутилось у них все. Потом Остапову выписали, он за ней прислал автомобиль, они вместе уехали. Прошел слух, что пожениться собираются. Казалось бы, вот счастливая история! Но через полгода примерно она снова к нам попала, опять билась в истерике, а что кричит — не разобрать. Так два года она периодически лечилась здесь, но Краснов-то с ней вроде был. Только свадьбы никакой не получилось, сама понимаешь. А однажды ее снова привезли с приступом, а я смотрю, — так она беременная! И по животу видно, что срок уже немаленький. Вот так дела, думаю. Отец ребенка-то явно врач наш, хотя об этом, конечно, вслух никто не говорил. Остапова со временем стала попадать в диспансер все чаще и чаще. А потом и вовсе ее перевели сюда, в лечебницу. Иногда обратно в диспансер переводили. И спустя несколько лет Краснов наш стал приводить к ней мальчика. Ну, тут уж любому дураку ясно, в чем дело. Остапова теперь всегда жила в отдельной палате. Бывает, закроются там с сыном и долго о чем-то переговариваются шепотом. Мальчик-то хоть с виду и нормальный был, но от осинки... Как сейчас помню его странные глаза. Порой спросишь у него что или поиграть предложишь, а он будто и не видит тебя. Так Краснов и водил мальчишку сюда много лет. А потом, когда мальчику лет тринадцать было, посещения прекратились. Такая вот история.

— Офигеть, — вырвалось у меня. Вот это да. Оказывается, у сумасшедшей бабушкиной подруги был еще один сын. Хотя доподлинно мне неизвестно, кто эта женщина. Да и что такого в том, что она родила еще одного ребенка? Почему все это кажется таким странным и невероятным? Нужно хорошенько все обдумать. И подальше от этого места.

— Спасибо вам за беседу, — проговорила я. — Но мне уже идти надо. А то опоздаю на занятия в институте!

— Беги, — кивнула медсестра. — И осторожнее там!

Я снова двинулась вдоль коридора навстречу выходу. Это место порядком надоело мне, и, оказавшись здесь одна, я уже не чаяла, как уйти. В конце этажа был выход на лестницу. С одной стороны коридора располагалась ординаторская, а с другой — медицинский пост. Бросив мимолетный взгляд на него, я отметила, что за ним тоже никого нет. И куда вообще все подевались? Окончательно я осознала это, когда уже спускалась по лестнице. Не знаю, что опять случилось со мной. В голове поселилась навязчивая мысль, будто я прямо сейчас упускаю возможность во всем разобраться. Другого шанса может и не представиться.

Каждый раз, вспоминая этот момент, не могу поверить, что я и правда сделала это. Вернулась обратно. В коридоре было необычайно тихо. Казалось, здание опустело, и нет ничего, кроме бледного свечения белых стен. Я подошла к посту и заглянула за высокую стойку. Внизу на столе медсестры лежала кipa историй болезни, разложенная по папкам. Еще раз оглянувшись на коридор, я проскользнула за медсестринский пост и принялась перебирать истории. Дверь ординаторской, что находилась прямо напротив поста, чудовищно пугала меня. Если оттуда выйдет врач, он сразу увидит меня. Что тогда я буду делать? Но мне нужна была история Остаповой, точнее, номер палаты, в которой она лежит, и вот, на середине стопки я ее нашла. Семнадцатая палата. Сделано!

Я собиралась выбежать из-за поста, но ручка двери ординаторской стала поворачиваться. В голове одна мысль, — что делать?! В панике я нырнула под стол. Укрытие было, по меньшей мере, идиотским. Стоит кому-то зайти за пост, и меня сразу увидят. Шаги врача стали приближаться и замерли рядом со столом. Я услышала, как над головой зашуршали бумаги. Наверно, увидев, что на посту никого нет, врач стал перебирать истории болезни.

— Вот она, — пробормотал мужской голос, и врач потянул историю. Стопка вздрогнула и рассыпалась. Пачка историй болезни упала прямо передо мной, и я замерла. Все, мне конец! С другого конца коридора слышались быстрые шаги.

— Ань, я случайно истории разбросал в твоём царстве, — сказал врач куда-то в сторону, и я с облегчением выдохнула. Значит, он не собирает их поднимать.

— Я соберу, — донесся голос медсестры, и мне снова стало страшно. Похоже, количество удачи на сегодня закончилось. Интересно, я смогу поставить на неожиданность и выбежать из укрытия, а потом мчаться к выходу? Вряд ли тут есть какая-то серьезная охрана, способная меня поймать.

Шаги медсестры приближались к посту. Что-то написав, она не стала заходить сюда и снова ушла. А я не верила своему счастью. Как только шаги персонала затихли, я, осторожно встав, выбралась из-за поста и отошла от него на безопасное расстояние. Коридор снова оказался пуст. В поисках семнадцатой палаты я двинулась вперед и, найдя ее, замерла. Сейчас или никогда. В мыслях я все время спрашивала себя, что вообще творю. Но руки были быстрее. Они уже открывали дверь.

Палата оказалась одиночной и больше напоминала чью-то скромную комнату. Напротив меня была стена с широким окном, пропускающим внутрь полосы дневного света. У боковой стены стояла кушетка, рядом прикроватный столик и лампа. У другой стены круглый деревянный стол с парой стульев. На столе стаканчик с карандашами, стопка листов, несколько тоненьких тетрадей. Чуть дальше у стены виднелся узкий шкаф, вот и все убранство. Как я поняла, сейчас палата была пуста.

Подойдя к столу, я увидела, что на некоторых листах есть рисунки. Они выполнены неумелой рукой, словно это сделал ребенок. Ближе всего ко мне лежал толстый ежедневник в твердом зеленом переплете. Открыв первую страницу, я прочла надпись, сделанную от руки.

«Комната с видом на звезды».

Мне пришлось бросить еще один взгляд в сторону окна. Должно быть, ночью отсюда и в самом деле прекрасный вид на звездное небо. От заголовка ежедневника на меня повеяло тоской и тлеющими осенними листьями. А еще под пальцами я ощущала не просто записи, а измученное, медленно высыхающее озеро чьей-то души.

Большая половина ежедневника была исписана убористым, тонким почерком. Пробегая глазами по строкам, я поняла, что это напоминает дневник. Все записи сделаны от первого лица, кое-где надписаны даты. «...произошедшее изменило наши планы. Я так и не попала на выпускной, не примерила свое красное платье. Более того, она тоже не смогла насладиться праздником. Мы обе оказались заперты в этой тайне, до которой никому уже нет и не было дела.»

Я снова обратила взгляд к окну и представила эту женщину. Как она сидит на кушетке в больничной пижаме, и ее глаза впитывают лунный свет. После она незаметно засыпает и видит, как рядом с ней играют два замечательных мальчика. Она смеется. Смеется до слез, и они становятся теми спутниками, что не покидают ее после пробуждения.

Выходит, все это время Варя записывала свои воспоминания в этот дневник. Являлись ли они правдой или вымыслом пораженного болезнью мозга, неизвестно. Но мне несказанно захотелось прочитать все, что написано на этих страницах. Оставалось лишь придумать, как это осуществить. И тут за моей спиной едва слышно скрипнула дверь, которую я сперва и не заметила.

Чья-то рука легла мне на плечо.

Внутри все замерло от страха и неизвестности. Медленно я повернулась и прямо перед собой увидела лицо старухи. Оно было изборождено глубокими линиями морщин, стерших прежние черты. Глаза Остаповой были беспокойны, белки покрасневшие и слезящиеся. Она смотрела на меня, впивалась в мое лицо своей почти бесцветной радужкой, и ее рот кривился, силясь что-то произнести.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Све-е-ета! — услышала я хриплый голос, окончательно потерявший все свои краски. Ее рука еще держала меня за плечо, точно скрюченная лапа какого-то дикого загнанного зверя, ухватившегося за спасительную ветвь. Дверь, из-за которой вышла Остапова, осталась чуть приоткрытой, и я увидела кафельный пол и край ванной. Конечно, как же я не догадалась сразу?! В такой палате обязательно должен быть санузел. Мне следовало быть внимательнее и предположить, что Остапова там. Но теперь уже поздно, она стояла передо мной и, судя по всему, принимала за мою бабушку.

— Как долго тебя не было, — продолжала Остапова. — И никого из вас... Почему ты одна?

Сказать было нечего, но долго молчать тоже нельзя.

— Так... вышло, — проговорила я дрожащим голосом. Я боялась ее, но вместе с тем безумно жалела. Слышать ее наивные вопросы было больно, ведь все эти годы в ней жила

надежда, которую никто не хотел претворить в жизнь.

— Вы обещали, что вернетесь за мной, — продолжала старуха, и я почувствовала, как ее пальцы все сильнее стискивают мое плечо. — Я ждала вас. Я все записывала, чтобы не забыть. Здесь.

Наконец, она отпустила меня и указала на ежедневник. Потом пальцы потянулись к изрисованным листам, и она протянула их мне. Я постаралась улыбнуться и взяла рисунки.

— Очень красиво, — сказала я, перебирая их. — Ты... сама это сделала?

— Для вас, — кивнула Остапова. На одном из рисунков была женщина. На руках она держала какой-то комок, и я догадалась, что это ребенок. Другой рисунок изображал еще одного ребенка, но тот уже стоял на ногах и был гораздо взрослее. Рисунков этого мальчика, — мне показалось, что это мальчик, — было очень много. А вот еще один рисунок, на нем три девочки, стоящие рядом.

— Это мы, — засмеялась Остапова. — Лидка лучше всех вышла, как думаешь, а?

Я непонимающе смотрела на этот рисунок.

— Это ты? — я указала на девочку в центре.

— Это ты! — покачала головой старуха. — Вот я. А вот Лидка...

Тут она взяла этот рисунок в руки. Пользуясь моментом, я принялась делать незаметные маленькие шаги назад. Пока Остапова вглядывалась в лист бумаги, я уже была в метре от нее. Наконец, она заметила это. Все же, она продолжала сравнивать меня со своим неумелым рисунком так, будто это была настоящая фотография. А потом лист выпал из ее рук, и она словно все поняла.

— Ты не Света! — воскликнула она. — Ты не Света! Ты не Света!

Этот крик стал сигналом. Я рванулась с места, выбежала из палаты и помчалась вдоль коридора. На счастье, он все еще оставался пустым, и через какое-то время я была уже на лестнице.

— Ты не Света! — доносился до меня крик старухи, которая не пыталась преследовать меня. — Ты не Света!

Навстречу мне уже поднималась медсестра. Она с удивлением посмотрела на меня, а потом с тревогой в сторону отделения. Но я пулей пролетела мимо нее и вскоре оказалась на первом этаже, где народа было довольно много. Поэтому я сбавила шаг, встречая на пути сотрудников диспансера и родственников пациентов. У раздевалки не было очереди, и куртка беспрепятственно вернулась ко мне. Толком не застегнув молнию, я закинула рюкзак на плечо и все тем же быстрым шагом вышла из здания. Мне так хотелось обернуться и удостовериться в том, что все в порядке и никто не гонится за мной. Но я запретила себе это. Любой человек, просто идущий сзади, смутит меня, а все, что сейчас нужно, это сохранять хотя бы внешнее спокойствие. Я дошла до остановки, села в автобус, и лишь когда он отъехал в сторону города, смогла облегченно выдохнуть. Салон был почти пустым. Обернувшись, я увидела теряющийся в сером небе корпус лечебницы. Все позади. Я уезжала из этого места, но чувствовала себя воровкой. Я украдала историю этой старухи. Часть ее истории. А еще увесистый клубок больных, отравленных временем и одиночеством воспоминаний. Этот клубок говорил, что мне никогда не забыть здание пансионата. Где-то внутри него оставалась женщина. Она знала, что я не Света, а в ее тетрадке были написаны ответы на все вопросы.

В институт я приехала как раз к началу второй пары. Сегодня нам читали лекцию по истории медицины. Настя уже сидела в аудитории и заняла мне место.

— Привет, — улыбнулась она. — Какие дела? Ты грустная какая-то.

— Правда? — я сделала непонимающее лицо и решила перевести разговор на другую тему. — Просто не выспалась. Что нового?

— Сегодня хотим пойти с Андреем в кино, — улыбнулась Лебедева. Я не знала, расскажет ли Сажнев Насте о том, что произошло сегодня утром в пансионате. Лично мне не хотелось это обсуждать. Я не гордилась своим поведением и ссорой с Дашей, поэтому предпочитала вообще забыть о событиях сегодняшнего утра. Но это оказалось несбыточной мечтой. Мой телефон зазвонил, и это был Максим. Не представляя, что еще мы можем сказать друг другу, я все же решила ответить.

— Чем занимаешься? — спросил Давыдов, и его голос прозвучал весьма непринужденно. — Допекаешь еще кого-нибудь?

Еще кого-нибудь?!

— Я никого не допекаю! — воскликнула я, но фраза рассмешила меня.

— Ну, конечно, Потанина в бешенстве, — заявил Максим.

— Мне плевать, — сказала я, и Настя удивленно обернулась на меня. — Зачем ты вообще ей рассказал про вчера?

— Затем, что она спросила о моих планах на вечер, — ответил Максим. — А я не хотел врать. Есть проблема?

— Да ни одной! — бросила я. — Кроме того, что тебя все это чрезвычайно веселит.

— А чего мне веселиться? — не понял Давыдов. — Можно подумать, есть повод. У меня еще не настолько мозг поплыл, чтобы решить, будто вы поругались из-за меня, а не из-за того, что вы просто любите это делать. Где ты?

— На лекции, — сказала я и снизила тон до полусшепота. — Но в пансионате мне удалось поговорить с одной медсестрой и узнать увлекательные подробности жизни вашего заведующего.

— Отлично, когда я их услышу? — поинтересовался Максим.

— Никогда, — отрезала я, так как новые встречи с Давыдовым уж точно разозлят Дашу. — Вечером напишу во Вконтакте.

Пока преподавательница истории, а по совместительству и истории медицины, рассказывала что-то о древних методах диагностики заболеваний, я, как и многие другие студенты, прикладывала исполинские усилия, чтобы не заснуть. Настя сидела в телефоне и переписывалась с Андреем. Ей дела не было до истории и диагностики. Я улыбнулась. Похоже, у них все неплохо складывается. Вдруг это начало большой истории любви?

Решив взглянуть, сколько времени осталось до конца занятия, я достала телефон. К моему удивлению на экране высвечивалось два пропущенных вызова. Конечно, я их не слышала, потому что всегда ставлю телефон на беззвучный режим в институте. Звонила Алина. Удивленная тем, что Ракитина решила позвонить, — обычно Алина предпочитала эпистолярный жанр, — я, радуясь возможности ускользнуть из аудитории, попросилась выйти. Через минуту я уже набирала номер Ракитиной.

— Кристин, привет, можешь говорить? — услышала я взволнованный голос девушки в трубке.

— Конечно, что случилось? — мне стало беспокойно на душе.

— Представь, я только недавно пришла с занятий, мама еще не вернулась с работы, а на коврик перед дверью лежал мой брелок! — воскликнула Алина. Я потерла пальцами висок, пытаюсь понять, что именно я упускаю.

— Чет я не соображу, — пришлось признаться, что мне нужна помощь.

— Брелок, который я потеряла на белом заводе! — я слышала, как дрожащий голос Алины стал срываться. — Понимаешь?!

В общем, я понимала. Но не до конца.

— И как он оказался под дверью? — полюбопытствовала я.

— Господи, это же очевидно! — проговорила Алина. — Тип, который был там, следил за нами! Теперь подкинул мне брелок!

Я прислонилась спиной к стене и вновь ощутила смутную тревогу, прожигающую мне грудь. Выходит, он шел за нами до самого дома, а потом вычислил квартиру Алины. А может, и мою тоже. Ведь он не обязательно был один. Зачем мы ему? Хороший вопрос. Допустим, он обычный психопат или маньяк, такому не нужен повод, чтобы делать подобные вещи и запугивать нас.

— Может, ты не на заводе брелок потеряла? — спросила я с надеждой. — Может, на лестничной площадке, а соседи положили под дверь?

— Не знаю, — ответила Алина после недолгого молчания. — Но это все странно. Не могу забыть эту темную фигуру в дверном проеме. Он был почти рядом с нами!

— И продолжает оставаться рядом, — пробормотала я, понимая, что нет смысла себя обманывать. — Ладно, пока предлагаю не паниковать и соблюдать осторожность. Не будем ходить одни и по вечерам. Даже если за нами кто-то следит, у него ничего не выйдет. И вообще, может, в полицию заявим?

— И что скажем? — спросила Алина. — Им же там плевать на все. Посчитают нас полными дурами, скажут нет состава преступления или что они там всегда говорят...

— Откуда такие познания? — удивилась я.

— В фильме видела, — огрызнулась Ракитина. Впрочем, она была права. Вряд ли рассказ двух девчонок, не подкрепленный доказательствами, сможет вызвать резонанс. Наше заявление, скорее всего, отправится в огромную стопу других подобных исков.

— Ладно, Алин, мне нужно возвращаться на пару, — проговорила я. — Будь осторожна.

— Ты тоже, — попросила Ракитина. — Если что, звони.

Глава 8

Лида, Варя и Света. Три имени. Три девушки из прошлого, чью историю я пытаюсь понять. Занятия окончились, и я шла в библиотеку, надеясь попросить архивные данные за 1968 год. Мысль, которая посетила мою голову, должна была иметь подтверждение, иначе она казалась чересчур безумной.

Сегодня пятница, поэтому многие слиняли домой сразу после пар. Видеть институт почти пустым в четыре часа казалось непривычно. В библиотеке тоже не удалось увидеть толпу студентов. Какая-то девушка играла в телефон на задней парте и явно не собиралась ничего читать. Я приблизилась к столу библиотечарши и поздоровалась.

— Мне нужны данные о студентах, поступивших сюда в 1930 году, — сказала я, дружелюбно улыбаясь. — Нам задали делать генеалогическое древо, а моя бабушка училась здесь, хочу узнать о ней что-то.

— Я вам открою доступ к этому архиву на компьютере, — ответила женщина. — Только система может зависать, так что наберитесь терпения.

Я улыбнулась еще раз и заняла один из компьютеров за последней партой. Компы были довольно старенькими и загружались очень долго. Но вот засветился рабочий стол, и я полезла в документы. Теперь тут появилась папка с названием «1968». Открыв ее, я была приятно удивлена. Множество папочек, и каждая имеет свое название. «Достижения в межвузовских олимпиадах», «Торжественные церемонии», «Список выбывших и прибывших студентов». Видно, кто-то в серьез занимался этой картотекой. Я открыла папку «Пофамильный список зачисленных студентов» и принялась листать его. Всего в тот год поступило 89 человек. Из них я искала только имя Варвары и Лидии. Сразу я нашла трех Варвар: Ломакина, Карева, Пруткова. Список спускался ниже. И вот пошел перечень всех Лидий. Среди них, конечно же, обнаружилась Лидия Карева. Сомнений больше не было.

Лида и Варя Каревы, две сестры, две близняшки с фотографии из альбома бабушки. Ее лучшие подруги... Пока я размышляла над этим, девушка с телефоном встала и направилась к выходу. В дверях она столкнулась с кем-то, кто стремительно пытался войти в библиотеку. Пискнув извинение, девушка ускользнула, а я увидела, как внутрь вошел Юрий Витальевич и, громыхая своей тростью, направился ко мне. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Кристина! Что вы делаете?! — тихо и разгневано спросил он, когда оказался достаточно близко.

— В данный момент? — я в самом деле не поняла его. В добавок ко всему, мое спокойное, чуть улыбающееся лицо разозлило Афанасьева.

— Прекратите! — воскликнул профессор. — Когда вы, наконец, поймете? Вам не стоит лезть в эту историю! Что вы делали в лечебнице сегодня утром? Зачем встречались с Остаповой?

— Остаповой? — переспросила я. — Или, правильной, Варей? А, может, Лидой? Их же не отличить, насколько мне известно.

Моя осведомленность не слишком поразила профессора.

— Кто бы ни была та женщина, вас не должно это интересовать, — отрезал Афанасьев. — Перестаньте искать себе неприятности!

— Или что вы сделаете? — поинтересовалась я. — Тоже запрете меня в психушке, как ее?

— Довольно городить чушь! — старый друг бабушки был зол. — Пойми, ничего из этого тебя не касается! Забудь обо всем и больше не смей туда возвращаться!

— Тогда прекратите врать и скажите хоть раз правду, — произнесла я. — Почему вы так поступили с ней? Она убила своего сына?

— Нет, — покачал головой Афанасьев. — Ее сын давно вырос. Она не преступница.

— Тогда почему вы и моя бабушка бросили ее? — не понимала я. — Она же была вашей подругой!

— Да что ты знаешь об этом? — скривился профессор.

— Многое, — выпалила я. — Кормышов рассказал мне, какими друзьями вы были.

Афанасьев махнул рукой и устало опустил на стул.

— Кормышов, — пробормотал он.

— Только не надо говорить, что он пьяница и кретин, — бросила я.

— Он же видел только часть истории, — пробормотал Юрий Афанасьевич. — Мы не

могли по-другому... Ты не смеешь нас судить, девчонка.

В этот момент лампочки под потолком, освещающие темноватый читальный зал, замигали и выключились. Компьютер сразу же погас, и нас окутал сумрак, который обычно собирается под крышами старых домов.

— Питание вырубилось, — пробормотала библиотекаряша. — Пойду гляну, в чем там дело...

И она вышла из зала.

— Я и не собираюсь, — призналась я. — Просто скажите, как все случилось. Где сын Вари? Где Лида? Или...

Тут еще одна догадка, более страшная и бесчеловечная, явилась в мои мысли. В первую секунду я отбросила ее, но тут же поймала и принялась рассматривать, точно нищий найденную монету. Я вспомнила письмо, найденное у бабушки, и эту подпись. «Твоя Л». Твоя Л!

— Они же на одно лицо! — воскликнула я, не в силах сдержать эмоций. — Вот зачем поменяли документы! Лидия стала Варей! О Господи!.. Зачем?!

— Ради мальчика, — признался Афанасьев, и в его голосе прозвучала неизбывная тоска. — Кормышов так и не узнал, что случилось в ту роковую ночь в подсобке... Варин муж как-то дал старому сторожу номер больницы, куда он мог бы позвонить в случае чего. Как врач, он понимал, что приступы жены повторяются, и лучше бы ему знать о них первому. Когда Варя снова пропала, мы с Лидой и Светой сразу же поняли, где нужно искать. Едва мы пришли в институт, представление началось. Варя тогда заперлась в подсобке, и сторож пытался выломать дверь. Я снес ее одним ударом, и знаешь, что мы увидели там? Она держала в руке нож и чертила им что-то на руке малыша!

— Те символы на манекене! — с ужасом вспомнила я, и профессор латыни кивнул.

— Мозг человека очень тонкая и неизведанная материя, — проговорил Афанасьев. — Стоит одному механизму отказать, как перед тобой уже другой человек. Тогда Варя и в самом деле собиралась убить ребенка. Она кричала, что он дьявольское отродье, и ему не место в этом мире. Мы так никогда и не узнаем, что творилось в ее голове. В тот момент, увидев ее с ножом в руке, я думал только о ребенке. Не помню, как, но я бросился на нее. Она страшно кричала и лишь чудом не ранила меня. Сторож схватил ее, я отдал ребенка Свете, а сам пытался помочь сторожу. Сила, которая проснулась тогда в этой хрупкой девочке, была невероятной. До сих пор мурашки по коже от той сцены. Помню лицо Лиды, перепуганное и белое, точно снег... Было ясно, что оставлять ребенка с матерью больше нельзя. Вместе с тем, оставлять его на попечение отцу тоже неразумно. А репутация? Чтс скажут люди, узнав о его жене, пытавшейся убить сына? Ты не знаешь, какое это было время, Кристина. Время, когда ничего нельзя было сделать. А потом настало время, когда ничего нельзя было сказать. Мы не могли допустить, чтобы эта история вышла за пределы подсобки. Старый сторож унес ее с собой в могилу, а мы — похоронили в глубинах души. Когда мы рассказали мужу Вари о том, что Лида должна взять документы Вари и стать матерью для мальчика, он даже не возражал. Вряд ли он понимал, на что идет. Он был подавлен, а времени не было. На следующий день он пошел к главному врачу и сказал, что сестра его жены, Лидия, повредила рассудком, и он хотел бы обеспечить ей должное лечение, но это никак не должно быть связано с его семьей. Главный врач услышал его. В тот же день Варя, которая уже для всех была Лидой, стала Остаповой Елизаветой Петровной пациенткой психиатрической клиники. Через несколько дней эта семья уехала в Москву, и

мы больше никогда их не видели. Мы решили, что так будет лучше для всех, — никто не хотел вспоминать прошлое. Тогдашний директор института частично знал обо всем, но вопросов не задавал. Официальная версия его устраивала, — Лида в лечебнице, а Варя уезжает с мужем. С тех пор Лидия Карева исчезла для всех. Осталась только Варя, замужняя женщина, мать.

Это было невероятно. Наконец-то все обрывки сведений соединились в одну историю, прозрачную и гладкую, точно лед Байкала. Но и пугающую тоже. Я снова представила ее, одинокую женщину в комнате пансионата. В комнате с видом на звезды.

— И вы ни разу не навестили ее за все эти годы? — едва слышно спросила я.

— Хотел, — признался Юрий Витальевич. — Хотел, но так и не смог. Не смог...

— Она родила еще одного ребенка, — сообщила я. — Сына.

— Откуда ты знаешь? — удивился профессор. Он явно не ведал ничего о жизни Вари после ее заключения в лечебнице. Я вкратце пересказала болтовню медсестры, и Афанасьев пожал плечами.

— Да, это могло быть правдой, — проговорил он. — Жаль, тот другой ребенок не принес ей исцеления...

Компьютер стал издавать пикающие сигналы. Я подумала, что библиотекарше удалось что-то сделать, чтобы вернуть освещение, но лампы над нами так и не зажглись. А экран вдруг замигал, по нему прошли серо-черные помехи, и я увидела возникшее изображение. Я не сразу поняла, что это. Фото. Фото читального зала. Судя по расположению предметов, фотограф стоял в дверях. За одним из компьютеров сидела девушка, и через долю секунды с ужасом пришло осознание, — это я в данный момент. Передо мной, в том месте, где сидел Юрий Витальевич, была какая-то фигура. В моей груди возникло давящее, тревожное чувство, быстро растекающееся по всему телу. Очевидно, что фото сделано прямо сейчас, но мой взгляд, брошенный на дверь, не увидел там даже намека чьей-то тени. Похоже, мои глаза были полны ужаса, и Юрий Витальевич заметил это даже в полумраке. Не задавая лишних вопросов, он вскочил так быстро, как только мог и заглянул в монитор.

— Профессор, там должны быть вы, — прошептала я. Но на фото изображен молодой парень. Афанасьев молчал. Я подняла взгляд на него и увидела его прикрытые, истонченные старостью веки.

— Там и есть я, — заявил Юрий Витальевич. — Только мне здесь примерно столько же, сколько и тебе сейчас.

Старик опустил на стул. На его лице не было испуга, только смирение. Через секунду экран компьютера потух, и мы остались в сумраке. словно не живые люди, а два манекена в большом зале. Через несколько минут вспыхнул свет, и компьютер снова загудел. Вошла библиотекарша, что-то бормоча себе под нос, и я в шутку спросила себя, а не она ли сделала фото.

— Как вы думаете, что это значит? — поинтересовалась я, наклонившись к профессору, словно боясь, что мои слова разлетятся по этому залу так же, как и желтоватый электрический свет.

— Что кто-то следит за нами, — проговорил Афанасьев. — А еще неплохо пользуется компьютером.

Я кивнула. Кто-то сфотографировал нас, а потом прислал фото на выключенный компьютер. Выключенный!

— Может, кто-то еще узнал об этой истории с Варей и хочет теперь шантажировать

вас? — предположила я. Ведь то, что Юрий Витальевич здесь примерно в том же возрасте, и каком он был во время вышеупомянутых событий, явно не случайность. К тому же, теперь он большой человек, известный профессор. Что будет, если общественность узнает его причастность к такому делу? Кто-то вполне мог воспользоваться этим, чтобы стать чуть богаче.

— Увидим, — пробормотал профессор. — А сейчас давай-ка уйдем отсюда.

После случившегося в библиотеке я с особым волнением шла в лавку. В пальцах поселилась навязчивая дрожь, вечно приходящая вместе с нервами и плохими мыслями. Я не знала, удалось ли Освальду Павловичу договориться с инспекторами, поэтому уже готовилась увидеть «Саламандру» закрытой, а снаружи еще и оцепленной лентой для пущей показухи. Но лавка работала, из ее больших окон по-прежнему мягко струился свет, и я с облегчением вошла внутрь. Покупателей не было, и Освальд Павлович, услышав звон колокольчика, вышел в торговый зал.

— А, студент! — весело произнес он, и кожа вокруг его глаз сложилась в глубокие лучики. — Чего расскажешь?

— Здравствуйте, Освальд Палыч! — отсалютовала я и вперила в него подозрительный взгляд. — Не заговаривайте мне зубы. Жду подробностей инспекции.

Посмеиваясь, Креза достал из-под прилавка какие-то бумаги и показал мне.

— Пожалуйста, получите и ознакомьтесь, — попросил он. Наискосок через весь лист стояла большая печать с надписью «Одобрено».

— Сработало? — обрадовалась я, не понимая ни слова в этих мудреных документах.

— А то! — самодовольно заявил Освальд Павлович. — Деньги решают все.

— Надеюсь, он отстанет от вашей лавки, — пробормотала я, понимая, что следующий проступок Креза не спустит своему сыну. Но было приятно, что хотя бы эту выходку он не принял близко к сердцу. Что ж, лавка продолжает работать в прежнем режиме. В смежной комнате послышалась какая-то возня, и я догадалась, что это Фортуна. Наверное, как всегда свернулась в кресле хозяина и столкнула с подлокотника оставленную книгу.

— Пришла, — кивнул Креза с улыбкой, тоже услышав активность в комнате. — Я тебе говорил, что мы собираемся на соревнования?

Освальд Павлович всегда рассказывал о своем питомце так, словно это его ребенок.

— И когда они? — осведомилась я.

— В субботу, — ответил Креза.

— Это же завтра, — сказала я. — А вы успеете подготовиться?

— Что нам готовиться! — засмеялся Освальд Павлович. — Мы в этих делах не первый год. Главное вовремя послать им документы. Я сегодня утром отправил с курьером, а днем они уже позвонили и сказали, что заявка принята на обработку.

Я улыбнулась. Похоже, Креза уже во всеоружии и готовится покорить завтрашнюю собачью арену.

— Возьмете меня с собой? — спросила я.

— Вот уж не думал, что субботний день ты собираешься потратить на собачьи бега, — хохотнул Освальд Павлович. — Неужели у юной особы нет более масштабных планов?

Я задумалась и поняла, что их и в самом деле нет. Если не удастся выйти куда-нибудь завтра, то я рискую выучить слишком много для первокурсницы, которой положено

косячить и попасть хотя бы на одну пересдачу или отработку. Поэтому я уточнила время и место соревнований и принялась заниматься делами в лавке.

Когда я проснулась, первым делом достала из-под подушки мобильник и взглянула на время. Было десять утра. По привычке мне захотелось вскочить и с первой космической скоростью начать собираться в институт. Но через несколько мгновений мозг включился в работу и напомнил, что уже под вечер староста прислал информацию о том, что сегодня отменили занятия. Профессор Одинцов, читающий две лекции по анатомии, уехал на какой-то семинар, и нам дали выходной. Было прекрасно проснуться в это субботнее утро и знать, что впереди еще целый свободный день. Точнее, свободное утро, ведь к двум часам дня мне уже нужно быть на соревнованиях Фортуны.

За окном был пасмурный день. Ветер раскачивал голые ветви деревьев, нещадно царапающих небо. Я благополучно бездельничала. Зайдя на свою страницу Вконтакте, я увидела, что Алина в сети, и спросила, не сожрал ли ее маньяк с белого завода. К счастью, больше он никак не проявлял себя и, хоть ситуация с брелком все еще казалась странной, Ракитина предпочитала забыть об этом. Мы поболтали еще какое-то время, а потом я услышала звонок телефона. Это была Настя.

— Кристин, привет, прикинь, Андрея грабанули! — воскликнула Лебедева. Как всегда, она не поздоровалась, не дала мне сказать и слова, а сразу перешла к сути дела. От ее слов, а точнее, от того, как именно она все это сказала, мне стало дико смешно, хотя повод для веселья был плохой.

— Чего? — я решила уточнить, правильно ли поняла подругу.

— Кто-то вломился к нему на квартиру и все там перелопатил! — продолжала Настя. — Приезжай, я уже тут.

— А удобно будет? — засомневалась я. — Туда вообще можно заходить?

— Конечно, полиция уже уехала, — сказала Лебедева.

— Кинь мне адрес в сообщении, — попросила я. — Сейчас соберусь и приеду.

До нужного места я добралась за пятнадцать минут. Андрей был приезжим и снимал еще с одним парнем двухкомнатную квартиру в северной части города. Я поднялась на второй этаж пешком и нажала кнопку звонка. Неожиданно для меня дверь открыл Максим. То, что он тоже здесь, Настя забыла сообщить, и я почувствовала себя неловко. Давыдов же никак не выдал своих эмоций, лишь едва заметно кивнул мне.

— Пришла Матвеева! — крикнул он вглубь квартиры. Похоже, это было вместо приветствия. В коридоре я столкнулась с соседом Андрея. Тот, как я потом узнала, подрабатывал кассиром в местном кинотеатре. Сажнев первым обнаружил разгром и позвонил ему. Теперь, когда полиция собрала показания и уехала, парень спешно одевался, чтобы вернуться на рабочее место.

В квартире царил полнейший беспорядок. Шкаф, стоящий в коридоре, был распахнут, и вся одежда валялась на полу. Андрей собирал ее и развешивал заново.

— Андрей, ты как? — спросила я, быстро сбросив куртку.

— Да нормально, — улыбнулся парень. — Ничего же не пропало.

— Это шутка? — не поняла я, становясь в дверях комнаты. Таким образом, я могла одновременно видеть Сажнева и Настю, которая убиралась в комнате.

— Ну мы проверили ценные вещи, — пояснил Андрей. — Вроде все на месте. Хотя у

нас и взять-то особо нечего. Даже если что-то и пропало, то не жалко.

— А Настя сказала, у вас тут грабеж, — пробормотала я.

— Сразу я тоже так подумал, — пожал плечами Сажнев.

— Да и как покороче сказать, что тут случилось? — добавил Максим. — «Кристин, приезжай, Андрея ограбили, но ничего не взяли?»

— Недограбеж, псевдокража, — подкинул варианты Сажнев.

— Вы шпионских боевиков насмотрелись? — осадила их Лебедева. — Давайте поскорее с уборкой закончим.

И мы принялись за работу. В комнате, конечно, все было перевернуто. Книги, ручки, тетрадки, одежда и многое другое валялось на полу. Казалось, пыльный и не слишком аккуратный сыщик искал что-то, но так и не добился цели. Через час мы все убрали и заставили Сажнева пылесосить и мыть полы. Точнее, заставляла Настя. Мы с Максимом были рады, что это не нам поручили подобную миссию и благоразумно помалкивали.

— Я потом, вечером тогда, все уйдут, а то толпа, натопчете, мешаетесь, я один обязательно сделаю, — тараторил Сажнев, плавно утекая в коридор из-под пристального взгляда Лебедевой. Мы все засмеялись, и Настя согласилась отложить этот вопрос.

Я взяла с диванчика, на котором спал Андрей, подушку, и села в кресло, подложив ее под спину.

— Ого, — проговорила Настя. — Слушай, Андрей, кто бы мог подумать, что ты такой нарцисс?

— Нар... кто? — не понял Сажнев, о чем говорит Настя, как, впрочем, и мы. А моя подруга взяла что-то с дивана и стала рассматривать.

— Это вроде ты? — спросила Настя, и через секунду я уже вглядывалась в находку. Ею оказалась затертая фотография с изображением молодого парня. Видимо, она лежала под подушкой, и теперь, когда я умыкнула ее, Лебедева обнаружила фото.

— Офигеть! — воскликнул Сажнев и взял фото в руки.

— А что это одето на тебе? — Максим подошел к другу и заглянул через его плечо.

— Это мой отец, — сообщил Андрей.

— Вы так похожи, — я улыбнулась и стала внимательнее изучать черты лица молодого человека. Нос чуть другой формы, и более широко посаженные глаза, но в целом сходство просматривалось. Отец Андрея был одет в пиджак старомодного кроя и белую рубашку.

— Ребят, этой фотки тут не было! — сказал Сажнев. — Насть, ты ее вообще где взяла?

— Под подушкой лежала, — проговорила девушка. — Разве не ты ее туда положил?

— Ни разу не я, — заявил Андрей. — Откуда она вообще здесь?!

— Так, погоди, — произнес Максим и усмехнулся. — Ты не собираешься сказать, что тебе ее подкинули? Например, тот тип, который ворвался сюда и все перевернул?

Андрей задумался.

— Такая мысль еще не успела прийти мне в голову, — признался парень. — Но я правда не понимаю, что здесь делает фотка моего отца.

— Может, случайно прихватил, когда домой ездил, — предположила я. — Такое бывает, просто внимания не обратил.

— Но... под подушкой-то она как оказалась? — поинтересовался Андрей. — Опять я внимания не обратил?

— Ребят, мне это все не нравится, — сказала Настя и встала. — Может, проверим еще раз все вещи, вдруг тут еще что появилось?

Все переглянулись. Я почувствовала, как растет напряжение в этой комнате, и глубоко вздохнула.

— Так, мне надо выпить, — сказала я.

— У меня только медицинский спирт, — предупредил Андрей.

— Я вообще-то про чаек, — пояснила я.

— Идея в самый раз! — сказал Максим. — Пойдем набодяжим пуэрчика, если его не стащили.

— Ты пуэром разжился? — услышала я смеющийся голос Насти, пока мы с Максимом двинулись в сторону кухни. Что где лежит, я не знала, поэтому приняла на себя роль подмастерья, а Максим командовал парадом. Прикинув, насколько хорошо нас слышно в другой комнате, я негромко спросила Максима:

— Ну и откуда здесь фотка отца Андрея?

— Брось, Сажнев бармалей, — улыбнулся Максим. — Сам ее притащил и забыл. Он в тот раз свой рюкзак в универе оставил, уехал домой с пакетиком и только вечером спохватился.

Я засмеялась, представив эту ситуацию. Потом я рассказала Максиму все, что узнала вчера от Юрия Витальевича, и упомянула про странное происшествие в читальном зале. Это очень удивило Давыдова, особенно возникший снимок на выключенном компьютере.

— Боюсь, Афанасьев опять что-то недоговаривает, — проговорил Максим.

— Как думаешь, этот случай с компом может быть связан с фоткой, которую подкинули Андрею? — спросила я, на что Максим схватился за голову и засмеялся.

— Так, Кристин, — проговорил он. — Ничего Андрею не подкинули. Это бред. И это не может быть связано... с этим всем. Но то, что на вчерашней фотке появился молодой Афанасьев, точно что-то значит. Кто бы не сделал это, он нарочно загадал загадку.

— И все снова уходит в то время, когда Варя пыталась убить сына, — продолжила я. — Кто-то нарочно пытается вернуть нас в те дни. Вот только непонятно зачем.

— И самое главное — кто? — добавил Максим. — Кто вчера мог следить за вами в институте, знать, что вы будете в читальном зале, отрубить свет, сфоткать вас, а потом смонтировать снимок?

— Библиотекарша? — предположила я, и мы засмеялись. Было очевидно, что если мы будем и дальше ломать головы над произошедшим, то нервы сдадут.

— Завтра пойдем и завалим ее, — сказал Максим. — Из РПГ.

— Завтра воскресенье, — напомнила я, и план Давыдова был сокрушен. В этот момент из комнаты послышался звук падающих предметов и смех друзей.

— Что они там делают? — поинтересовался Максим и крикнул: — Мы все еще не ушли!

— Изыди, смерд! — ответил Андрей. — Твои подозрения оскорбительны для моей дамы!

Давыдов не стал продолжать перепалку и повернулся ко мне.

— Кстати, — сказал он. — Завтра у Олега Спирина день рождения, хочешь пойти? Должно быть весело, и отвлечешься от своей драмы.

И я согласилась.

Впервые в жизни я ухитрилась все не испортить. Не задавала дурацких вопросов и не пыталась предугадать, что произойдет, если я пойду куда-то с Давыдовым. К слову, я понятия не имела, кто такой Олег Спирин, но это было уже неважно.

Собачьи состязания должны были начаться на большом стадионе города, который задолго до сегодняшнего дня принялись оборудовать. Сейчас, когда я вошла на его территорию, то увидела, что на арене по кругу расставлены самые разнообразные препятствия. Собак тут кружило разнообразное множество, от самых маленьких и смешных до матерых, напоминающих медведей или волков.

Я обернулась к регистраторскому столику и среди нескольких хозяев, стоящих там, увидела Освальда Павловича. Ему предстоял последний этап подготовки к соревнованиям, участие должно быть подтверждено, и тогда Фортуна допустят к арене. Я подошла к Крезе и молча остановилась рядом, заглянув за плечо. Он читал бумаги с правилами и беззвучно шевелил при этом губами.

— Столько правил, — выговорила я, и Креза, чересчур увлекшись ими, чуть ли не подпрыгнул от неожиданности.

— Что за четовщина!.. Ох, напугала! — воскликнул он. — Нельзя так подкрадываться.

— Почему это? — засмеялась я. Освальд Павлович выглядел очень забавно, когда злился.

— Я бы тебе сказал, почему, но ты еще маленькая, — пробормотал он и сделал вид, что снова уткнулся в правила. Но потом бросил это занятие и положительно не знал, куда деть руки.

— Да вы не волнуйтесь так, — сказала я. — А где Фортуна?

— На проверке в том ангаре, — Креза махнул рукой в сторону, туда, где стоял небольшой корпус, напоминающий гараж. — Так положено, сейчас запишусь и заберу ее.

Было видно, что разлуку с питомцем он переносит не очень хорошо. Но уже подходила очередь Крезы, поэтому я надеялась, что вскоре он успокоится. Девушка за столиком спросила имя Освальда Павловича и принялась искать его в списках. Я заметила выражение ее лица и поняла, что это не предвещает хороших новостей.

— Вы Освальд Павлович Креза? — переспросила девушка. Это был подготовительный вопрос перед неприятной беседой.

— Да, это я, Освальд Павлович Креза, — хозяин «Саламандры» тут же обеспокоился. — А в чем дело?

— К сожалению, при проверке ваших документов мы не нашли ветеринарного паспорта, — проговорила девушка. — Вы принесли его?

— Что значит принес? — удивился Креза. — Я отдавал его вместе с другими документами! Вы что уже найти ничего не можете?!

— Успокойтесь, я повторяю, паспорта нет, — продолжала девушка. — Если вы не предоставите его, вашу собаку снимут с мероприятия.

— Но как такое может быть?! — разозлился Креза. — Вы потеряли мой паспорт, так еще и не принимаете Фортуну?!

— Пожалуйста, успокойтесь, или я приму меры, — девушка начала оглядываться, пытаясь кого-то найти. Наверное, охранников или полицейских. Я пару минут назад уже заприметила нескольких людей в форме.

— Немедленно разгребите ваше барахло и найдите паспорт! — взревел Креза. — Это вам просто так с рук не сойдет...

Я с тревогой смотрела на происходящую перепалку. Освальд Павлович был не на шутку взбешен. Вид ругающегося старика снова напугал меня, но я должна была вмешаться, иначе

хозяин «Саламандры» окажется в изоляторе для буйных.

— Освальд Палыч, не надо, — попросила я, вертясь где-то под его локтем. — Давайте все обдумаем.

— Да нечего тут обдумывать! — взвизгнул Креза. — Набрали остолопов, которые не могут найти документов! Назовите ваше имя, девушка, я пожалею...

— Да перестаньте вы! — я схватила Крезу за плечо и стала уводить из очереди. На нас уже смотрели люди, а собаки, почуяв ссору, принялись чуть слышно рычать.

— Что ты делаешь? — ворчал Освальд Павлович, пока я вела его к скамьям зрителей. — Я должен найти паспорт!

— Вас сейчас удар хватит, если не прекратите злиться, — предупредила я. Освальд Павлович в самом деле побагровел. Ему даже пришлось расстегнуть воротник пальто и начать обмахиваться старомодным платком, на котором, похоже, даже были вышиты его инициалы.

— Ну куда они его подевали, скажи, а? — проскрипел Креза.

— Уверена, он найдется, — успокаивала я Крезу, присаживаясь рядом с ним. — Вы пока оставайтесь здесь, а я заберу Фортуну и приведу к вам. Заодно узнаю, можно ли как-то отыскать этот паспорт. Вы ведь... точно его приносили?

Креза перевал на меня бешенный взгляд.

— Ты что это, думаешь, я совсем уже в маразм впал?! — поинтересовался он. — Я приносил чертов паспорт! А олухи потеряли его! Я им покажу! Я подам на них в суд!

Я кивнула и, стараясь не смеяться, забрала у Крезы жетончик, по которому мне должны вернуть Фортуну. У ангара толпилось большое количество хозяев, но ребята у ворот работали довольно быстро. Я заняла очередь за разговорчивым мужчиной средних лет и, порой кивая на его философские фразы, бездумно бродила глазами по арене. И вдруг в толпе людей показалась фигура Бориса. Сперва я даже не поверила своим глазам, но это точно был он. Одетый как всегда дорого и в духе времени, он неспешно шел вдоль арены и окидывал барским взглядом собравшихся людей. Мне сразу все стало понятно. Сказав мужчине, чтобы придержал за мной место в очереди, я решительно направилась к Артемьеву. За несколько метров он заметил меня, и самодовольная усмешка на его лице стала еще более саркастичной.

— Ну и физиономия у вас, барышня! — прокомментировал он, глядя на мое лицо. — Право же, это неприлично. Улыбнитесь.

— У вас что, есть собака, и вы пришли на соревнования? Или как всегда заявили, чтобы все испортить своему отцу? — спросила я со злостью. Этот человек никак не мог остановиться и прекратить мешать Крезе.

— Будто у меня других дел нет, — равнодушно сказал Борис.

— Значит, это вы сделали? — у меня не было сомнений в причастности Бориса к исчезновению паспорта Фортуны.

— Кристина, — вкрадчиво произнес Борис. — Вы же Кристина, кажется? Вы не представляете, как утомительно быть первым злодеем в городе. Не успеешь прийти на собачьи бега, как тебя уже обвиняют в неизвестных злодеяниях.

— Вы украли ветеринарный паспорт Фортуны, — я не собралась играть по правилам Артемьева и вступать в перепалку, из которой с таким соперником победителем мне явно не выйти.

— Поаккуратнее со словами, милочка, я ничего не крал, — попросил Борис. -

Вы пришли, чтобы сообщить мне только это?

Я покачала головой. Мне вдруг стало грустно смотреть на Бориса, на то, в кого он превратился. Бессердечный мужчина, который опустился до того, что мстит немощному, хоть и по-прежнему чертовски упрямому старику.

— Он не поджигал вашей кофейни, — негромко сказала я.

— И вы можете это доказать? — при этих словах бровь Артемьева надменно приподнялась.

— А вы можете доказать обратное?

— Мне это не нужно, — пожал плечами Борис, явно давая понять, что он уже все решил. Но мой гнев теперь утих, и я устыдилась той вспышки, которая охватила меня минуту назад. Злоба никогда не поможет что-то решить. Она лишь отравляет душу и сердце.

— В детстве вам пришлось нелегко с отцом, и я его не оправдываю, — проговорила я. — Но это давно в прошлом, и в глубине души он раскаивается за каждый раз, когда был неправ с вами. Он злился не на вас. Пора забыть ту историю и жить дальше!

Борис поправил волосы, которые лезли в глаза от набирающего силу ветра.

— Чего ради? — усмехнулся Артемьев. — Сейчас мне довольно весело.

— Фортуна много значит для Освальда Павловича, — проговорила я, стараясь не слушать равнодушный тон Бориса. Очередь постепенно продвигалась вперед, и взглядом я пыталась фиксировать свое место в ней.

— У вашего отца никого больше нет.

— Как и у меня в семнадцать лет, — добавил Борис, и сдержанная ярость хлынула сквозь эти слова. — Когда я оказался на улице, скитался по подвалам и работал как каторжный. Когда вместо института я закончил техникум и много лет был простым рабочим, прежде чем все-таки поймал удачу за хвост. И, хочу заметить, у меня не было хорошенькой студентки, которая бегала к моему дорогому папочке и просила его пожалеть меня. Зачем вы помогаете ему? Что он сделал для вас?

— А это обязательно? — поинтересовалась я. — Человеку не нужно что-то делать, чтобы получить дружбу. Иногда люди могут просто поговорить.

— Ну так знайте, что вам не удастся разжалобить меня своими разговорами, — отрезал Борис, и досада оглушила меня. Показалось, что я зря трачу время.

— Я знаю, потому что у вас нет сердца, и ничего нет, кроме комка злобы внутри, — кивнула я. — От того, что вы сделали сегодня, ничего не изменится. Мы просто заберем Фортуну, вернемся в лавку и посмеемся над этим. Но может вам уже надоело подстраивать гадости своему отцу? Может, пора уже сделать что-то хорошее и просто жить дальше?!

Артемьев смотрел на меня уже знакомым взглядом. Тем самым, который я видела у кофейни, и после которого он просто рассмеялся мне в лицо, поэтому я не могла ему верить. Он ничего не отвечал, но и не уходил. В другом конце арены первые выступающие уже готовили собак к полосе препятствий, и мне нужно было забирать Фортуну. Еще раз взглянув в непроницаемое лицо Артемьева, я пошла к ангару.

Когда поводок Фортуны оказался в моих руках, я поняла, что удержать ее будет непросто. Благо овчарка оказалась умной и шла рядом со мной, за что я была ей благодарна и гладила по загривку. Освальд Павлович сидел на прежнем месте, озабоченно вертя головой, точно намокший воробей.

— Ну, наконец-то, чего так долго! — принялся ворчать он, когда Фортуна бросилась к нему.

— Длинная очередь, — сказала я, стараясь не смотреть в глаза Крезе. Мне не хотелось говорить о том, что здесь его сын, который явно принял не последнее участие в пропаже ветеринарного паспорта.

— Будем уходить? — спросила я, и Освальд Павлович кивнул. Он с трудом поднялся, и мы медленно побрели к выходу. Глаза Крезы с тоской вглядывались в зеленое поле арены, и мне было жаль старика. Он так хотел посмотреть на победу Фортуны. Она ведь невероятно ловкая, наверняка завоевала бы еще одну медаль. Фортуна — последняя радость, оставшаяся у него, и вот они даже не попали в турнир.

— Теперь по новый этот паспорт делать, — проговорил Освальд Павлович.

— Ничего, в следующий раз зато точно покажете, как надо проходить полосу препятствий, — я пыталась произнести эту фразу бодро, но вышло по-идиотски. Навстречу нам шла девушка с регистрационного столика, и я понадеялась, что Освальд Павлович не взбесится, снова увидев ее. А она направлялась именно к нему.

— Посмотрите, это ваш паспорт? — спросила она, пихая в руки Крезе какой-то буклет. Освальд Павлович развернул его и пробежал по нему глазами.

— Разумеется, не мой! — заворчал он — Я что, похож на овчарку? Это паспорт Фортуны. Написано же здесь...

— Тогда все в порядке, — девушка не обращала внимания на слова Крезы, черкая что-то в своих списках. — Вы можете участвовать. Паспорт обронули наши сотрудники, так что извините за это. Удачи.

Забрав документ себе, девушка так же стремительно удалилась. Освальд Павлович, еще не веря в ее слова, посмотрел на меня. Наверное, он думал, что ему это привиделось, поэтому мне пришлось подтвердить подлинность этого события.

— Вот... остолопы! — выругался старик, но лицо его сияло в этот момент, и он принялся трепать Фортуну по загривку. — Потерять паспорт! Ну ты представляешь? Головы они свои там не потеряли?!

Креза был рад, словно маленький ребенок, и его морщинистое лицо сейчас преобразилось. У меня у самой словно груз свалился с плеч. Я выдохнула, понимая, что все хорошо, и хотя бы на несколько часов Освальд Павлович будет по-настоящему счастлив. А что же Борис? Выходит, он не причастен к пропаже паспорта, а я напрасно обвинила его. Вот ведь глупая!

Освальд Павлович шел чуть впереди меня, разговаривая с Фортуной. Он не видел Бориса, который сейчас выходил из ангара вместе с парнем в форме помощников на соревнованиях. Тот что-то сказал Борису, пожал ему руку и ушел. Артемьев тоже собирался уйти, но внезапно встретил мой взгляд. Значит, я все же не ошиблась, и он в самом деле подкупил работника, чтобы украсть паспорт. Но что-то произошло, и он передумал. Неужели мои слова и впрямь задела его? Сейчас Борис казался смущенным оттого, что я увидела его вместе с одним из рабочих. Словно Артемьеву было совестно за то, что он так расчувствовался и вернул паспорт. Свое раскаяние он принял за слабость. Похоже, в голове этого человека все искажено точно в кривом зеркале.

Было сложно поверить, что такой холодный, равнодушный человек услышал меня. Но сейчас его лицо казалось усталым, а взгляд потухшим и печальным. Борис едва заметно кивнул мне, словно подтверждая мои мысли. Словно обещая жить дальше.

Я отвернулась на мгновение, чтобы не потерять из виду Освальда Павловича, а когда повернулась, спина Артемьева уже мелькал у выхода.

В лавку мы вернулись поздно вечером, уставшие, но веселые. Освальд Павлович нес в руке какой-то небольшой кубок, завоеванный Фортуной, и ликовал. Он бормотал, что это надо отметить, и у него есть что-то вкусненькое. Эти слова уже грели меня, и я отправилась ставить чайник. Без чая жизнь представлялась мне унылой и серой, поэтому нужно поскорее навести его, устроиться поудобнее в мягком кресле и слушать байки Крезы.

Вечер получился чудесным. Мы ели медовый пирог с орехами из пекарни и пили чай из красивых чашечек, которые Освальд Павлович специально достал откуда-то из шкафа.

— Хорошо, что эти черти все-таки нашли документы, — сказал Освальд Павлович, и я чуть не поперхнулась чаем. — А то бы мою Фортуну так и не выпустили.

Фортуна лежала у ног хозяина и следила за происходящим в комнате сквозь прищуренные глаза.

— Это точно, умеют они нервы потрепать, — кивнула я.

— Среди бела дня да потерять паспорт, — продолжал сокрушаться Креза. — Я уж было подумал, это опять проделки моего непутевого сынка.

Я перестала улыбаться и поставила кружку на стол. Слушать, как Креза хает сына, и молчать было невозможно.

— Освальд Палыч, вы должны узнать, — сказала я. Креза перестал гладить Фортуну и посмотрел на меня. Одна бровь его почти наползала на глаз, другая, наоборот, взмыла вверх.

— Ну, что еще? — подозрительно спросил он.

— Борис был сегодня на арене, я его видела.

— Так, значит, это его проделки, — пробормотал Креза, не слишком удивленный этим известием. Он отвернулся и прикрыл на несколько секунд глаза.

— Д, он в самом деле подговорил работника арены, чтобы украсть паспорт, — кивнула я. — Но потом он передумал. И вернул его. Понимаете?

Освальд Павлович некоторое время молчал.

— А что тут понимать? — спросил он, наконец. — Борис неплохо пошутил над стариком. Это как же он меня ненавидит, что никак не успокоится...

— Да нет же, Освальд Палыч! — сказала я. — Он вовсе вас не ненавидит! Я сказала ему что соревнования важны для вас, и он вернул паспорт! Понимаете? Между вами еще могут быть нормальные отношения, просто один из вас должен сделать первый шаг.

— И это, конечно же, я? — нахмурился Креза.

— Как вы догадались? — не без иронии спросила я. — В детстве вы не смогли дать ему ту любовь, которую он заслуживал. Вы были в трауре, скорбели по жене и сыну, вы не виноваты в том, что так относились к Борису. Но пора признать это.

— Я давно это признал, — пробормотал Креза, потирая переносицу. — Если бы я мог повернуть время, все было бы по-другому. На то, как я относился к Борьке, я теперь смотрю словно другими глазами. Мне стыдно, Кристина. Мне безумно стыдно, и это жжет меня изнутри. Лучше я буду доживать свой век в этой лавке и знать, что мое одиночество — это наказание за все, что я когда-то сделал. Или не сделал. Он никогда не простит меня.

— Сначала вы сами должны простить себя, — мягко сказала я. — Потом будет легче.

Мы надолго замолчали. Я поняла, что Освальд Павлович не злится, а думает, поэтому продолжала жевать пирог. Это зрелище отвлекло Крезу от своих мыслей, и он стал посмеиваться. Наверное, я представлялась ему чавкающим хомяком, дорвавшимся до

сладкого. Впрочем, мне до этого не была дела, я чувствовала всю прелесть жизни и пирога, поэтому хозяин лавки мог смеяться сколько угодно.

— Знаешь, что я сделаю? — спросил, наконец, Креза.

— Что же? — я заметно напряглась, ожидая заявления о том, что Креза намерен сделать какую-нибудь гадость Борису в ответ.

— Подружусь со своим внуком, — сказал Освальд Павлович, и мне посчастливилось облегченно выдохнуть. По крайней мере, Креза не настроен на военные действия, а значит, дело уже пошло на лад. Кто знает, может, именно внук и помирит этих двух?

Глава 9

Воскресенье выдалось мрачноватым, но теплым. Оно пролетело стремительно, как и подобает выходному дню. Я не успела толком ничего сделать, как уже нужно было собираться на день рожденья. Решив сильно не разряжаться, я надела новые джинсы и тонкий белый свитер с широким воротом, спускающийся с одного плеча. Правда, мне хотелось немного поколдовать над прической. Я уже приготовила щипцы для завивки, как зазвонил мобильный.

— Привет, — услышала я голос Андрея.

— Привет, — поздоровалась я и перешла к делу. — Что случилось?

— Кристин, происходят страшные вещи, — засмеялся Сажнев. — У Насти не получается голливудская война...

— Волна! — раздался приглушенный вопль Лебедовой. — Голливудская волна! Хватит веселиться!

— Короче, ты сама все понимаешь, — продолжал Андрей. — Поможешь? Просто, боюсь, мы никуда не уедем, а я вымру или пушу корни. При создании чертовой волны в меня кидались расческами раз пять.

— Поняла, выезжаю, — засмеялась я, представив, что терпит бедный парень. — Только продержись. Если станет слишком жарко, спрячься где-нибудь.

— Не смейте стовариваться... — я снова услышала вопль Насти, но уже отключилась. Что ж, придется ехать. Прическа подруги важнее. А мои волосы хорошо выглядят и в своем первоначальном виде.

Через двадцать минут я уже стучала в дверь Настиной квартиры. Мне открыла ее мама. Я видела ее впервые, а она, весело улыбнувшись, кивнула мне. Теперь стало очевидно, что свои чудесные глаза Настя унаследовала от матери.

— Привет! Проходи, Кристин, — сказала женщина. — Тут такие баталии идут.

— Представляю, — кивнула я, быстро раздеваясь и пытаюсь бросить свои вещи на тумбочку.

— Я повешу, — Настина мама забрала мою куртку и стала убирать в шкаф. Она выглядело довольно молодо, хотя при желании можно было разглядеть сеть тонких морщинок, покрывающих ее веселое лицо.

— По коридору и налево, — напутствовала меня мама Насти, и я, последовав ее указаниям, приближалась к комнате подруги. Невнятные голоса ребят просачивались сквозь закрытую дверь и заполняли коридор. Когда я вошла к Насте, то увидела, что вся комната завалена одеждой. В уголке на стуле сидит Сажнев и откровенно ржет, закрывая лицо руками. Настя выпрыгнула откуда-то сбоку и, держа в руке щипцы для завивки, посмотрела

на меня безумным взглядом.

— И что ты думаешь?! — воскликнула она. — Я все делала как на этом дурацком видеосе, но ни фига не получается!

Волосы Лебедевой выглядели чуть лучше, чем прическа крестьянина прошлых веков.

— Такое бывает, — поспешила сказать я. — Самой себе сложно делать, так что щас все соорудим...

— Я часа три пытаюсь, — Лебедева в состоянии дикого отчаянья упала на диван. — Мы уже везде опоздали!

— Это точно, — проговорил Андрей. — Хотя кого это волнует?

Сейчас было четыре часа дня, а начало праздника в пять. Как выяснилось, Андрей собирался прихватить Настю и в четыре уже выезжать. Но Настя отказывалась ехать куда-либо, пока не сделает прическу, поэтому Андрею пришлось позвать на помощь добровольческую пехоту в моем лице.

Пока я накручивала волосы Насти, Андрей отвечал на звонки Олега и Максима. Оба попеременно интересовались, где вообще все мы, потому что ни Настя, ни я не могли сейчас отвлекаться. Когда Сажнев сообщил о том, как обстоят дела, Олег сказал, что тогда начнут без нас. А он потом приедет на машине и заберет всех. Такой план вполне подходил. Точнее, он понравился Насте, а с разъяренной женщиной никто не рискнул бы спорить.

Через полчаса прическа была готова, и лицо Лебедевой обрамляли мягкие крупные волны. Не знаю, конечно, голливудские они или нет, но Настя оказалась более чем довольна, поэтому мы с Андреем облегченно выдохнули. Осталось дожидаться Олега.

Вскоре Спириин позвонил Андрею, и мы вышли на улицу. Во дворе стоял черный автомобиль, а рядом с ним Максим и Олег. Это был высокий парень с коротко стриженными темными волосами и светлыми глазами. В своей черной кожаной куртке и светлом шарфе он выглядел весьма привлекательно. Давыдова, похоже, он прихватил где-то по дороге, чтобы уж точно привезти всех. Пока мы шли к машине, я видела, как Максим и Олег о чем-то неспешно переговариваются.

— Ух ты, — проговорила я, повернувшись к Андрею. В марках машин я совсем не разбираюсь, но было очевидно, что это не ока. — Что это за машина у него?

— Ниссан, что ли, какой-то, — проговорил Андрей. — Где он отхватил ее?

Ребята уже подходили к нам.

— Всем привет! — поздоровался Олег. Я взглянула на него, и внутреннее чутье, которое никогда не ошибалось, рассказало мне, что он простой и добрый парень.

— С днем рожденья! — разнесся в ответ наш недружный хор, и мы открыли хлопушки с конфетти. Правда, хлопушка Насти не открылась. Ее лицо снова приобрело угрожающе гневный вид, и тут мы с Андреем не смогли удержаться от смеха. Максим с Олегом не разобрали причину подобного веселья, но Сажнев пообещал все рассказать потом.

Олег пожал руку сначала Насте, которую Андрей представил, как свою девушку, а потом мне.

— Это Кристина, моя подруга, — сообщил Давыдов. — А это...

— Олег, очень приятно, — улыбнулся мне парень.

— Все взаимно, — кивнула я. В нашем приветствии не было ничего от жеманства или излишней любезности. Я отметила, как выдержанно и учтиво вел себя Спириин. С такой

внешностью и машиной он мог бы позволить себе быть полным кретином, но он выглядел невозмутимо и достойно. Жестом Олег пригласил нас идти к машине.

— Где взял тачку такую? — спросил Андрей, осматривая машину.

— Главный вопрос дня, — засмеялся Олег. — Отец дал погонять.

— Офигенная! — заявил Сажнев и стал приглядываться деталям. Потом он открыл заднюю дверь и влез головой в салон.

— Вот это чехлы!.. Вот это да!.. — раздавалось оттуда. Пока Сажнев восхищался машиной, а Настя подсказывала что-то, я смотрела на них с улыбкой. Сзади Максим и Олег, думая, что я их не слышу, негромко переговаривались.

— Подруга? — спросил Олег.

— Вообрази, — усмехнулся в ответ Максим.

— Тогда я с ней потанцую, ты же не будешь возражать? — продолжил Спири.

— Боюсь, решать не мне, — Давыдов пожал плечами. — Но я посмотрю на твою попытку.

— И откуда такая дикая уверенность в моем поражении? — удивился Олег, а затем я услышала приближающиеся шаги к машине.

— Ну, что, поехали? — он спросил это громко, будто для всех, но взглянул на меня и улыбнулся. Мы все кивнули, и я первым делом попыталась забраться на заднее сиденье. Но Спири открыл переднюю дверь и произнес:

— Надеюсь, ты откажешься от этой задумки. Впереди ехать гораздо удобнее.

В такой машине, на мой взгляд, было удобно ехать в любом месте. Даже, наверное, в багажнике, но я не стала распространяться на этот счет и села на предложенное место. Андрей, Настя и Максим сели сзади. Спири завел машину, и мы двинулись в сторону загородной дороги.

— Ну, что, пьянка уже началась? — подал голос Андрей.

— О чем речь, любезный? — возмутился Спири. — У нас все прилично, никаких пьянок. Культурно отдыхаем.

— Ой, ладно, — махнул рукой Андрей. — Знаю я этот культурный отдых, не в первый раз еду.

— Хватит пугать девчонок, — засмеялся Олег.

— Меня ничем не напугать, — заявила Настя.

— Разумеется, — не сомневался Олег. — Чтобы встречаться с Сажневым, нужно иметь мужество.

— Попрошу здесь! — воскликнул Олег, когда все мы засмеялись.

— Макс, ты еще помнишь историю на экзамене по философии? — спросил Спири.

— Такое сложно забыть, — заметил Максим.

— А что ты сделал, Андрей? — спросила я, чуть повернувшись назад. Каем глаза удалось заметить лицо Максима, которое показалось мне отстранённым и задумчивым.

— Да он скатывал свой билет с телефона, причем на глазах у препода, — сообщил Олег. — Если бы ты видела его дикое лицо в тот момент.

— Я бы даже сказал дичайшее, — добавил Давыдов, на мгновенье отведя взгляд от проносящегося за стеклом пейзажа. Андрей и Настя хохотали, хоть Сажнев и пытался как-то оправдываться. — Парень перенервничал, зашел на экзамен, взял билет у секретаря и уселся готовиться. Потом понял, что препода не видно и телефон достал. А препода сидел на задней парте.

— Погоди, он что, его не заметил, получается? — удивилась я.

— Именно, — кивнул Олег. — Прикинь, сидит в телефоне копается, а препод на него спокойной смотрит. Потом Андрей в себя пришел и увидел философа.

— И что он сделал?

— Да что сделал... — вздохнул Олег.

— Сказал хихихи, — произнес Максим голосом, в котором не звучало ни капли смеха.

— Потом наш герой подхватил все свои вещички и вышел из кабинета, — закончил историю Спирина.

— Ты философия завалил? — спросила Настя у своего парня.

— Нет, он мне потом разрешил последним зайти и кое-как на тройку вытянул, — сказал Андрей.

— Он тебя про Платона, кажется, спрашивал? — припомнил Максим.

— Про него, родимого, — хмыкнул Андрей. — До сих пор этот мир идей и мир вещей в голове... У тебя тут какой-то хлам валяется. Прямо подо мной!

И Андрей принялся выуживать откуда-то листы бумаги, квитанции, чеки. Я сомневалась, что трогать это все благоразумно, тем более, машина принадлежала отцу Спирина. Но Олег не разозлился, а лишь мельком бросив взгляд на заднее сиденье через зеркало, покачал головой.

— Лучше ничего не трогай, — сказал он.

— А что с этим делать? — озадачился Сажнев, набравший уже кучу бумажек. Максим молча забрал их у него и положил на панель у заднего стекла.

— Сожги как мост[5], — усмехнулся Олег, и машина повернула налево. Я с удивлением услышала этот короткий, но знакомый оборот, который, как и все подобные фразы, клеймом впивается в память.

— Внеклассное чтение поощряется? — спросила я у Олега.

— Отчасти, — его мягкий взгляд улыбался. Похоже, Бродский только что незримо сблизил нас. — Если считать в качестве поощрения философский настрой.

— Это немало, — заметила я.

— Особенно когда едешь в утреннем автобусе, и бабушка-божий-одуванчик проклинает тебя со спины, — добавил Олег. — При это она держится за тебя!

— А ты не стесняйся, в любой непонятной ситуации зачитай Бродского, — посоветовал Максим.

— Что-нибудь философское?

— Что-нибудь вроде не выходи из комнаты, — проговорила я.

— Не ходи в поликлинику, — добавил Олег.

— Вы прям врачи от Бога! — восхитился Андрей.

— Это нормально, что я ничего не понимаю? — поинтересовалась Настя, и мы все засмеялись. Компания получилась душевной, остроумной и не лишенной здорового юмора.

— Забей, элита говорит о высоком, — махнул рукой Андрей.

Олег повернулся ко мне и, пока Андрей с Настей прикалывались, негромко сказал:

— Приятно знать, что хорошие стихи не вымирают, и у них еще остались почитатели.

— Хорошие стихи обновляют душу, — кивнула я.

— Стихи и путешествия, — согласился Олег. — И музыка. Максим часто играет для тебя?

Я вновь обернулась на заднее сиденье, туда, где сидел Давыдов и холодным взглядом

окидывал дорогу. Одна его рука, согнутая в локте, опиралась на обивку дверцы, и очертания кисти отчетливо выделялись в темном салоне. Такая рука, без сомнения, могла бы принадлежать пианисту или скрипачу. Я знала, что Давыдов играет. Мучает гитару, как он шутил порой. Но он ни разу не играл при мне кроме тех летних вечеров, когда мы собирались большой компанией у старой школы, и он подыгрывал нашим ребятам несложные аккорды.

— Не так часто, как хотелось бы, — сказала я, и один Максим уловил в моем голосе иронию.

— Я к твоим услугам, — усмехнулся он. — Если захочешь послушать меня чуть чаще, чем никогда, обращайся.

— Давыдов замечательно играет, — продолжал Олег с легкой улыбкой. — Вечер барочной музыки обеспечен.

— Олег, это невежливо, расхваливать меня на собственном дне рождения, — засмеялся Максим.

— Ты самоучка? — спросила Настя.

— Да, ютуб мой сенсей, — согласился Максим.

— Круто! — оценила Лебедева. — А научить можешь?

Максим засмеялся.

— Учитель из меня паршивый, — признался он. — Я грузина ведь тоже хотел учить, а ни черта не вышло.

— Мне нужно было время, а ты до фига требовательный! — возмутился Андрей. — Еще бы месяцок...

Мы все засмеялись. Из кармана Олега раздался звонок, и одной рукой он достал телефон. Впрочем, отвечать парень не стал, сунув телефон обратно.

— Ребята звонят, — пояснил он.

— Потеряли именинника? — догадался Давыдов.

— Или разнесли что-нибудь, — засмеялся Олег. — Мы уже скоро приедем.

— Тебя предки не сожрут за погром? — спросил Андрей.

— Сажнев, я умоляю тебя, прекрати нагнетать, — проговорил Спирин. Постепенно мы подъезжали к даче Олега. Он сбавил скорость и затормозил у небольшого двухэтажного домика.

— Это оттуда такая музыка? — поинтересовалась Настя.

— А говорил, культурный отдых, — заметил Андрей. — В таком грохоте только алкаши могут выжить.

— Прекрати, — засмеялся Спирин. — Девчонки, не слушайте его. Вы идите в дом, я сейчас машину загоню и покажу вам все.

Дом стоял за высоким ограждением, и теперь, когда мы вошли на территорию, я смогла полностью рассмотреть строение. Оно выглядело очень гармоничным и стильным. Стены были светлого цвета, а крыша и дверь темно-коричневыми. Сбоку, на втором этаже, виднелся открытый балкон. Ограда уходила за очертания дома, и я подумала, что дальше есть какой-то сад или участок. Впрочем, исследовать это сейчас было нелепой идеей, я и так осталась последней, кто еще не вошел внутрь.

— Ну, как тебе? — спросил Максим, пока вешал мое красное пальто на вешалку

— Что именно? — уточнила я.

— Олег, его дом, его день рождения, — принялся перечислять Давыдов.

— Надеюсь, будет весело, как ты обещал, — ответила я. — А ты как? У тебя грустный вид.

— А у тебя пронизывающий взгляд, — усмехнулся в ответ Давыдов. — Олег хороший парень.

— Вы договорились петь дифирамбы друг другу? — не понимала я. Максим неспешно прикрыл входную дверь и повесил свою куртку на вешалку.

— Он очарован, и хочет с тобой танцевать, — продолжал Давыдов все с той же насмешкой, которая делала его лицо холодным и чужим.

— А ты? — мой голос прозвучал тихо, но старый друг услышал в нем затаенный вызов.

— Хочу ли я танцевать с тобой? — повторил Максим едва слышно, будто обращался вовсе не ко мне. — Я хочу выпить. Что-то и правда нет настроения.

С этими словами он двинулся в след за ребятами.

Пока я шла вглубь дома, музыка все сильнее ударяла по барабанным перепонкам. Олег вскоре присоединился к нам и провел всех в одну из комнат. Это было большое светлое помещение с овальным столом, белым мягким диваном и парой кресел в тон. Пространство заполняли комнатные растения, и их зеленые ветви стелились в углах комнаты. На столе покоилась целая гора еды и выпивки. Один парень, и без того чрезмерно упитанный, занимался поглощением какого-то салата. Увидев нас, он наспех вытер руку, поздоровался с парнями и, кивнув нам, продолжил уплетать за обе щеки.

— Микроволновка на кухне, тарелки, ложки, все там, — начал пояснять Олег. — Ребят, никто не стесняется. Берите пример с Толика, пацан вон молотит весь вечер.

— Оч вкусно! — пробурчал Толик и снова погрузился в мир еды.

— А где все? — спросила я.

— Сейчас посмотрим, — улыбнулся Олег и направился в другую комнату. Мы пошли за ним. Максим открыл дверь, и музыка буквально хлынула на нас. В углу комнаты стояла световая панель, которая переливалась всеми цветами и окрашивала комнату соответствующе. Из этих мелькающих цветовых линий складывались силуэты танцующих людей. Какая-то девчонка забралась на подоконник и танцевала на нем, — благо это был первый этаж. Тут мы увидели, как одна из девушек идет к дверям, туда, где сейчас стояли мы. На ней было короткое платье, обтягивающее все изгибы ее стройного тела, и я с сомнением подумала о своем открытом плече. Похоже, желание выглядеть не слишком торжественно посетило здесь только меня одну. Девушка подошла ближе, и я увидела, что это Даша.

— Привет, — сказал ей Андрей.

— Пока, — бросила она, похоже, всей нашей компании и скрылась в конце коридора в ванной комнате. Глядя на танцующих людей, я повернулась к Максиму, а тот, смеясь, сказал:

— Не знаю, как ты, но я присоединяюсь к Толику и попробую смести то, что увижу. Все лучше, чем это мракобесие.

— Полностью поддерживаю, — заявила я, и мы двинулись обратно. Поговорив о чем-то, Андрей и Настя тоже решили вернуться к еде. Олег последовал за ними.

— Ну, что, девчонки, как вам наш универ? — спросил Олег, закрывая дверь в комнату, чтобы слегка приглушить музыку.

— В целом все здорово, если бы не пары, — сказала Настя, и мы засмеялись.

— Сложно после школы перестроиться, — кинул Олег, вспоминая свой первый курс.

— Точно, — подтвердила я. — Хочется вернуться в прошлое и сказать самой себе, что учёба в школе — это лучшее время в жизни.

— Зато в школе ты не могла бы себе позволить прийти на подобную вечеринку и выпить шампанского, — поспорил Спирин. Я улыбнулась и слегка качнула головой.

— Может, я никогда и не хотела бывать на вечеринках и пить шампанское, — предположила я.

— Тем не менее, ты здесь, — заметил Олег.

— Я не имела в виду твой праздник, — поспешно добавила я.

— Надеюсь, — кивнул Олег. — Иначе я бы огорчился.

— Насколько радикально это было бы для меня? — поинтересовалась я, и Олег засмеялся.

— Кто знает, — проговорил он. — Мы, психи, люди простые, кто нам не понравится, того мы ликвидируем.

— Это публично завяленные, что я тебе не понравилась? — наши взгляды встретились, и я почувствовала, что интересую Олега гораздо больше, чем просто новая знакомая.

— Все совсем наоборот, — произнес Олег.

— Выходит, могу рассчитывать на помилование, если что-то все-таки огорчит тебя, — заключила я.

— Безусловно, — кивнул Спирин. — Но сейчас меня огорчает только лицо Давыдова. Друг, тебе явно до смерти наскучила наша компания. Не хочешь развлечься? Пригласи Дашу потанцевать, она сегодня очень хороша.

— Боюсь, тебя это не касается, — проговорил Максим. Его лицо было спокойным, и я не могла прочесть по нему, что он чувствует.

— Очень даже касается, — протестовал Спирин. — Я забочусь о настроении своих гостей.

Максим откинула на спинку стула, и его взгляд устремился в потолок.

— Не стоит так беспокоиться, — сказал он. — Можешь не обращать на меня внимания и продолжать любезничать. Как и ты.

Последние слова он сказал мне, и я увидела холодный взгляд его темных глаз. В тот момент они удивили меня. Разве я что-то должна этому человеку? Особенно после его странных отношений с Дашей и дурацкой фразы тем вечером, будто он не хочет выглядеть глупо.

— Максим, надеюсь, мой разговор с Олегом не разрушит наш дружеский пакт? — с иронией в голосе спросила я и услышала смех Спирина.

— Думаю, одного Олега для этого маловато, — усмехнулся Максим и встал. Видимо, он собирался выйти из комнаты, но дверь открылась, и внутрь зашло несколько других гостей Олега.

— Вот это компания у нашего Толика! — воскликнул один из парней. Толик, молча продолжающий жевать салаты в уголке дивана, покосился на говорливого парня, но промолчал. — Наш дорогой именинник, три каких-то несуразных типа и две прекрасные особы!

Ребята подсели к столу, и завязалась оживленная беседа. Максиму было неудобно выйти прямо сейчас, поэтому он сел на место. Вскоре за столом собралась вся братия. Ребята

весело общались между собой. Максим разговаривал со всеми, кроме меня, и я отвечала ему тем же. Вскоре я увидела, как Даша потянулась за бокалом с шампанским. Нечаянно она задела его, и тот собирался упасть. Но Максим ловко подхватил его.

— Не благодари, — сказал он, улыбнувшись. Даша тоже улыбнулась ему. Возможно, Максим и правда не интересовал ее, поэтому она не держала никаких обид. Или же, наоборот, он нравился ей слишком сильно, и она не собиралась отказываться от возможности поговорить с ним.

— Мы отличная команда, — сказала она, забирая бокал.

— Улыбаемся и машем! — произнес Максим.

— Мне нравился Шкипер, — поделилась Даша.

— Ковальски — нерушимая сила интеллекта, — поспорил Максим.

— Без организационной способности Шкипера он просто зануда, — заявила Даша. Я бросила прислушиваться к обсуждению пингвинов, а то мне уже захотелось пристрелить кого-нибудь. Остальные ребята не умолкали ни на минуту. Некоторые из них перемещались по комнате, поэтому, когда я беззвучно встала и вышла, никто не заметил этого. На короткое время я остановилась в коридоре, а потом двинулась вглубь дома. По правую сторону коридора виднелась массивная деревянную лестница, ведущая вверх, и я стала подниматься по ней. На втором этаже была небольшая лестничная площадка. С одной стороны ее окружали четыре двери, в комнаты которых я не решилась заглянуть. Зато с другой стороны тянулась небольшая дорожка к еще одной комнате. Входом ей служила округлая арка.

Я зажгла свет и увидела, что внутри комната была просторной и довольно пустой. Только несколько плетеных кресел, журнальный столик и растения в больших керамических горшках. На противоположной стене поблескивало большое панорамное окно, сквозь стекла которого на меня смотрело темное небо ночи. За окном виднелась балюстрада открытого балкона, и мне захотелось выйти туда и вдохнуть свежий вечерний воздух. Но я знала, что уже слишком холодно, а возвращаться вниз за одеждой не хотелось. Какое-то время я стояла в тишине, ни о чем не думая, а потом взглянула на телефон. Был уже десятый час, наверное, пора уезжать. Завтра рано просыпаться, а мне уже не хотелось быть здесь. Все ребята оказались классными, но, сидя среди них, я снова ощутила себя в школе. Словно все играют в игру, а я лишь притворяюсь, что мне это интересно.

Из маленького коридора послышались неспешные шаги. Я обернулась и, увидев, что это Максим, осталась стоять на месте. Не знаю, отчего, но я смутилась, представив, что сейчас мы останемся здесь одни.

— А кто твой любимчик из пингвинов? — спросил Максим, подходя ко мне.

— Если тебе интересно, то Рико, — сказала я. — Он единственный, кто может в нужный момент выплюнуть автомат и расстрелять всех.

— Какая-то сталинская фраза пролетела сейчас мимо меня, — проговорил Давыдов с усмешкой. — Любишься видами или прячешься?

Я терпеливо взглянула на друга.

— Мне нет нужды прятаться, — пояснила я. — Хотелось тишины.

— Это день рождения, — заметил Давыдов полагая, что мы по-разному проинформированы.

— Да, мне об этом сообщили еще вчера, когда приглашали, — произнесла я. Максим засмеялся.

— А потом ты благополучно забыла, кто тебя пригласил, и решила строить глазки

имениннику, — сказал он с иронией.

— Имею право, — спокойно произнесла я, не собираясь оправдываться.

— Бесспорно, — Максим поднял руки вверх.

— Лучше без, — я не могла промолчать. Давыдов удивлённо взглянул на меня и расхохотался.

— Если ты выпила, то мне определённо нравится твой настрой, — сообщил он, но мне удалось удержаться от еще одной колкости.

— Ладно... завтра рано вставать, а у меня голова разболелась. Пойду попрощаюсь с Олегом и поеду домой...

Я собиралась уйти, но Максим сделал шаг в сторону и оказался передо мной, преграждая дорогу. Он был так близко от меня. Я видела его смеющиеся губы, и мне снова показалось, что я все придумала. Всю эту историю о том, что Максим влюблен в меня. На самом деле все наоборот. Это я так безумно привязана к нему. И не понимала этого, пока не потеряла Максима.

— Пора кое-что обсудить, Кристин, — услышала я его голос. — Признаться, мне это все немного надоело.

Я не понимала, о чем он говорит. О чем вообще можно говорить настолько невозмутимо. Глядя на его спокойное лицо, я чувствовала себя девушкой, которую собираются бросить.

— Поэтому в который раз задам этот вопрос, что ты хочешь? — продолжил Давыдов. Я не поняла его. Или, наоборот, поняла слишком хорошо, но не хотела отвечать

— Даже не знаю, что сказать, — бросила я. Тогда Максим, заложив руки в карманы, размеренным шагом подошел к столику и посмотрел на одно из кресел так, будто оно было музейным экспонатом.

— Мы знакомы лет сто, — ровным голосом сказал он. — И тут за какие-то две недели ты вдруг начинаешь писать мне сообщения и интересоваться той частью жизнью, в которой присутствуют девушки.

Он взглянул на меня, чтобы проверить мою реакцию на эти слова, но я пока держала себя в руках.

— Неужели я стал чем-то привлекать тебя? — усмехнулся Давыдов. Я также заставила себя усмехнуться, словно его слова не напугали меня.

— Почему нет? — спросила я. — Не стоит так себя недооценивать.

Он все еще продолжал улыбаться, и я поняла, что на его холодный насмешливый тон я должна чем-то ответить. Чем-то дерзким и вызывающим.

— Ты красив, умен, — перечисляла я. — И у тебя такие губы...

Какое-то время он смотрела на меня, не понимая. Конечно, он думал, что я, как обычно, смеюсь. Я тоже так думала, пока не сказала это. А сейчас ощутила, что сказала правду, и мне в самом деле невозможно отвести взгляд от ярких, чуть улыбающихся губ Максима.

— И что, мы могли бы попробовать? — спросил Давыдов, перестав оценивать мои слова. — Ты этого хочешь?

Здесь я сдалась. Мне больше не интересно притворяться.

— Я не знаю, чего хочу, Максим.

Давыдов кивнул, словно только этого ответа и ждал. Выражение его лица неуловимо изменилось. Сейчас он начинал злиться.

— Я помогу тебе определиться, — так же сдержанно сказал парень, но в его голосе

чувствовалась жесткость. — Все это время, пока я был поблизости, ты и не вспоминала обо мне. Но сейчас ты увидела рядом со мной еще кого-то и поняла, что кроме тебя есть и другие девушки.

Я смотрела на Максима и думала, что отчасти это правда. Отчасти. Он забыл добавить как я ценю его, и каким близким человеком он стал для меня.

— Думаешь, я тебе вру? Зачем мне это?

— Да ни за чем, — пожал плечами Давыдов. — Может, ты и считаешь, что влюблена в меня. Но на самом деле ты как всегда хочешь слышать только одно. Ты хочешь знать, что я без ума от тебя, и мне плевать, если я выгляжу как идиот. Как только я скажу это, от твоего интереса ко мне ничего не останется. А у меня нет охоты снова быть тем мальчиком, который просто друг.

Я молчала. Мне было, что ответить, но все это не имело значения. Я вдруг почувствовала себя уставшей и решила прекратить этот разговор.

— Добрая ночь, Максим.

— Но ты ничего не услышишь, Кристина, — он словно не воспринимал моих слов, продолжая свою мысль. — Пока я не пойму, что ты в самом деле хочешь быть со мной, ты ничего не услышишь.

Давыдов неспешно направился к арке, но у самого выхода пошел назад. Я была в смятении. Каждый его шаг рассказывал историю, и от волнения мои руки стали еще холоднее, чем обычно. Максим оказался рядом со мной. Его ладони легли на мое лицо и притянули к себе. Я уже не могла видеть его темного взгляда, только ощущала прикосновение губ. Мое сердце стучало так громко, что, казалось, Максим тоже слышит его. Руки Давыдова двинулись вдоль моей шеи, и от этих движений по спине пробежали мурашки. Он целовал меня медленно и долго, словно это наша последняя встреча. Я чувствовала его нежность. Его любовь.

В какой-то момент я перестала растворяться в плавно тлеющих частицах времени. Глаза Давыдова жадно скользили по моему лицу, и меня бесконечно смущал его взгляд, его поцелуй, его присутствие.

— Всегда мечтал это сделать, — тихо сказал он, а потом, оставив на губах еще один тающий, легкий поцелуй, медленно ушел. Его шаги затерялись внизу, в звуках музыки и голосов. Что делать дальше, я не знала.

Этой ночью, ворочаясь сбоку на бок в постели, я никак не могла уснуть. Веки буквально отказывались закрываться, и я вынуждено смотрела в темноту комнаты, заполняющую мой взгляд. Перед ним всплывали сцены сегодняшнего вечера, лицо Максима и все его слова. Его поцелуй ответил на мои вопросы, но Давыдов ошибся. Мне больше не нужны никакие игры, я хотела быть с ним. Я безотчетно возвращалась в тот миг, когда губы Максима прикоснулись ко мне, и воспоминания о его сдержанной страсти волновали меня и вызывали трепет.

На несколько часов мне удалось забыться сном, а когда прозвенел будильник, я проснулась быстро и легко. Чувство волнения не покинуло меня ни на секунду во сне, и сейчас я ощущала в груди удары сердца. В отражении зеркала возникло лицо, — оно было свежим, а глаза сияли, словно я хорошо отдохнула или сходила в какой-нибудь салон красоты, в котором пока еще не была ни разу. Словом, я чувствовала себя счастливой, как

никогда раньше. Я чувствовала себя живой.

В автобусе и по дороге к институту мне то и дело приходилось ловить на себе взгляды прохожих. Кажется, и они видели не просто девушку, но освободившуюся мятежную душу, влюбленную и юную. Сейчас у меня не было ни тела, ни разума, только огромное трепещущее сердце.

Заходя в двери института, я еще не знала, что скажу Максиму, если встречу его. Вслед за этими мыслями пришла неловкость, опутавшая мысли и слова. Под этим гнетом я решила избегать Максима, хотя бы до тех пор, пока не придумаю, как вести себя. Но кто-то мудрый и незримый легким движением руки выветрил из головы эти мысли. А потом повернул наши пути так, что мы с Максимом столкнулись за поворотом в коридоре.

Мы остановились, и мое сердце вздрогнуло. Оно испытало странную смесь чувств, среди которых больше всего было волнения и страха. Это произошло раньше, чем я успела хоть что-то сказать, поэтому сейчас в растерянности смотрела на своего друга, черты лица которого так плотно врезались в мою память.

Похоже, Максима обуревали подобные чувства. Он был в замешательстве и не знал, что с этим делать. На мгновения наши взгляды встречались, и каждый раз сердце замирало у меня в груди. А мимо нас мелькали фигуры студентов, то серьезных, то чересчур беспечных. Они смеялись, и обрывки их разговоров касались слуха. И вдруг я увидела эту картину со стороны, так же, как мог бы увидеть кто-то из проходящих мимо. Два взрослых человека стоят сейчас рядом и не знают, что сказать друг другу. И почему? Ведь мы не сделали ничего плохого. И все это время, пока молча пялимся друг на друга, мы выглядим как два идиота.

От этого мне стало смешно, и я улыбнулась, глядя себе куда-то под ноги. Максим заметил это и тоже сумел расслабиться. Давыдов понял, что я так же, как и он, не знаю, с чего начать разговор, но очень этого хочу.

— Привет, — наконец, сказал он, и я снова захотела смеяться.

— Привет.

— Ты вчера уехала, вроде голова заболела... — начал Максим.

— Голова заболела, — быстро сказала я, но Давыдов произнес это почти одновременно со мной, и теперь засмеялись мы оба.

— Нормально доехала вчера? — спросил Максим.

— Да, — ответила я. — Все в порядке, больше ничего не произошло.

— Больше? — засмеялся Максим, и мне захотелось перемотать этот разговор. Я правда сказала это? Больше?!

— Извини, говорю глупости, — пробормотала я, хотя неловкость между нами все увереннее переходила в шутку.

— А я их делаю, — кивнул Максим. Я так не думала, но спорить не стала. Все, что сказал вчера Давыдов, еще звучало в голове. Поэтому я спросила:

— Хочешь встретиться сегодня вечером?..

— Кристин, по поводу того, что... — начал Максим. — Забудь об этом. Тебе ничего не нужно делать. А я в состоянии пригласить девушку, если хочу этого.

Я непонимающе посмотрела на Максима.

— В смысле, это предложение, — Давыдов мигом сообразил, что его речь весьма двусмысленна. — Черт, короче, давай встретимся сегодня вечером, если ты свободна.

— Я свободна, — у меня не было причин для отказа.

— Я тоже, — зачем-то сказал Максим, и мы снова засмеялись, глядя на мелькающих

мимо нас студентов, что напоминали плывущих за стенками аквариума рыб.

— Но не как друзья, — мой голос прозвучал немного неуверенно.

— Да, я как раз об этом, — кивнул Максим. — Это называется свидание.

— Я знаю, как это называется.

— Это упрощает дело.

Все, что произошло сейчас, казалось невероятным. Все-таки у нас получилось, хоть это и был очень долгий путь. Но сегодня вечером я иду на свидание с Максимом. И впервые мы будем не просто друзьями. Этот человек, которого я знаю всю жизнь, будет держать меня за руку, и нам больше нечего бояться того, что наши чувства не взаимны.

— Ладно, пойду в аудиторию, а то скоро занятия, — проговорила я и улыбнулась.

— До вечера, — кивнул мне Максим. Он попрощался со мной тёплым взглядом и открытой улыбкой, и мы разошлись по аудиториям.

Сегодня был определенно чудесный день. Мой страх исчез, осталось лишь волнение, приятно согревающее кровь. Я зашла в аудиторию. Скоро должна начаться лекция по гистологии, и зал был заполнен студентами. Настя болтала с девушкой, сидящей сзади нас. Я поздоровалась со всеми и как ни в чем не бывало принялась доставать тетрадку и ручку. Но пристальный взгляд Лебедевой заставил меня остановиться.

— Что? — спросила я. Девушка смотрела с любопытством, и я не знала, как начать свой рассказ о вчерашнем вечере.

— Что у вас с Давыдовым произошло вообще? — спросила Лебедева. — Ты внезапно уезжаешь, никого не предупредив, а тот сидит весь вечер в углу и играет с подоконником.

— Играет с подоконником? — засмеялась я. — Не хочу знать. У нас... все нормально.

— Как это понимать? — не отставала Настя.

— Мы встречаемся сегодня вечером, — призналась я и стала наблюдать удивленное лицо Насти.

— То есть, вы вместе все-таки? — Лебедева не верила в мои слова, но отчего-то смеялась.

— По крайней мере, сегодня вечером точно, — улыбнулась я, потому что сама еще до конца не верила в происходящее.

— Вот так просто? — не успокаивалась Настя.

— Ну, это не было просто, — протянула я и вспомнила, как тяжело мне было общаться с Давыдовым в последнее время. Все же, Настя решила, что мне можно верить. Она была рада за нас и то и дело бросала на меня улыбающиеся взгляды.

— Прекрати это делать! — все время говорила я, потому что подруга только смущала меня этим. Началась лекция, но мне впервые было тяжело уловить ее смысл. В голове теснилось слишком много своих мыслей, и чужой голос только мешал. Моя рука автоматически записывала текст, но мысли о Давыдове неизбежно настигали меня, как дождь настигает путника посреди равнины.

Кроме этого, у меня в арсенале была еще одна хорошая новость. Освальд Павлович сдержал слово насчет своего внука, и сегодня они договорились встретиться с Лешей в каком-нибудь кафе. Я знала, что старику будет непросто, когда он увидит внука, но просить меня прийти с ним он бы не стал. Гордость и вместе с тем растерянность не позволили ему этого, и я сама предложила составить антиквару компанию. Услышав мой вопрос, Освальд

Павлович принялся деланно ворчать, мол что я буду сопровождать его как немощно старика. Но все эти причитания быстро иссякли, и вот, в положенный час, мы уже сидели с Крезой в популярной пиццерии, за столиком у окна. Косые лучи заходящего солнца полосами ложились на скатерть и большое блюдо с пиццей, три куса которой я уже съела.

— Вы чего не едите? — спросила я у Освальда Павловича. — Холодная будет невкусной.

Это, конечно, не совсем правда, потому что лично я могу съесть пиццу даже замороженной. Но Освальду Павловичу было не до еды. Сегодня он нарядился в один из своих красивых костюмов, а в верхний карман даже положил аккуратно свернутый платок. Он сидел прямо, будто проглотил палку, а его руки нервно теребили край скатерти. Креза то бегал взглядом по улице за окном, то рассматривал шумящих посетителей. Мне было жаль его, но успокоить Освальда Павловича никак не получалось.

— Он не придет, — сказал Креза. Эту фразу старик повторял несколько раз за последние полчаса.

— Освальд Палыч, вы же договорились в пять вечера! — напомнила я. — А сейчас только половина. А все потому, что вы притащились сюда на час раньше. Он придет обязательно. Лучше поешьте, а то еще в обморок грохнитесь, я вас не поташу...

Моя болтовня не помогала, и Креза продолжал нервничать. Без четверти семь дверь в пиццерию открылась, и у входа показался паренек. Я сразу узнала его, — тот самый мальчик, который выходил из кофейни в день нашего разговора с Борисом. Сейчас он был одет в мешковатые штаны и свободную длинную кофту. Сверху наброшена кожаная куртка, из-под которой торчит капюшон кофты. Со всех сторон у парня висели какие-то цепочки, шнурки, длинные замки молний. Словом, весь он был типичным современным подростом. Высокий ростом, но лицо совсем детское, худое, с покрасневшими белками глаз от постоянного зависания в интернете. Он осматривался. Парень понятия не имел, как выглядит дед, и я решила ему помочь. Подняв руку, я приветливо улыбнулась и подозвала к нашему столику. Краем глаза мне стало видно, как побледнел Освальд Павлович, но я сделала вид, что ничего не заметила. Леша явно не понимал, кто я, это читалось в его взгляде, но он приближался к нашему столику.

— Здравссьте, — бросил он и замер. Его глаза перебежали с меня на Крезу, и я снова улыбнулась. — Это вы... дед?

— Привет! — начала я. — Присаживайся, не бойся.

Леша послушно сел рядом с Крезой, все еще бросая на него дикие взгляды. Освальд Павлович был в замешательстве. Он не знал, что ему сказать. Наверняка Креза готовил какие-то слова, но сейчас все они вылетели у него из головы.

— Я Кристина, а это твой дедушка, Освальд Павлович. А это меню, возьми себе чего-нибудь, а то вы оба такие бледные, у вас сахар наверно совсем упал...

Креза едва заметно улыбнулся. Похоже, мои слова наконец-то возымели хоть какое-то действие. Как я уже говорила, у меня есть некоторые проблемы с бесполезным трепом. И сейчас, когда он был просто необходим, иначе мы рисковали утонуть в тишине, я делала все, что могла. Когда к нам подошла официантка, я заказала еще одну пиццу и стала ждать, в какой же момент между этой парочкой завяжется разговор. Первым начал Освальд Павлович.

— Леша, возможно, отец тебе рассказывал обо мне плохие вещи... — начал он.

— Он никогда не говорил о вас, — произнес Леша, и я услышала его голос. Он был

неровным и слегка дрожал, а порой и вовсе пропадал.

— Что ж... Тем лучше, — слегка улыбнулся Креза. — Я хотел познакомиться с тобой. И я рад, что ты здесь. Отец знает об этом?

— Нет, — покачал головой парень. — Я обычно не слишком рассказываю ему о своих делах.

— Почему же? — заинтересовался Креза.

— Он... Знаете, его интересует только работа, или мои оценки, — заявил Леша. — Когда он поехал сюда открывать кофейню и взял меня с собой, ему было все равно, что я должен бросить свою школу, своих друзей. Да ему на всех плевать! Он просто...

Тут Леша осекся и не успел никак обозвать отца. Он смутился своего порыва и уткнулся взглядом в кружевные салфетки. Сцепленные пальцы парня лежали на столе, и он сжимал их так сильно, что костяшки побелели.

— Ничего, мы знаем, каким несносным может быть твой отец, — кивнула я. — Ты знаешь, что у твоего дедушки есть антикварная лавка?

В глаза паренька мелькнуло что-то сродни недоверию и восхищению одновременно.

— Правда? — переспросил он, посмотрев на Освальда Павловича.

— Чистейшая, — кивнул тот. — Закупаю разные товары со всего света. Иногда даже работаю по личным заказам покупателей. Один раз пришлось по старым связям искать табурет с традиционной индийской резкой по дереву. Ну, знаешь, у них там все так витиевато... так что кручусь.

— Блин, круто!.. Ой, простите, я не знаю, можно при вас говорить «блин»?

Он спрашивал это не только у Крезы, но и у меня. Похоже, я казалась парню весьма взрослой мадам, хотя он был младше меня на пару лет, не больше.

— Если что, я выражалась и похуже! — подбодрила его я. Леша мне понравился. За несколько минут, что он сидел с нами, я успела понять, что он хороший парень, хотя немного застенчивый и не слишком общительный. Но в нем по-прежнему живет ребенок с чистым сердцем, который привел его на встречу к деду сегодня. И приведет еще ко многим хорошим делам.

— Заметано, — засмеялся Леша. — А слоны у вас есть?

— Разумеется! — заявил Освальд Павлович. — Есть из керамики, а есть резные из оникса.

— Офигеть! Вот бы глянуть! — глаза Леша загорелись.

— Это можно устроить, — пообещал Освальд Павлович. — Ты поешь, а то вон какой худой, штаны болтаются...

— Это стиль такой, — хихикнул Леша. — Я вообще-то рэпер.

— Чего ты? — не понял Освальд Павлович.

— Рэпер я, — повторил Леша, воображая, что все объяснил. — Ну, рэп, короче, читаю.

К нам вернулась официантка с моим заказом.

— Ааа! — протянул Креза. — Вон чего! А я-то не пойму сначала. Ты молодец, что читать любишь. Ну и как Рэп пишет, хорошо? Ты мне дай, я тоже почитаю.

Я, смеясь, подцепила кусок горячей пиццы приборами и положила на тарелку Леше. Бедный ребенок, похоже, все еще немного стеснялся, и мне хотелось, чтобы это смущение поскорее прошло. Пусть поймет, что мы с Крезой очень простые люди, и рады познакомиться с ним.

— Да не, это не писатель, — сказал Леша. — Вот послушайте!

Эй, дружок, не сиди, не кисни дома,
Скорей собирай всех друзей и знакомых,
Приходи к нам на батл, зачитай свой рэпчик.
Будь жгуч как аджика, не будь как кепчук!
Не теряй даром время, на дворе уже осень!
Это был МС Червяк, две тыщи восемь!
Ёу!

Познакомив нас с сим шедевром, Леша по-детски улыбался и смотрел на нас. По лицу Освальда Павловича я сразу поняла, что ему незнакомо, как именно нужно реагировать на рэп. Точнее, на то, что мы услышали. Но делать нечего, актер, у которого еще нет Оскара, снова должен выйти из сумрака.

— Вот это круть! — воскликнула я и зааплодировала. — Ты что, сам это написал?!

— Ну, в общем, да, — смущенно заулыбался Леша.

— А МС Червяк твой никнейм?

— Ага, решил, что прикольно будет, — кивнул Леша. — А то вокруг одни выпендрейники, а я считаю имя должно быть четким!

— Четким! — кивнула я, соглашаясь с парнем. — Освальд Палыч, ну как вам? Вот ведь талантище, а?

— Несомненно, — поспешно кивнул Креза, в глазах которого отражалось явное непонимание происходящего.

— А как вам про кепчук строчка? Круто вставил? — поинтересовался Леша. — Типа игра слов, вспомнил прошлое.

— А что за кепчук? — спросил Креза.

— Вы не видели что ли? Старый видос, ща покажу, — пообещал Леша и достал из кармана телефон. Пока он искал видео про милую бабулю с кетчупом, я поймала растерянный взгляд Освальда Павловича, словно спрашивающий меня, что ему делать после просмотра видео. Впрочем, посмотрев забавный ролик, Креза развеселился и даже сказал, что не такое уж и зло этот интернет. Дальше разговор потек свободнее, и мне уже не нужно было поддерживать его нарочито веселыми фразами на общие темы. Глядя на деда с внуком, на то, как представители абсолютно разных поколений смеются рядом, я чувствовала умиротворение и радость. Все получилось сегодня.

Кровь оказалась сильнее времени и вражды.

Сильнее всего.

Глава 10

Вечер мы провели с Максимом. Было чудесно идти с ним по сумрачным улицам нашего небольшого городка. Он держал меня за руку, и я чувствовала тепло и где-то рядом с сердцем волнующий трепет. Мы болтали, обсуждали жизнь института и разные мелочи. Потом мы вернулись на старые качели, в которых уже не раз сидели до поздней ночи. У Давыдова были теплые губы, и я навсегда запомнила его нежные поцелуи тем вечером.

Утром я отправилась на лекции в прекрасном настроении. Пока ехала в автобусе, переписывалась с Максимом. Мне было приятно чувствовать себя такой, — влюбленной и

светлой, полной энергии и задора.

Как всегда, в аудитории было полно народа. Но место, на котором обычно сидела Настя, сейчас пустовало. Я села за парту и на всякий случай положила на соседний стул свой рюкзак. Вдруг Лебедева опаздывает и придет чуть позже? Странно, что она не предупредила ни о чем. В телефоне — ни одного сообщения. Это не похоже на Настю, которая любила суетиться вокруг всех происшествий в своей жизни и обязательно сообщила бы, если опаздывала. Впрочем, может, именно сегодня Лебедева решила сачкануть, и мирно спит дома. К тому же, никакого преступления в том, что человек прогулял первую пару, я не видела.

Лекция закончилась, и в хорошем настроении я покинула аудиторию. Но мое внезапно случившееся счастье не захватило меня настолько, чтобы я забыла о своей подруге. Когда Настя не появилась к третьей паре, я в самом деле начала беспокоиться. Пытаясь позвонить Лебедевой на перемене, я ничего не добилась. Абонент недоступен. Моя незримая подруга интуиция, в нужный момент всегда щелкающая пальцами у виска, снова подала знак. Что-то случилось.

Совершенно неожиданно я увидела Андрея. Он бежал по коридору к одной из лестниц, по которой можно было спуститься на первый этаж.

— Андрей! — крикнула я и пошла ему навстречу. На нем была уличная куртка, рюкзак, а в глазах тревожная юность.

— Привет, Кристин, — быстро сказал он и двинулся дальше.

— Андрей, подожди, — я попыталась остановить Сажнева, и для этого мне пришлось почти бежать за ним. — Ты куда устремился?

— Нет времени объяснять, — отвечал Андрей. — Я за Настей.

— Ты знаешь, что с ней? — удивилась я. — Она не пришла на занятия. Дозвониться не могу.

Андрей наконец-то остановился и достал телефон.

— Я тоже не могу, — сказал Сажнев. — Она мне прислала какое-то странное сообщение, вот.

Парень показал мне это сообщение. «Андрей, я в беде. Срочно приезжай на белый завод. Жду». Я перечитала его несколько раз, пытаюсь понять, что вообще Настя делает на белом заводе. Мне вспомнилось фото Алины, черные блоки завода и белый проем двери, в котором застыла размытая фигура. Сейчас она казалась более чем реальной.

— Андрей, будь осторожней, там может... быть опасно, — предупредила я Сажнева.

— Хорошо, я позвоню, — кивнул Андрей. Я взглянула на время. Одиннадцать.

— Позвони мне в двенадцать, расскажи все, — попросила я, и Сажнев ответил мне кивком. Он умчался, а я осталась стоять посреди лестницы.

Сажнев так и не позвонил мне. Ни в двенадцать, ни в половину первого. Сидеть и дальше спокойно слушать лекции, когда мои друзья неизвестно где, было невыносимо. Мне нужно самой поехать на завод и во всем разобраться. Дальше должна быть лекция по латыни. Значит, отпрошусь у Афанасьева и поеду туда.

Надеясь, что наш профессор латыни благоговеет перед фолиантами с исчезнувшим языком, а не перемещается где-то в недрах института, я направилась к его кабинету. Мне повезло, и я застала его там, но не одного. Рядом с ним стоял Константин Александрович, и они переговаривались о чем-то с серьезными лицами.

— Что, по-вашему, он собирается делать? Прошло сто лет, — говорил Одинцов.

— Костя, ты не понимаешь, что они за люди! — кипел Афанасьев.

— Юрий Витальевич! — сказала я, прерывая разговор преподавателей. Они не заметили меня, когда я вошла, но времени на приличия не было. Лицо профессора Афанасьева обратилось ко мне.

— Что там... — Юрий Витальевич собирался прогнать вошедшего, но, увидев меня, осекся. Какое-то время его глаза задержались на мне, словно я была препятствием, которое невозможно преодолеть. Впрочем, я знала, что он смотрит не на меня, а на мою бабушку. Перед ним стояла Света Гончарова, девушка из его юности. Возможно, чувства к ней, дружеские и не совсем, все еще хранились в душе старого профессора. Поэтому он качнул головой, смахнув наваждение, и устало спросил:

— Что вам нужно?

— Хочу отпроситься с вашей лекции, — сказала я.

— Делайте, что хотите, — проговорил профессор, которому явно было не до меня.

— До свиданья, — бросила я и собиралась уйти.

— Пойдите! — голос Одинцова остановил меня. Пришлось обернуться. Я почувствовала запах неудавшегося побега и предстоящего допроса.

— У вас что-то случилось? — спросил профессор анатомии.

— Нет, просто надо.

— На вас нет лица и, готов спорить, вы дрожите, в чем дело? — продолжал Константин Александрович, окинув меня холодным взглядом, не терпящим протестов.

— Оставь ее, пусть идет, — пробормотал Афанасьев, но Одинцов так не думал и повторил свой вопрос.

— Моя подруга пропала, — сказала я, подумав, что другого выхода нет. Одинцов может допрашивать хоть весь день, а мне нужно уйти. К слову, выбежать из кабинета казалось мне верхом неуважения, и я не могла позволить себе этого.

— Хочу убедиться, что с ней все в порядке. Можно мне идти?

— Юрий Витальевич, мне в голову пришла одна мысль, — негромко обратился Константин Александрович к коллеге. — Говорите, он мог вернуться, чтобы закончить начатое?

Профессор Афанасьев метнул на Одинцова быстрый взгляд. Его лицо с отпечатками давних морщин внезапно стало мрачным. Они поняли друг друга.

— Кристина, — услышала я его хриплый голос. — Где сейчас ваш друг Андрей Сажнев?

— Надеюсь, там же, где и Настя, — сказала я. Меня злил этот бессмысленный разговор. Утекало драгоценное время, и от этого я нервничала еще сильнее.

— Она написала ему, что с ней что-то случилось на белом заводе, и он поехал к ней.

— Белый завод, — Афанасьев приложил руки к лицу и с силой провел по линии лба, словно пытаясь избавиться от него.

— Что все это значит? — спросила я, понимая, что они не просто так интересуются судьбой Андрея.

— У вас счастливый день, — ответил мне Одинцов. — Я подвезу вас до завода. Выйдет быстрее.

Мы покинули институт и направились во внутренний двор. Впереди всех шел Константин Александрович. Сзади, орудуя своей тростью не хуже, чем это мог бы сделать

старина Гендальф, не отставал Юрий Витальевич. Позади всех шла я. Мы приблизились к стоящей во дворе машине Одинцова. Как я уже говорила, в машинах разбираюсь очень плохо. С того момента ничего не поменялось, и я по-прежнему не могла опередить, на чем именно разъезжает наш профессор анатомии. Однако его автомобиль выглядел нереально круто. На языке уже вертелась колкость про маленькие зарплаты преподавателей, но я удержалась и промолчала.

Едва мы сели в салон, Константин Александрович завел мотор и стал выезжать. Я сидела сзади. Лица преподавателей выглядели хмурыми, а я всегда боялась мужчин с такими лицами. Однако все же рискнула задавать вопросы.

— Кто-то расскажет мне, в чем дело? — начала я.

— Что вас интересует? — проскрипел Афанасьев.

— Почему вы мне помогаете?

— Я объясню, и вам станет понятней, — вмешался Одинцов. — Дело в том, что гораздо безопасней держать вас в поле зрения. Ведь вы бы все равно отправились на завод, не так ли? Наше чуткое руководство предостережет вас от совершения глупостей, которые вы намерены сделать. Это понятно?

— Я поняла только то, что выставляете меня непроходимой дурой.

— Отнюдь, — покачал головой Одинцов. — В этой истории у вас главные лавры. Хоть вы пока об этом и не догадываетесь.

Я разозлилась. Константин Александрович держался невозмутимо и как всегда немного посмеивался.

— В искусстве пикировки вам нет равных, — вспыхнула я. — А вы, Юрий Витальевич опять рассказали мне не все?

— Какой неприятный пасквиль на мою голову, — заметил профессор, хоть разыграть досаду у него не вышло. — В тот вечер я сам не знал большего. Дело в том, что о смерти заведующего тем отделением я узнал довольно скоро, почти тем же утром. Надо же, убийство врача в собственном кабинете!

— Громкое дело! — проговорил Одинцов. Он гнал машину так быстро, что я не успевала прочесть надписей ни на одном рекламном щиту.

— Оглушительное, я бы сказал! — подтвердил Афанасьев. — Я стал думать, случайность ли это? Ведь он был лечащим врачом Вари. В итоге я пришел к выводу, что не у всех деревьев одни корни. А потом вы рассказали мне о еще одном сыне Вари. Сперва этот факт меня не тронул. Что ж удивительного, если молодая привлекательная женщина и врач состояли в связи? Я мог предположить это. Видно, Краснов был хорошим человеком, приводил потом мальчика к матери. Одним словом, старался помочь. Кому могло понадобиться убивать такого святошу? А потом эта фотография в читальном зале...

— Пугающее, должно быть, зрелище, — проговори Одинцов, и мы молча согласились с этим высказыванием. Я еще не забыла серый с помехами экран, возникший из темноты зала.

— Кто-то нарочно пытался вернуть нас к событиям того времени, когда все мы были молоды, — продолжал Афанасьев. — Когда случилось несчастье с Варей. Очевидно, что история вышла за пределы доверенных лиц. Но кто мог узнать? Ни я, ни Света, ни Лида, — мы не стали бы никому рассказывать об этом. Кормышов не в счет, он ничего не знает. Варя — надежно заперта. Так кто же был настолько неуловим, что воспользовался доверием врача, убил его и остался непойманным? Кто так умен и изворотлив, что отключил свет, сделал снимок и прислал его нам? Кто узнал обо всем?

Я поразились выводам, к которым меня подводил Юрий Витальевич

— Второй сын Вари?! — пораженно спросила я.

— Невероятно, правда? — у Афанасьева даже получилось усмехнуться.

— С чего вы это взяли? — не понимала я. — Думаете, он убил родного отца?

В зеркале я заметила, как рот Одинцова скривился в усмешке, а Юрий Витальевич покачал головой.

— Кристина, ваше изумление по этому поводу можно объяснить только молодостью и отсутствием какого-либо жизненного опыта, — вздохнул последний. — Не забывайте, кем был этот мальчик. Сыном женщины, что сошла с ума. Тесное общение с матерью явно не пошло ему на пользу.

То ли история была слишком запутанной, то ли логика на сегодня оставила меня.

— Я все равно не понимаю.

— Все эти дни я думал о вашем рассказе, — продолжал Афанасьев, не удивленный моим вопросом. — И мне пришла в голову мысль узнать о сыне Вари хоть что-то. Мальчик наверняка носил фамилию отца. Тот факт, что в определенном возрасте он перестал навещать мать, могло говорить, что его отдали учиться или увезли отсюда. Пришлось сделать несколько звонков, прежде, чем я нашел знающих людей. Оказалось, что мальчик в самом деле существовал и по документам являлся сыном Краснова. Его называли Сережей. Мальчика отослали учиться в Москву, в пансион Ломоносова. Затем он продолжил обучением в самом МГУ. У парня были успехи по всем фронтам. Потом устроился на работу, долгое время жил то в общежитии, то на съемной квартире. Последние пять лет поселился в Подмосковье. За квартиру всегда платил вперед. И вот примерно месяц назад хозяйка несколько дней не могли ему дозвониться. Пришли в квартиру, а там пусто. Решили, что-то стряслось, и написали заявление в полицию о пропаже человека. Сергея Краснова до сих пор разыскивают, но пока не преуспели.

— По-вашему, он вернулся в наш город, чтобы убить отца? — я пыталась понять, как связаны между собой все эти события. Но ответ Афанасьева ошеломил меня.

— Он вернулся, чтобы убить Андрея.

— Господи! — я едва не потеряла дар речи. — Да зачем ему это?!

— Ах, да. Я в самом деле кое-что забыл вам рассказать, — Юрий Витальевич безмятежно посматривал в окно. Профессор Одинцов наслаждался этим моментом, ведь он уже все знал, и мое изумленное лицо забавляло его.

— Андрей — внук Вари, — спокойной пояснил профессор латыни, и мне показалось, что рядом со мной взорвался снаряд. — И сын того ребенка, которого Варя пыталась убить в момент приступа.

Это не укладывалось в голове. Одна новость за другой, — голова сейчас взорвется.

— Чего?!

— Видно, Сергей решил закончить миссию матери, — продолжал Афанасьев, не давая мне опомниться. — Разузнал все про него, похитил Настю и заманил таким образом парня на белый завод.

— Но вместо Андрея должен погибнуть его отец! При чем здесь он?

— Этого я не знаю. Может, у них более глобальный план, и они хотят убить и отца, и сына. — пожал плечами Афанасьев. — К тому же, мы не в курсе, что с отцом Андрея. Не исключено, что Сергей уже поработал с ним... Да и неважно это. Мы остановим Краснова, и он получит пожизненное место рядом с матерью. Я об этом позабочусь.

Я снова вспомнила мрачную фигуру на снимке Алины, наблюдающую в дверях за нами. Наблюдающую... Неужели в тот вечер это был Краснов? А мы так безмятежно гуляли там, не обращая ни на что внимания! Этот человек и в правду очень умен и опасен. К тому же, безумец. Он выследил Алину до двери и подкинул ей брелок. Зачем? Просто пошутить? Или на мою подругу у него тоже есть какие-то планы? А потом это фото в доме Андрея. Фото его отца. Теперь стало ясно, что Сергей подкинул его с каким-то умыслом. Но что оно означало?

— А что, если и Варя, и Сергей думают, что Андрей — это его отец? — вдруг проговорила я. Одинцов сомнительно вскинул бровь, а Юрий Витальевич непонимающе обернулся ко мне.

— Как это? — спросил Афанасьев.

— Когда ребята в первый раз приехали в диспансер на занятия, у них там произошел странный инцидент, — вспомнила я. — Остапова... То есть, Варя, увидела Андрея и набросилась на него...

— Да, конечно, я помню об этом! — воскликнул Юрий Витальевич. — Из больницы позвонили в директорат, и новость о нападении распространилась между преподавательским составом. Я тогда еще не понял, из-за чего это все.

— Выходит, она знала, как примерно выглядит ее сын, — протянул Одинцов. Пошел мелкий дождь, и он включил дворники. Мы уже покидали город и вскоре должны были оказаться у белого завода. — Потом увидела Андрея и подумала, что это он и есть. Ведь для нее понятия времени не существует. В момент приступа ее мозг соединяет все сведения в одной точке. Допустим, наш заведующий отдал ей фото сына, она сохранила его и сейчас показала Сергею. Тот решил, что речь об Андрее, ведь должен же он походить на отца. Им ведь невдомек, что прошло больше полувека.

— В воскресенье к Андрею вломились на квартиру и подбросили фото его отца в молодости, — проговорила я. Юрий Витальевич медленно закивал головой, и все мы замолчали. Мы все поняли, что это был еще один знак от нашего не в меру умного приятеля. Но мы оказались слишком слепы, чтоб рассмотреть их. Мы были слабыми соперниками.

Одинцов приглушил мотор, и машина остановилась на окраине леса, предварявшего белый завод.

— Дальше придется прогуляться, — заметил Константин Александрович. Следующее, что он сделал, поразило меня. Прямо как в фильмах, он открыл бардачок и достал оттуда пистолет!

— Офигеть! — вырвалось у меня. — Вы что собираетесь делать?

— А что это, по-вашему? — невозмутимо спросил Одинцов, повертев в руках оружие. Он держал его крепкой хваткой, по которой угадывалось мастерское владение данной штуковиной.

— Пистолет, — проговорила я, наблюдая, как он исчезает за поясом Константина Александровича. — И явно не клеевой.

— Вот видите, как все просто, — продолжал он. — Дальше додумаете сами?

Он вылез из машины, и я, спохватившись, выскользнула следом.

— Куда?! — донесся до меня голос Афанасьева, который я прихлопнула дверцей. Профессор анатомии увидел, что я вышла, и недоуменно посмотрел на меня.

— Можно поинтересоваться, для чего вы покинули салон? — спросил Константин Александрович. Мое поведение невообразимо раздражало его. Казалось, будь его воля, он с удовольствием зарядил бы в меня каким-нибудь внезапным наркотом.

— Я пойду с вами!

Одинцов прыснул от смеха

— Вы с ума сошли? — спросил он.

— Там моя подруга, я хочу помочь, — не так-то просто было уговорить меня.

— Пользы от вас нет, сядьте в машину, или я сам вас посажу туда, — грозно сказал Константин Александрович. Мне стало страшно вступать с ним в спор и терять время. Поэтому я сделала обиженный вид и села обратно в машину, нарочито громко хлопнув дверью. Это сработало, и Одинцов быстрыми шагами направился к белому заводу.

— Думаете, он его пристрелит? — спросила я.

— Смотря как все обернется, — уклончиво ответил Юрий Витальевич.

— А нам не надо вызвать полицию там или еще кого-нибудь?

— Полицию, скорую, пожарников, — пробормотал профессор латыни. — Вызовем всех этих господ позже, когда все решится.

Одинцов скрылся из вида минут семь назад. Сейчас он уже наверняка зашел внутрь завода. Значит, могу выйти и я.

— Ладно, — быстро и беззаботно сказала я. — Счастливого дня!

Я выпорхнула из машины и краем глаза видела, как Юрий Витальевич закопошился в кресле. Он стучал по стеклу, хватал трость, потом даже открыл дверь, но я бежала к заводу и ничего не слышала. Я знала, что Афанасьев со своей больной ногой не сунется за мной. К тому же, даже если попробует, у него уйдет полдня, чтобы добраться сквозь лес до завода. Вскоре деревья передо мной расступились, и я снова увидела мрачноватое здание белого завода. Битое косыми струями осеннего дождя, оно по-прежнему искоса смотрело на меня сквозь огромные бреши. Этот взгляд мертвого завода давил на грудь, мешая дышать. Я знала, что внутри это существо держит моих друзей. Несложно было представить, что завод играет на стороне Краснова.

Отбросив пугающие меня мысли, я смело двинулась к заводу и проникла внутрь так же, как мы проходили сюда с Алиной. И снова густая тьма с проблесками далекого света. Я замерла и прислушалась.

Сперва здание завода молчало. Я вспомнила, какой хороший вечер окутывал город, когда мы были здесь с Алиной. А сейчас шуршащий дождь смазывал все краски мира в одно пятно, ложившееся лужами под ноги, и я как никогда ощутила одиночество человеческой души.

Мне не удавалось расслышать ничего особенного. Мешал дождь и глухой звук, который издавал ветер, сталкиваясь со стенами. Я стала тихо подниматься на второй этаж и смогла уловить чьи-то голоса. Слов не разобрать, но там точно кто-то есть. Я поднялась по лестнице, прошла до коридора и, прислонившись к одной из стен, спряталась в ее тени. Бетонный пол скрадывал мои шаги, и я стала медленно продвигаться ближе к дверному проему. Из этой тени мне виднелась примерно половина зала. С тревогой я увидела своих друзей, Андрея и Настю. Они оба сидели на каких-то больших камнях, которых раньше тут не было. Краснов явно подготовился и притащил эти обломки сюда специально. Руки ребят были связаны. Сергей прохаживался вдоль зала, и порой мне удавалось увидеть его фигуру, оказывающуюся в поле зрения. С виду это был обычный мужчина, примерно одного возраста с моим отцом. Худой, с высокими затылками на висках, а кожа такая бледная, что казалось,

будто она светится в полумраке. Я не могла слышать, что он говорит ребятам. Его лицо выглядело смеющимся, но каким-то изнуренным, нездоровым. Болезнь ума оставила свои следы на этом человеке, и мне отчасти было жаль того, что с ним произошло. Краснов явно не в себе, и может совершить любой поступок. А я стою здесь, и мне совершенно нечем помочь ребятам. Куда, интересно, запропастился Одинцов? Тоже сидит в засаде?

Я решила вернуться на улицу, найти какой-нибудь острый булыжник, выманить отсюда Краснова и увести его подальше от ребят. Подальше от цели, Андрея. Я сделала несколько шагов к лестнице, все еще держась в густой тени коридора. Мне почти удалось уйти, но внезапно зазвонил мой телефон. Рупор стен усилил этот и без того пронзительный звук, и я с замиранием сердца поняла, что все пропало.

— Да чтоб тебя! — прозвучал над моим ухом голос Константина Александровича, что напугало меня еще больше. Так вот где был профессор, прятался в одной из маленьких комнаток коридора.

Сергей, конечно же, услышал звонок. Он перестал перемещаться по залу и крикнул ребятам:

— Кто там еще с вами?!

— Мы не знаем, — мрачно ответил Андрей, пытаясь сохранить самообладание. Тогда Сергей выхватил из-за пояса пистолет, схватил Настю и направил оружие на нее.

— Немедленно выходи, или, клянусь, я пристрелю ее! — крикнул он в мою сторону. Голос его срывался, точно сгорающий деревянный мост.

— Иди вниз, — властным шепотом приказал Одинцов. — Я разберусь.

— Вызовите милицию, — попросила я.

— Уже, — коротко бросил Константин Александрович. — Делай, что тебе говорят.

— Обязательно! — кивнула я, даже не собираясь выполнять указания профессора. Если Одинцов решит выстрелить, — предположим, он умеет это делать, — то Настя все равно будет в опасности. Краснов может и убить ее ненароком. Поэтому я стремительно вошла в зал, как он и просил.

— Кристина! — крикнула Настя, явно не понимая, как я здесь оказалась.

— Не волнуйся, все будет хорошо! — попыталась я успокоить подругу. Сергей крепко держал ее, и в глазах этого человека таилось безумное пламя.

— Ты одна? — спросил Краснов у меня, и на этот раз его голос был грубым. На мой утвердительный кивок он ответил нечеловеческим оскалом.

— Неужели, — проговорил он. — Дай сюда игрушку!

Я подошла к нему протянула телефон. Тогда Краснов мощным движением толкнул Настю обратно на камни, а потом направил оружие на меня. Когда Сергей забирал мой телефон себе, пистолет оказался очень близко от головы. Я скосила глаза как могла и зачем-то рассматривала дуло. Черная пропасть, в которой моя смерть.

Краснов открыл чехол и посмотрел на пропущенный вызов.

— Твой дружок Максим звонил нам, — проговорил он, и я поняла, что он досконально изучил нашу компанию. — Как это мило... Теперь сядь к ним и не вздумай что-то выкинуть! Я легко убью любого из вас.

Сомнений в последнем высказывании быть не могло. Я переглянулась с Андреем и Настей, которые, конечно же, не понимали, в чем дело.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— Но ты ведь это уже знаешь, не так ли, Кристина? — с безумной усмешкой

поинтересовался Краснов. Моих друзей снова изумило то, что психопат знает мое имя.

— Я ведь оставлял столько подсказок всем, кто когда-то знал мою мать, — протянул Сергей. — Я оставлял знаки и тебе. Мне показалось это справедливым. Ведь ты хотела знать, что произошло. Но что же? Мои старания были напрасны. Разве кто-то из вас понял меня?

— Лучше, чем ты думаешь, — сказал я. — Мы не только узнали твой план, но нашли в нем существенный пробел. Ты ошибся.

Краснову не понравились мои слова. Сейчас он напомнил капризного ребенка, которого лишили сладостей.

— Что ты говоришь, глупая? — скривился он. — Я никогда не ошибаюсь!

— Ты ошибся, — спокойно повторила я. — Ты нашел не того человека.

— О чем ты? — всхлипнула рядом Настя, и в ее голосе послышался ужас.

— И что, черт возьми, это значит?! — раздраженно засмеялся Краснов.

— Андрей — не твой брат, — подытожила я, не успевая отбиваться от пораженных взглядов друзей. — Посмотри на него и подумай! Он слишком молод! Это не тот человек!

— Он человек с фотографии! — в ярости закричал Краснов.

— Да нет же! — не сдавалась я. — Подумай! Это же так легко для человека, взломавшего компы в универе! Или для человека, убившего своего отца!

— Хватит! — рявкнул Сергей. — Замолчи! Замолчи! Замолчи!

Он бросился к нам, и мне стало невероятно страшно. Я зажмурилась, ожидая удара, но он его не последовало. Рядом с моим лицом послышался идиотский и одновременно пугающий смех. Хохоча, Сергей отодвинулся от меня и стал играть пистолетом.

— Тот или не тот, — принялся напевать он. — Осторожно, девочка! Я решаю, поняла? И я говорю, что он тот, кто нужен матери... А будешь встречать, сдохнешь сразу после него!

Последнюю фразу он снова проорал, и мне захотелось прикрыть уши руками. Настя тихо всхлипнула. Где же Константин Александрович? Чего он ждет?!

Краснов тем временем отошёл во мрак завода и притащил оттуда большую сумку. Он все делал одной рукой, — в другой крепко держал пистолет. Из сумки он достал складной нож и бросил его на пол. За ним следом он вытащил листок бумаги, и я узнала на нем символ, который уже видела. В подсобке универа. В этой проклятой подсобке.

Очевидно, перед убийством Андрея Сергей собирается немного приукрасить его телс татуировкой. Он собирается сделать то, что хотела совершить Варя много лет назад. Умы этих людей, тронутых безумием, были одержимы одной идеей. С тревогой я взглянула на Сажнева, и тот, словно заподозрив что-то, ответил мне взглядом ужаса.

— Значит, вот так запросто убьешь своего племянника и побежишь хвалиться мамочке? — не выдержав, спросила я.

— Пле... Племянника?! — переспросил Сажнев. Скорее всего, в тот момент он подумал, что у меня тоже поехала крыша.

— Не слушай свою подругу, Андрей, — благодушно сказал Сергей. — Нам с тобой ни к чему эти подробности. Я не сторонник долгих разговоров, да и ты мне не враг. Так хочет мама, я не могу подвести ее. У меня больше никого нет... Обещаю сделать все быстро.

Сажнев держался молодцом. Он ничего не понимал и дрожал от страха, но стискивал зубы, чтобы не рыдать от нервного напряжения. Внезапно с другой стороны зала послышался какой-то шорох. Сергей взглянул туда и криво усмехнулся. Я тоже посмотрела в ту сторону и увидела уже знакомую картину. Казалось, перед моими глазами ожило фото, сделанное Алиной. Тот же темный фон, те же светлые просветы дальних дверей.

— Похоже, кто-то заглянул к нам в гости, — прогудел Краснов. — Максим, если это ты, то не смущайся, заходи смело, здесь не хватает только тебя.

Я не понимала, каким образом Максим мог оказаться здесь. Или он, как и я, беспокоился за друга и решил проверить, как обстоят дела? Мне вдруг представилось, что там стоит Юрий Витальевич. От картины того, как он пробирается через развалины завода, жестикулируя своей тростью, мне стало немного весело. По счастью, этого никто не заметил.

— Он думает, что спрячется там? — спросил Сергей у всех нас. — Я торчу здесь около месяца и прекрасно изучил все выходы.

И вот его тон снова поменялся, и он заорал:

— Выходи!

В следующую секунду он резко бросился к нам, вытянув руки вперед. Ему надо было схватить кого-то, все равно кого. Скорее всего, досталось бы мне, потому что я сидела в центре. Но Андрей, поднявшись, сам бросился в руки Краснову, спасая меня.

— Живо! — продолжал орать Сергей, вцепившись в рукав Андрея и угрожая ему пистолетом. Но, пока все его внимание было сосредоточено в одном месте, у входа в зал, спиной к которому стоял Сергей, появился Одинцов. Он двигался бесшумно. Свет упал на его фигуру, как-то по-особенному зловеще выделяя глаза и заострившиеся скулы. Настя увидела преподавателя, и ее лицо исказила гримаса непонимания и усталости. Слишком много событий уже произошло, и появление профессора анатомии здесь казалось невероятным. Лебедева хотел что-то крикнуть, но я предупредила ее едва заметным кивком головы. Одинцову нужно всего несколько секунд, и все закончится. Никто не должен ему помешать.

Все произошло стремительно и нервно. Константин Александрович вскинул пистолет, снял предохранитель, и все мы чудом не оглохли от звука выстрела. Я прикрыла веки, надеясь, что профессор не промахнулся, иначе Андрей умрет. Да и что стоит Краснову спустить курок уже будучи раненным? Хладнокровие Одинцова поражало меня. Неужели не мог выбрать момент, когда никто из нас не был на прицеле у психопата?! Мысль, что на месте Андрея сейчас могла бы стоять я, окончательно добила меня.

Но Одинцову все удалось. Он не промахнулся. Его выстрел задел плечо Сергея, и рука, держащая пистолет, ослабила хватку. Сажнев, еще не понимая до конца, что произошло, рванулся в сторону. Казалось, все позади, но боль Сергея была не настолько сильной, как одержимость ужасающей идеей убить парня. Он перехватил пистолет в другую руку и прицелился.

— Андрей, осторожно! — успела закричать я. Уровень адреналина в моей крови наверняка зашкаливал. Я не могла успокоиться оттого, что имею возможность только наблюдать. Мне нечем помочь ни Андрею, ни профессору. Словно я сижу удивленным зрителем на спектакле, лишенном сценария.

Сергей не мог промахнуться с такого расстояния, хоть он и собирался стрелять левой рукой. Свитер на раненном плече уже размокал от струившейся крови, и я по-идиотски вспоминала, какие артерии там проходят.

Одинцов выстрелил снова, и пуля угодила в голень. Краснов упал на бетонный пол завод, а следом раздался еще один выстрел. Его сделал падающий Сергей, но теперь уже точно никого не задел, кроме полуразрушенных сводов. Пальцы Краснова ослабли, он выронил пистолет, и мы услышали нечеловеческий крик. Вой раненного зверя. Пугающий

звук, почему-то вызывающий жалость.

Андрей был напуган и зол. Зрачки его глаз невообразимо расширились, а дыхание такое, будто он пробежал стометровку. В состоянии шока он накинулся на Краснова, ногой пнул пистолет, отлетевший куда-то в темноту, и принялся бить Сергея. Он наносил удары с такой яростью, что мне стало страшно. Он же убьет его! Но Константин Александрович уже подбежал к ним и одним движением оттащил Андрея. Мне удалось схватить парня за плечо и удержать какое-то время рядом. Потом это уже не требовалось, Сажнев пришел в себя, и краем глаза я видела его медленно сползшую на пол фигуру.

Профессор продолжал наводить порядок. В несколько движений он перевернул Краснова на живот. Тот кричал от боли и нервного потрясения, которое напрочь сломило сохранившуюся в нем частицу разума. Но лицо Константина Александровича оставалось беспристрастным. Ему не было жаль этого человека. Для него это — просто тело.

Наконец, я увидела того, кто прятался за другой дверью зала. К нам, задыхаясь, приближался Юрий Витальевич. Переход дался ему с трудом, и лицо этого бодрящегося старика потеряло сейчас все краски жизни.

— Решили прогуляться? — невозмутимо спросил у него Одинцов.

— Вышел из машины и заблудился, — пробормотал Афанасьев. — Вот он, голубчик...

С этими словами Афанасьев скорбно вглядывался в корчившуюся на полу фигуру Сергея. Мне почудилось, что глаза Юрия Витальевича блеснули от выступивших слез. Моя подруга все еще сидела на камнях, ошеломленная и до смерти испуганная. Я бросилась к ней, развязала ее руки и пыталась поговорить. Но девушка ничего не отвечала, только рыдала, и я прижала ее голову к себе. Что делать дальше, было непонятно. Но тут через тот же проход, которым вошли сюда мы с профессором Одинцовым, ворвалось четверо человек в милицейской форме.

— Всем оставаться на местах и не двигаться! — крикнул тот, что стоял впереди остальных. Мы замерли, не успевая толком понять, от кого исходит приказ. Милиционеры тем временем осматривали обстановку и явно не понимали, кто именно здесь главный злодей.

— Откуда здесь эти клоуны? — пробормотал Константин Александрович, закатив глаза.

— Вы же сами сказали, что вызвали их, — напомнила я.

— Я соврал, — бросил Одинцов. На мой уничтожающий взгляд он не обратил внимания. В следующий момент в зал вошел Максим.

— Теперь понятно, кто такой шустрый, — снова буркнул Одинцов. Полицейские переглядывались между собой, а потом тот, что был главным, решил не ломать больше голову.

— Так, все подняли руки! А ты, — он кивнул на Максима, — объясняй, что здесь творится.

Вся наша компания послушно подняла руки вверх. Константин Александрович отошел на шаг назад от Краснова.

— Я понятия не имею, — признался Давыдов. — Но тот тип на полу явно плохой парень.

Полицейский смерил Максима взглядом, а потом указал на Афанасьева.

— Старик тоже поднял руки! — потребовал он.

— Повежливее, пожалуйста, это наш профессор, — напомнил Максим.

— Пацан, ты мне надоел, ну-ка выметайся, — скомандовал жандарм и отдал приказ

своим подчиненным. — Выведите всех из здания, а этого, который на полу, в наручники... И руки могут опустить. Что за чертовщина здесь?..

С этими словами полицейские вытолкали Максима на улицу, а потом и всех нас.

Небо было свинцовым и тусклым, и на его мутной поверхности гнездились смятые облака. Самая унылая погода. Хуже, пожалуй, только ветреный зимний день, когда в трубах просыпаются духи, а от мороза стынут мысли и кровь. События нынешнего дня вспоминались как страшная кинолента, и я силилась понять, было ли это на самом деле. Казалось, мои чувства затаились в потаенных уголках обожженной души, и ничто не сумеет затронуть их. Это был мрачный день, когда мне впервые угрожали оружием, а друзей чуть не убили на глазах, особенно Андрея. Я думала, мне требуется долгий сон. Такой долгий, что эти события сольются с ним и изгладятся из памяти.

Но сегодня я узнала не только то, как судьба может жестоко обойтись с человеческой жизнью и разумом. Мне удалось постичь безграничную, невероятную силу души и ее способность любить.

Вокруг завода стояло пять полицейских машин, и красно-синий свет мигалок выбрасывал вдаль свои прерывистые лучи. Юрий Витальевич, опираясь на трость, что невольно рыхлила мягкую землю, беседовал со следователем. Рядом, заложив руки в карманы брюк, стоял Одинцов и курил сигарету, глубокими затяжками впуская в себя серебристый дым. Настя и Андрей сели в одну из полицейских машин, которая вскоре уехала, проложив в редкой пожухлой траве грязные колеи.

Покинув завод, я увидела высокую фигуру Максима, стоявшую вблизи полицейской машины. Ветер растрепал его светлые волосы и полы черного пальто, в котором он когда-то ждал меня в парке. Это воспоминание казалось теперь таким затерянным и вместе с тем очень теплым, возникшим родом из столь безмятежных дней. Темные глаза Давыдова напряженно и остро всматривались в каждого, кто выходил из стен старого бетонного завода. Стоило ему увидеть меня, как он стремительно двинулся вперед, преодолевая заполненное голосами расстояние, и я почувствовала в груди свое сердце. Невероятно отчетливо я помню этот миг, когда Максим шел ко мне сквозь время и дождь, и каждый его шаг будто завершал долгий путь между нами, который мне следовало пройти еще давно.

Он обнял меня. Крепко и без слов. Его руки обожгли мне плечи. Дождь постепенно превращался в ливень, который намочил нам глаза и души. Когда же рядом раздалось извечное вежливое покашливание Одинцова, я с трудом отняла свое лицо от свитера Максима.

— Давыдов, у вас, вероятно, отключили дома воду, а потому вы намерены принять душ прямо здесь? — холодно поинтересовался он.

— Я намерен обнять свою девушку, — ответил Максим, правой ладонью стирая с лица бегущие капли воды. — Вы не могли бы перестать быть таким занудой и исчезнуть?

Мне не удалось сдержать смех. Константин Александрович явно решил, что у меня не все в порядке с головой в связи с произошедшим, а потому я избежала его беспощадных колкостей.

— Сил нет смотреть на то, как вы пытаетесь промокнуть и заболеть, — продолжал профессор анатомии. — У меня очень строгие отработки, это я к вам обращаюсь, Кристина. Пропусков я не потерплю.

— Меня чуть не пристрелил чертов псих, — отметила я. — Так что перестаньте быть злодеем хотя бы сегодня.

— Мне за это не платят, — пробормотал профессор и великодушно добавил: — Можете сесть в мою машину. Антураж там, конечно, не такой, как рядом с гниющей бетонной стеной и тропическим ливнем, но вы переживете это.

— Спасибо, Константин Александрович, — улыбнулся Максим. — А мы точно можем уезжать?

— Юрий Витальевич говорил со следователем, — ответил профессор. — Он предлагал поехать вам в участок и дать показания. Но я сразу понял, что с ним что-то не так. Толи сдурел от этой работы, толи природный дефект, поэтому я собираюсь отвезти вас домой.

Я увидела сгорбленную фигуру Юрия Витальевича, который медленно приближался к машине Одинцова. Стерев с лица струи воды, он неловко забрался на переднее сиденье, и сквозь запотевшее стекло проглядывалась его усталая поникшая голова. Ему тоже сегодня крепко досталось. История прошлого чуть не повторилась снова, а он больше не юноша, а древний старик, которому неподвластно что-то изменить. В этот день он оставался обеспокоенным зрителем, разбитым и слабым. Мы с Максимом забрались на заднее сиденье машины, но никто из нас не нарушил тишину внутри нее.

Мимо проезжала полицейский автомобиль, и за его стеклом, чуть запотевшим изнутри, виднелся силуэт Сергея. Афанасьев не смог оторвать от него жадного взгляда, тщетно стараясь рассмотреть в чертах лица Краснова чудовищную силу, с которой судьба наложила мрачную печать на эту семью. В глазах Сергея алыми огоньками тлело безумие, и эти болезненные угли пробуждали в нас бессильный страх. Я отвернулась и увидела лицо Максима. Оно было совсем близко от меня. Давыдов ободряюще улыбнулся своей улыбкой, теплой и нежной, от которой тревога отступала так же, как дикий зверь от раскаленного металла.

Одинцов стоял рядом с машиной, и его задумчивый взгляд неотрывно следил за снующими по территории завода полицейскими. Сигарета, зажатая между его пальцев, вспыхивала крошечными огоньками, источая струйки тонкого густого дыма. Когда профессор швырнул окурок на траву, ладони дождя мягко накрыли его и потушили подрагивающие искры. Константин Александрович направился к машине. Резким движением он открыл дверцу и, устроившись за рулем, наполнил салон запахом леса и глубокой осени, что плотно устроились за воротником его плаща. По лобовому стеклу заскользили дворники. День стремительно темнел, встречая вечер.

Я сказала свой адрес, и Константин Александрович повел автомобиль по блестящей серой дороге. Отдаленные огни города встречали нас как старых друзей, и влажные листья сами слетались под колеса. Один из них дерзким и порывистым поцелуем коснулся лобового стекла, но дворники, чей черствый и глухой механизм еще работал, грубо смели это короткое письмо от осени.

Машина Одинцова заехала в мой двор и остановилась у подъезда. Этот безумный день заканчивался, и нам всем нужно было попрощаться.

— Спасибо, — сказала я, обращаясь к обоим преподавателям. — Спасибо, что всех спасли.

Константин Александрович усмехнулся на это краем рта.

— Спасибо и вам, — кивнул он, — за то, что вовремя заглянули к нам на огонек.

Мы с Максимом вышли на улицу и заметили, что Юрий Витальевич не остался на своем

месте. Взяв трость, он неуклюже выбрался из машины, окунувшись в плотный уличный сумрак.

— Поднимусь с вами, — коротко бросил он, и никому из нас не пришло в голову спрашивать его о причинах. Когда же я отворила дверь своим ключом, все стало очевидно. В квартире царствовала тишина. Сперва я уловила знакомый запах пряностей и доброты, а на вешалке в прихожей показалось драповое пальто бабушки. В следующий миг ее фигура, сухая и хрупкая, показалась в коридоре, и она, охваченная волнением, крепко прижала меня к себе. Ее глаза украсили слезы. В какой момент Юрий Витальевич успел сообщить бабушке о событиях, разворачивающихся в катакомбах старого завода, я не знала, но все переживания бабушки были написаны на ее добром лице.

— Все хорошо, бабуль, — успокаивающе бормотала я. — Давно надо было рассказать тебе...

— Это мне надо было рассказать тебе все, — произнесла бабушка, и ее теплые руки перебирали мои волосы.

— Да ничего, теперь я уже и сама все узнала, — заявила я, и все засмеялись. Взгляды Юрия Витальевича и бабушки пересеклись. Мой дотошный преподаватель латыни пришел вовсе не для того, чтобы проводить меня до двери. Кажется, впервые с момента нашего знакомства я уловила в его прозрачных глазах теплоту человеческого сердца.

— Ладно, бабуль, я пойду к себе, а у тебя, похоже, время важных переговоров, — я подмигнула бабушке, и мы с Максимом скрылись в глубине квартиры. Юрий Витальевич замешкался, так неожиданно оставшись с бабушкой в узком коридоре. Пару раз он пытался выронить трость и вообще чувствовал себя глупо. Бабушка тоже молчала. Не знаю, сколько времени они не виделись, но Афанасьев наконец сделал к ней несколько шагов и вновь встретил ее взгляд. Она улыбнулась.

— Выпьешь со мной чаю? — спросила бабушка, указав в сторону кухни.

— С тобой — обязательно! — нервничая, засмеялся старый профессор. Он коснулся бабушкиных рук, а потом неловко обнял ее за плечи. Было заметно по всем его жестам, что этот человек уже давно отвык от объятий.

— Светка, — прошептал он, и эти двое словно потерялись во времени. Афанасьев снова стал беспечным двадцатилетним юношей, обнимающим свою подругу. Вдвоем они просидели на кухне весь вечер, и тихий смех, и шорох дружеской беседы смешались с кухонным воздухом.

Мама допоздна задерживалась в школе, готовясь к завтрашним урокам, поэтому отец пришел с работы раньше нее. Он не сразу обнаружил на кухне засидевшуюся парочку.

— Привет, молодежь! — весело поздоровался он, хоть и был удивлен.

— Добрый вечер, — произнёс Юрий Витальевич, который вновь оказался смущен. Опираясь на трость, он поднялся и оправил расстегнутый черный пиджак.

— Я преподаватель Кристины из института, — представился Афанасьев и протянул отцу свою жилистую руку, сквозь морщины которой проглядывали синие вены.

— Ой-ой, — отец сделал испуганный вид, а потом добродушно засмеялся и пожал профессору руку. — Кажется, моя девочка что-то натворила...

— Нет, что вы, — махнул рукой Юрий Витальевич. — Кристина... кгхм... отлично справляется с нагрузкой... Я здесь просто так. По-дружески...

Бабушка все это время изучала взглядом поверхность стола. Почему-то она казалась себе нелепой, как и эта встреча со старым другом. Но вот странность, несмотря на свои

мысли, которые осуждающими хлопьями падали на плечи, она улыбалась. Взглянув на нее, отец заметил, что она будто помолодела, и сам не смог удержать улыбки. Молча он вышел из кухни и направился в мою комнату. Когда же он открыл дверь, его улыбка сменилась удивлением.

Мы с Максимом сидели на диване, в комнате с выключенным светом. На коленях Давыдова стоял ноутбук, и мы смотрели фильм, хотя я не могла уловить его сути. Да и не пыталась.

— Так, а вот и пенсионеры! — проговорил отец. Увидев его, Максим встрепенулся и, едва не уронив ноут на пол, подошел к отцу.

— Здравствуйте, — проговорил он, и они обменялись рукопожатием.

— Здравствуй, здравствуй, — кивал отец, переводя взгляд с меня на Максима.

— Мы фильм смотрим, — пояснил зачем-то Давыдов, и мне захотелось рассмеяться.

— Тогда вы не будете возражать, если я все же включу вам свет? — поинтересовался отец и нажал на выключатель.

— Папа, — с укором в голосе позвала я.

— Приятного просмотра, — отец был непреклонен, но ситуация его развеселила, тогда как меня она привела в смущение. Я чувствовала неловкость и тепло, разливающееся румянцем на моем лице. Давыдов беззвучно рассмеялся, проведя руками по светлым волосам.

— Как-то я раньше не замечал, что он такой строгий, — проговори парень.

— Не знаю, что это было, — пробормотала я, избегая взгляда Давыдова.

А папа услышал негромкий хлопок входной двери и, заглянув в опустевшую кухню, догадался, что бабушка и Юрий Витальевич ушли. Пожалуй, в окне он мог бы увидеть их силуэты, медленно бредущие вдоль домов. Но отец замер в прихожей. Он думал о том, что еще недавно был таким же юным, как мы с Максимом. А теперь и возраст Юрия Витальевича уже не кажется ему столь недостижимым. Время всегда играет с нами. Отец думал о том, насколько неумолим и стремителен его ход, которого никогда не заметить. И никогда не остановить.

Следующий день стал первым в моей жизни, когда я прогуляла занятия. Первым и одним из немногих, поскольку моя врожденная ответственность не позволяла подобных вольностей. Но сегодня ничего нельзя было поделаться. Как бы не старался будильник, его призывной тон не смог поднять меня с постели. Всю ночь я смотрела обрывочные серые сны, в которых кто-то неизменно кричал и просил о помощи. И у всех этих людей было лицо Сергея, обезумевшее и злое.

Около десяти утра я решила списаться с друзьями в интернете. Оказалось, что Настя и Андрей тоже остались сегодня дома. Это могло стать серьезной проблемой для нас, но мы все, похоже, надеялись на помощь наших профессоров, хоть те и не намекали на поблажки.

На сегодня я запланировала еще одно дело. Точнее, запланировала бабушка, а я не могла остаться в стороне. День выдался каким-то сказочным, будто природа пыталась загладить вину за вчерашний унылый дождь. Солнце высушило дороги и воздух, пронизывая город ярким светом и прохладой. Вдалеке неба, точно снисходительные наблюдатели, теснились серые и густые облака. Они-то знали, что солнцу не выиграть этот бой, как бы оно не старалось. Скоро придет зима, и этот день никак не отсрочит ее появление.

Широким шарфом я укрыла голову и шею, потуже затянула теплое пальто и вышла на улицу. Когда я подошла к бабушкиному подъезду, она уже ждала меня, как и машина такси, вызванная заблаговременно. Сегодня, спустя столько лет, бабушка наконец-то отважилась навестить свою подругу Варю, а я не могла отпустить ее одну. И вот, назвав таксисту нужный адрес, мы уже мчались к пансионату.

Как всегда, тишина этого места, отделенного от города, немного пугала городского человека, чей слух приноровился к постоянному шуму. Взглядом я спросила у бабушки, готова ли она, и бабушка кивнула.

— Пойдем, — проговорила она, словно это придало бы ей сил, и мы прошли сквозь ворота. На входе бабушка назвала имя пациентки, и нас пропустили. Не знаю, о чем были мысли бабушки, пока мы поднимались вверх, но я вспоминала о своей первой встрече с Варей. А вот и сестринский пост, за которым мне пришлось так нелепо прятаться от врачей. Сейчас там стояла медсестра и врач, и оба что-то высматривали в одном из бесчисленных журналов.

— Добрый день, — поздоровалась бабушка. Врач повернулся к нам, а медсестра продолжала изучать журнал. — Мы пришли к пациентке Остаповой. Ее можно увидеть?

Тут уже повернулась медсестра, и они с врачом переглянулись.

— Вы родственники? — спросил врач.

— Насколько мне известно, родственников у нее не было, — усмехнулась бабушка.

— Это верно, — кивнул врач, и его серьезное лицо тронула улыбка. — Да только тут у каждого второго их нет. А стоит человеку умереть, так они объявляются и начинают охоту за наследством, знаете ли...

Мы с бабушкой переглянулись.

— Подождите, что вы сказали? — переспросила бабушка.

— А вы не знали? — догадался врач и подошел ближе к нам. — Остапова умерла сегодня утром. Инсульт, знаете ли. Ничего не смогли сделать. Вы разве не поэтому здесь?

— Мы хотели повидаться, — пробормотала бабушка и опустилась на кушетку рядом с постом.

— Забавно, но к этой Остаповой никто не приезжал все это время, пока она здесь, — заметил врач. — Вы опоздали, мне очень жаль...

Я почувствовала в голосе врача скрытое негодование, и оно находило отклик в моей душе. Представляю, сколько таких смертей он видел здесь. Одинокие, брошенные старики, остающиеся здесь на долгие годы. И за все это время ни одного человека, пришедшего к ним чтобы просто поговорить. Я решила немного сгладить ситуацию и повернулась к врачу.

— Моя бабушка училась с Остаповой, и мы недавно узнали, что она здесь, — проговорила я. — Вот ведь как бывает, приехали, а она уже... Вы тело в морг отправили?

— Да, похороны проводит социальная служба, — кивнул врач, уже не так враждебно настроенный. — Хотите прийти?

— Конечно, — кивнула я, взглянув на бабушку, которую эта новость сломила. Все эти годы мысль о том, что где-то в психиатрическом диспансере доживает свои годы ее старая подруга, не покидала ее. Я не считала себя в праве спрашивать бабушку, почему же она все-таки ни разу и не пришла к Варе. И вот, решившись, бабушка застала лишь холодного врача и известия о похоронах.

— Все хорошо? — врач наклонился к бабушке, голова которой поникла.

— Да, только передохну немного, — пробормотала бабушка. Я положила ей руку на

плечо, и она слабо улыбнулась, словно говоря, что с ней и в самом деле все в порядке.

— Она умерла быстро, — добавил врач, будто пытаюсь успокоить бабушку. Он уже понял, что нам ничего не нужно. — Мгновенная смерть.

— Она ее заслужила, — кивнула бабушка. Это было правдой, мучений в жизни Вари хватило бы не на одного человека. Легкая смерть окупала хотя бы часть ее страданий.

— Чуть не забыл! — произнес врач. — Не знаю, нужно ли вам это. У Остаповой в палате были рисунки и что-то вроде дневника. Распространенное явление среди наших пациентов. Обычно мы выкидываем это после захоронения тела, так что могу отдать, если хотите.

— Большое спасибо, — кивнула я. Врач направился к ординаторской, и я последовала за ним, оставив бабушку на кушетке. Одного взгляда на нее мне было достаточно, чтобы понять, сейчас ее лучше не трогать. Врач тем временем протянул мне уже знакомую синюю книжечку, из которой торчали свернутые пополам листы бумаги. Рисунки Вари. Мне бы убрать их в рюкзак, но я хотела поскорее увести бабушку, поэтому подошла к ней. Ее сгорбленная фигура продолжала безучастно сидеть на кушетке.

— Бабушка, — позвала я. — Давай выйдем на воздух...

Тонкая и сухая, особенно в этот момент, рука бабушки потянулась к листам. Медленно она вытащила их и развернула. Самым верхним оказался тот, что я уже видела. Три девочки стоят рядом. Перебирая руками шуршащие листы, бабушка тихонько заплакала. Мне было больно смотреть на ее лицо, в морщинах которого пролегли влажные линии слез.

— Давай уйдем, — повторила я, настойчиво взяв ее под руку. Все же мне удалось вывести бабушку на улицу, в этот сияющий красками день, волшебную осень, неповторимую и вечную. Уже вечером бабушка позвонила Лидии, а той пришлось рассказать все семье. Не знаю, как отец Андрея воспринял этот рассказ. Сам Андрей, после того, как Максим рассказал ему все, что знал, долго не хотел в это верить. Точнее, не мог.

Глава 11

Одним дождливым вечером, когда мы с Освальдом Павловичем не ждали никаких покупателей, а просто сидели в торговом зале и негромко переговаривались, дверь лавки открылась. Привычно зазвенел колокольчик над входом, и на пороге мы увидели Лешу. Вода капала с капюшона его куртки, а от ботинок оставались влажные следы.

С той встречи в кафе Леша и Освальд Павлович периодически созванивались, а паренёк забегал в лавку. Несколько раз мы ужинали в жилой комнате все вместе, и это было веселое время. Но сегодня ничего не предвещало веселья. Я сразу поняла это по лицу Леша.

— Всем привет, — поздоровался паренёк. Освальд Павлович взволнованно завис над прилавком и вглядывался во внука.

— Ты чего это в такую непогоду бродишь? — спросил Креза.

— Дедушка, мне можно у тебя остаться?

Освальд Павлович вышел из-за прилавка и приблизился к внуку.

— Ну-ка, пойдём, — сказал он. — Весь сырой, ты пешком что ли шел?

— Не, от остановки добежал, но там ливень...

Оба скрылись за дверью смежной комнаты. Подумав, я закрыла лавку и выключила свет. В темноте торговый зал выглядел как гигантский музей. Сквозь приоткрытую дверь в жилую

комнату просачивалась узкая полоска света, и доносились голоса Крезы и Леша. Я вошла внутрь. Парень сидел за столом, а Освальд Павлович сутился у плиты. Я подседа к Леше и заглянула ему в лицо.

— Привет, пацан, — не знаю, откуда я взяла этот сленг, но хотелось соответствовать юному рэперу. — Ты какой-то невеселый.

— Привет, — кивнул Леша. — Я вот думал, нормально будет, если приду?..

— О чем речь, голубчик, — сказал Освальд Павлович. Он уже вскипятил чайник и заваривал чай. — Рассказывай живо, в чем дело. Что это еще за новости? Ты никак из дома сбежал?

Леша угрюмо кивнул. Когда Креза поставил перед ним горячую чашку, он взял ее в руки и принялся вертеть.

— Ну? — повторил Освальд Павлович свой вопрос.

— В общем, с отцом я поругался и свалил, — бросил Леша, не глядя ни на кого из нас. И рассказал, как все было.

Как обычно, после школы Леша сразу поехал домой. Стоял прохладный безветренный день. Небо обещало спустить на город ливень, но никак не могло решиться. Такой же хмурый, как и этот день, Леша приблизился к своей комнате и сквозь щель приоткрытой двери увидел отца. Он стоял возле стола, а в руках держал маленького слона, вырезанного из оникса, на боку которого виднелся циферблат. Этого слона Леше преподнес Освальд Павлович. Отдавая подарок, он поведал мальчику историю о том, как искусный мастер с сердцем сарацина создавал из камня этого слона, вдохнув в него жизнь на стыке двух аравийских пустынь. Оттуда его и несколько других таких же неповторимых и волшебных фигурок привезли в «Саламандру». Борису не составляло большого труда понять, откуда у его сына этот слон.

— Ты быстро осваиваешься в новых местах, — сказал Артемьев и поставил слона на место. С негромким стуком фигурка соприкоснулась с поверхностью стола. — Мог бы поделиться с отцом новостями о своих новых друзьях.

Леша прошел в комнату и сбросил рюкзак на кровать.

— Почему ты никогда не говорил про дедушку? — спросил он. Парень чувствовал, что пришло время для серьезного разговора, возможно, первого в его жизни. Отец должен понять, что Леша уже вырос.

— Потому что этот человек не заслуживает никаких разговоров, — отрезал Борис. — Наши пути давно разошлись, и это было по обоюдному желанию.

— Но что он сделал? — не понимал Леша.

— Много чего, — пространно ответил Борис. — И много чего не сделал. Я не хочу, чтобы ты с ним общался.

— Да при чем здесь я? — Леша начинал злиться. — Это ваши разборки! Дедушка добрый, и мне понравилось у него!

— Не мудрено, — с иронией проговорил Борис. — Удивительно, но мой отец в последнее время просто покорила всю молодежь этого городка. Ты же познакомился с этой девчонкой, которая у него работает? Та тоже с пеной у рта выгораживает старика, хотя понятия не имеет, кто он на самом деле... Как часто ты ходишь в лавку?

— Не знаю, — пробормотал Леша. — Раза три-четыре в неделю.

— С этого момента путь тебе туда заказан, — коротко бросил Артемьев. — Узнаю, что твои паломничества к старику продолжаются, я приму меры.

— И что ты сделаешь?! — воскликнул парень, ощущая, как комок нервной злобы закипает в его еще совсем детской груди. — Ударить меня? Запрешь дома? Ты ведь только это и можешь!

— Да что ж такое-то! — с досадой выкрикнул Борис, сжав виски пальцами. — На кой черт тебе этот старик? Что вы делали, раз ты так к нему привязался?

— Мы разговаривали! — заявил Леша. — Его хотя бы интересует моя жизнь!

Нервы Артемьева сдали, и он захохотал каким-то истерическим смехом.

— Не стоит заблуждаться, мой мальчик, — сообщил Борис. — К тому же, я думал, для того, чтобы разговаривать, у тебя есть твои друзья в балахонах.

— Они были до тех пор, пока мы не переехали сюда, — сказал Леша.

— Пойми, деда не интересует ничего кроме собственной лавки и выгоды, — Борис вряд ли слышал сына. — Он просто хочет подобраться поближе ко мне через тебя и натворить еще что-нибудь. Ему мало было поджечь мою кофейню, он добивается того, чтобы я уехал. Но нет! На этот раз я не сбегу как тогда!

В смятении Борис принялся ходить по комнате широкими шагами, и его слова были обращены к стенам, словно Креза прятался в их пустотах.

— Он не поджигал кофейню! — в отчаянье выкрикнул Леша, и на его глазах выступили слезы.

— Конечно же нет! — засмеялся Борис, распаляясь все больше. — Он просто святой.

— Это я сделал!

— Чего? — Борис не сразу понял, что сказал его сын.

— Это я поджег твою кофейню! — кричал Леша. — Пришел ночью и все сделал! Дед тут не при чем!

И в этот момент по лицу Бориса прошла оторопь. Тени прошлого захлестнули его, а слова сына поразили. Он силился понять, правда ли это. Вместе с тем он смотрел на парня, что стоял напротив, и не узнавал в нем Лешу.

— И зачем ты это сделал? — на удивление спокойно поинтересовался Борис.

— Затем, что ты всех достал! — заявил Леша. — Тебе плевать на нас с мамой, ты решил уехать, и все, мы уже здесь. Тебе было все равно, что в той школе у меня остались друзья. Что маме пришлось бросить работу. Ты хотя бы спросил ее, чего она хочет? Ты обвиняешь деда в том, что у него нет сердца и ничего нет, кроме чертовой лавки. А у тебя?!

В голове Бориса случился взрыв. Две силы, вечно разрывающие его разум, столкнулись в нем. Одна уже знала, что ответить, и знала, что всегда права. Но была и другая, которая говорила ему остановиться. История повторяется. Он не хочет понять своего сына так же, как и Освальд не мог понять его самого. Кому отдать предпочтение в этой войне, Борис не знал. А Леша наконец-то сказал все, что хотел, и почувствовал дикую, пьянящую свободу. Наверное, то же самое чувствовал Борис много лет назад, сбегая из дома. И Леше ничего не оставалось, кроме как схватить рюкзак с постели и броситься в коридор.

— Куда ты собрался?! — опомнившись, крикнул ему вдогонку Борис, но Леша уже бежал вниз по лестнице, и сквозняк продувал квартиру через открытую входную дверь.

Я молча слушала рассказ Леша, и мне было жаль его. Жизнь прочитала Борису столько

лекций, но он не услышал ни одной. Он так и не понял, что сердце ребенка всегда готово простить, для этого нужно чуть больше теплоты и поддержки. Теперь в глазах Леша плескалось темное море, затянутое чем-то похожим на лед. На самом деле это было стекло, и оно прочно отделило его Бориса. Парень больше не верил в отца и их отношения, а смотреть на эти метаморфозы было безумно грустно.

Есть ли у меня право быть здесь и становиться частью этой семейной истории? Как всегда, я почему-то считала себя лишней. Но уйти не представлялось возможности, за окном хлестал ливень, и я понятия не имела, как вообще доберусь до остановки. Хотелось улучшить момент, когда дождь немного ослабнет.

— Дедушка, прости, что не сказал раньше про поджог, — произнес Леша. — Отец обвинял тебя, а я знал об этом, но молчал. Как-то стремно было признаться...

— В итоге ты все равно признался и поступил правильно, — сказал Освальд Павлович. — И это не ради меня, а ради тебя. Ни о чем не беспокойся, можешь оставаться здесь сколько угодно.

— Спасибо, — кивнул Леша. — Я могу помогать с делами в лавке...

— Только не отбирай мой хлеб! — засмеялась я. — Мне не хочется уходить отсюда.

Леша смутился.

— Да не, я не в том смысле, — сказал он, но я только покачала головой и предложила принести ему еще чая. На кухне ко мне присоединился Освальд Павлович, по лицу которого блуждала умиротворенная улыбка. Старик был рад обрести внука. Хоть Леше некуда идти кроме него, в конце концов, так ли важны причины? Ведь он больше не один в этой пустой лавке, и, кажется, от этой мысли даже ровнее бьется его старое сердце.

— Освальд Павлович, я понимаю, что вы меня сейчас прибудете, — начала я, — но может стоит позвонить Борису? Он наверняка волнуется и ищет сына...

Креза нахмурился и составил грязные чашки в раковину. Бросив через плечо угрюмый взгляд в комнату, где Леша барабанил пальцами по столу, он пожал плечами. Креза понимал, что я права, но еще он знал, чем закончится звонок Борису. Он придет, заберет парня, и Освальд Павлович снова останется один. С этим не так-то просто смириться.

— Даже не знаю, Кристина, — проговорил он. — Мне не хочется обманывать доверие Леша, он же пришел сам...

Я все понимала. Нужно перестать стремиться все сделать правильно и сказать себе, что это вовсе меня не касается. Пусть парень останется у Крезы хотя бы до завтра, а там он и сам может захотеть уйти. По редющему звуку дождевых капель я поняла, что поток чуть сбавил силу, и это хорошее время, чтобы уйти. Сумрак накрыл промокший город, и в каждой луже растекалось золото фонарного света. Я с удовольствием нырнула из этого промозглого мира в теплый автобус, зная, что дома меня ждет семья.

Моя подушка была полна снов. Покидая ее этим утром, я чувствовала спокойствие, какое не приходило уже давно. словно в театре спустился занавес, и можно отправляться домой после долгого спектакля.

Я доехала до института и в аудитории отыскала Настю.

— Как ты? — спросила я вместо приветствия и увидела в больших детских глазах девушки улыбку.

— Честно? Все еще в шоке, — призналась Лебедева. — Но хочу узнать всю эту историю

от начала до конца.

Я посмотрела на время и сказала:

— До начала лекции семь минут.

— Я не против дослушать на перемене, — заявила Настя. — Погоди, или ты...

— Да, — засмеялась я. — У нас семь минут, чтобы свалить.

Я пошла к выходу, а Настя, бормоча что-то о том, сколько еще мы прогуляем пар, отправилась за мной. Надеюсь, Юрий Витальевич не сильно хмурился, читая правила латинской грамматики и наблюдая наши пустые места. В это время я рассказывала Лебедевой историю трех подруг. Историю о том, как три девушки просто хотели быть счастливы. Мы просидели в столовой почти всю пару, и одна из буфетчиц косилась на нас подозрительным взглядом, однако так ничего и не спросила. Немыслимая история сестер-близняшек поразила Настю также, как когда-то меня, и сейчас я понимала все смятение, в котором находилась подруга. Но для меня это был просто рассказ, страшная сказка. Я уже простилась с ней, и она не имела никакой силы.

— Пройдет время, и ты тоже не будешь бояться этого, — сказала я Насте. Та кивнула. Она знала, что время, как и кровь, побеждает все. А у меня в голове теснился еще один план, маленькое незавершенное дело, на которое я бросила все силы сразу после окончания лекций.

Дома я заранее записала телефон будущей кофейни Бориса. Хотя она все еще не объявила о своем открытии, работы уже были окончены. Пожалуй, не будь у Артемьева разногласий с отцом, а в добавок еще и с сыном, что более важно, это чудесное заведение давно бы заработало. Однако телефон в кофейне уже появился, и я стала звонить. Мне ответил женский голос. Вероятно, будущий администратор кофейни. В любом случае, она объявила, что Бориса, которого я искала, сейчас нет в здании.

— Он в мэрии, — сообщила женщина. — Вернется через пару часов. Мне следует передать ему что-то?

Я поблагодарила женщину и отключилась. Ждать пару часов не хотелось. К тому же, здание городской мэрии недалеко от нашего института. Маленькие города тем и хороши, что в центре обычно располагаются наиболее важные строения. Почему бы мне не подождать Бориса там? Впрочем, нет никакой гарантии, что мы встретимся с Артемьевым.

Недолго думая, я позволила ногам самим выбрать путь. Было приятно немного отключить голову и просто идти, впуская в душу уже весьма холодный воздух октября. Накрапывал дождь. Идущие вокруг меня люди, которые и без того достаточно спешили, мгновенно засуетились и принялись чуть ли не бежать. Кто-то достал зонт, кто-то накрыл голову шарфом или капюшоном. Я одна продолжала неспешно идти по старинной брусчатке, которую проложили здесь еще сто пятьдесят лет назад, и мне было радостно и светло. Люди ошиблись, это не осенний холодный ливень. Это последняя песня лета, нежная и тихая, бесконечно прекрасная в таком сером задумчивом дне. Слова этой песни прятались меж плитами брусчатки, чтобы однажды снова зазвучать в воздухе. И я слышала каждую ноту, ни одна не упала мимо меня.

Здание мэрии было совсем близко. Я остановилась, подняла взгляд вверх, на аккуратные ступени, и принялась ждать. Удивительно, но уже через несколько минут высокая темная дверь открылась, и появился Борис.

— Здравствуйте! — произнесла я. Он быстро спускался и смотрел себе под ноги. Сомнений в том, что я жду именно его, быть не могло.

— В другое время столь пристальное внимания юной леди польстило бы мне, но я уже предвкушаю от тебя еще одну лекцию, — проговорил Артемьев, останавливаясь в паре шагов от меня.

— Жаль, мне за это не платят, — пожалала я плечами. — Мне нужно поговорить с вами о Леше.

Перекинув дипломат в левую руку, правой Борис встряхнул свой черный зонт, и он раскрылся над его головой.

— Это хорошая тема, — кивнул мужчина. — Я все еще не могу поверить в то, что кофейню поджег он. Полагаю, ты уже знаешь об этом?

С этими словами Борис легким жестом пригласил меня под зонт. Я не стала отказываться, и мы двинулись вдоль улицы.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовалась я.

— Для начала заберу сына из вашего антикварного подвала, — пробормотал Артемьев. Я отметила, что его лицо сегодня кажется серым и тусклым, как осеннее утро. Огонь в его глазах, обыкновенно дерзкий, и такая же усмешка губ исчезли. Он потух, будто намокший фитиль, и я поняла, что так сейчас выглядит его душа.

— Откуда вы знаете, что он у нас?

— О, ты будешь удивлена, но день моего рождения был гораздо раньше, чем вчера, — Борис словно прочитал мои мысли и попытался им противоречить.

— Остричь не обязательно, — заметила я.

— Конечно, обязательно, — упрямо возразил Борис, точно маленький ребенок. — Иначе я совсем свихнусь.

— Это бывает, — мне тоже пришло в голову немного пошутить: — У вас же семейка спортсменов, и побег из дома в прыщавом возрасте передается на генетическом уровне.

Борис бросил на меня осуждающий взгляд из-под нахмуренных бровей.

— В отличие от моего отца мне никогда не было плевать на сына, — заявил он. — Я все делал для него. А сейчас я намерен вернуть его домой, о чем мой отец никогда не задумывался.

— Вы ведь понимаете, что Леша на вас обижен, и вы не можете просто ворваться в лавку и приказать ему уходить? — я пыталась объяснить Борису, что он совершает ошибку.

— Не могу? — усмехнулся в ответ Артемьев. — Кристина, ты видела меня два раза в жизни, и ты даже не представляешь, что я могу.

Холодный тон Бориса напомнил, с кем я имею дело. Да, там, на собачьих бегах, мне показалось, что я разглядела в нем человека, но сделать это снова будет непросто.

— Зачем вы так? — не понимала я. — Леша хороший парень, у него доброе сердце. Вам не приходило в голову быть с ним чуть мягче? Он же несчастен и не видит в вас никого другого, кроме тюремного ментора!

— Похоже на комплимент, — мои слова не тронули Бориса. Он шел к парковке, и я зачем-то тащилась рядом. Как же мне достучаться до него? Как объяснить, что жестокость ничего не решает?

— Когда я была маленькой, — вспомнила я, — мы с отцом летом брали велики и выезжали за город, устраивали пикники. Было так весело!

Кроме этих слов в моем голое прозвучало что-то такое, отчего Борис не смог отмахнуться. Детская радость, искренняя и беспечная. И он почувствовал ее. Оттого Артемьев не смог ответить что-то ироничное, хоть в его способностях остричь я не

сомневалась.

— А что случилось потом? — задал он вопрос. Похоже, он ожидал истории с грустным концом, но пришлось разочаровать его.

— Да ничего, — пожалала я плечами. — Просто велики уже не актуальны, и я слишком ленивая, чтобы выползть куда-то. Поэтому мы с отцом играем в нарды.

Только теперь Борис понял меня. Я пыталась не разжалобить его, но показать, что можно жить иначе.

— У меня слишком много работы, — упрямо бросил он.

— Как и у моего отца, — согласилась я. — Как и у всех других людей. Это же просто отговорки, они ничего не значат.

Борис какое-то время молчал. Может, он придумывал новую идиотскую шутку, или просто не хотел начинать спор.

— Ладно, признаюсь, ты раздражаешь меня чуть меньше, — почему-то сказал он и отключил сигнализацию на своем автомобиле. — Тебя подвезти?

— Нет, спасибо, — отказалась я. — Ездить в машине с опасными незнакомцами моветон.

Борис захохотал.

— А доставать незнакомцев, это как? — поинтересовался он. Его рука пыталась отдать мне зонт, но я кивком головы отказалась. Тогда он свернул его и открыл дверцу.

— У нас свободная страна, достаю кого хочу, — заявила я.

— Твоя жизненная позиция впечатляет, — улыбнулся Борис из салона. — Впиши это в свое резюме. Креза ведь потребовал у тебя резюме? Иначе инспекторы вернутся и проверят.

Я улыбнулась, глядя в сторону, туда, где над линией горизонта виднелась светлая полоса синего неба. Там не было дождя, ветер пригнал его к нам.

— Что поделать! — проговорила я. — В конце концов, их заключения не самое главное в жизни.

— А что главное? — заинтересовано спросил Борис, и его глаза чуть прищурились. — Семья, которая тебя ненавидит, потому что ты слишком сильно старался для них?

Я услышала в его голосе досаду и злость. Но так злится старик. Он уже ничего не может сделать, да и не хочет. Просто повторяет то, что не дает ему покоя.

— Главное это настоящий момент, — негромко сказала я, обращаясь к старику внутри Бориса. — И то, как ты его проживаешь. Нужно быть счастливым здесь и сейчас.

Артемьев ничего не ответил мне. Какое-то время он смотрел себе под ноги, а потом захлопнул дверцу. Мне почудилось, что Борис улыбнулся, но я видела это сквозь отсвечивающее стекло, поэтому не могу ничего утверждать. В следующую секунду он уехал.

В день похорон Вари вновь стояла чудесная погода, почти в точности повторяющая момент смерти женщины. У гроба стояли не только мы с бабушкой. Приехал отец Андрея и Лидия, в которой уже нельзя было угадать сходства с сестрой, а тем более, с той девочкой на фотографии. Их встреча с бабушкой была теплой от радости и влажной от нахлынувших слез. Я заметила, как не хватало им друг друга, и, хоть письма поддерживали меж ними связь долгие годы, они не могли заменить настоящей встречи. Вскоре к ним подошел Юрий Витальевич, которого Лидия узнала не сразу. Не хватало только Кормышова.

Я все еще носила в рюкзаке тот синий блокнот, в котором Варя писала свою

трагическую историю. Почерк на его страницах менялся в зависимости от состояния Вари. Порой он тихими, укрощенными буквами строился вдоль линейки. А иногда срывался, точно сердечный ритм, и прыгал по листу, теряя здравый смысл и привычные очертания. Почти до рассвета я отважно пробиралась сквозь эти письма. Их смысл не сильно разнился с тем, что мне удалось узнать самой, но было приятно ощущать в этом блокноте частицу человеческой души. Написав слово чернилами, мы даем ему силу, которую не может забрать смерть. Я достала дневник Вари и подумала, что будет правильно отдать его отцу Андрея. Он первый, кого коснулся этот обман. Пусть прочтет правду и знает, что его мать ни в чем не виновата, и все, что сейчас обрушилось на него, лишь следствие чудовищной болезни разума.

— Это принадлежало ей, — проговорила я, не осмеливаясь назвать Варю матерью этого человека. — Возьмите.

Андрей в этот момент подошел к отцу и вопросительно взглянул на нас.

— Не думаю, что я имею отношение к этому, — сказал отец Андрея. — Может, ты возьмешь?

Он кивнул сыну.

— Дневник твоей бабушки, — пояснила я. Сажнев какое-то время смотрел на него, на мою протянутую руку, а потом покачал головой.

— Извини, Кристин, — пробормотал он. — Я тоже не могу...

— Спасибо, — отец Андрея слабо улыбнулся мне. По его лицу было видно, что он еще не до конца осознал все произошедшее. Еще не до конца понимал, что его настоящая мать умерла. Я не могла осуждать его. Он не знал матери, она была для него чужим человеком. Не смея настаивать, я отошла от них. Почему-то никому здесь не было дела до этого блокнота. Он лежал в моих ладонях почти невесомой ношей и будто спрашивал, что я буду делать с ним.

Как поступить правильно? Может, положить его в гроб вместе с той, кто написал эти строки? У меня еще оставалось на это время, но что-то остановило меня. Я снова убрала блокнот в сумку. Эта не только история Вари. Она еще и моя. Я сохраню ее и, когда кто-то спросит меня, — Андрей или его отец, — что же на самом деле случилось много лет назад в подсобке института, мне будет, что показать.

Я вышла на улицу. К вечеру похолодало, но ослепительно сияло закатное солнце, напоминая весенние дни. Максим стоял чуть поодаль морга, и я подошла к нему.

— Мрачное зрелище, — проговорил он, и я согласилась. Похороны всегда навевают тоску, но смерть Вари особенно задела меня.

— Мне жаль, что так случилось, — сказала я. — Хоть мы и не знали ее. Это странно?

— Нет, почему же, — грустно усмехнулся Давыдов. — Помнишь, как у Хемингуэя? Колокол всегда звонит по тебе.

— Ты прав, — кивнула я. — Представляю, какого сейчас отцу Андрея. Он узнал, что вся его жизнь сплошная подделка. Это нелегко...

— Еще бы, — негромко сказал Максим. — Но по-настоящему нелегко будет нам, когда мы вернемся на учебу и погрузимся в дивный мир отработок.

Я улыбнулась и стлала думать, как можно избежать суровых наказаний преподавателей.

— Слушай, ну ладно там я, салага, а ты ведь уже на четвертом курсе. Разве у тебя нет подвязок?

— Если подвязка с Юрием Витальевичем и этой историей не считается, то я в зоне

риска, — сообщил Давыдов. — Я же не могу прикинуться хорошенькой девчушкой, которая безумно старается и ловит каждое слово препода.

— На что это ты намекаешь? — поинтересовалась я.

— А то я не знаю ваше женское пособие о том, как произвести впечатление на мужчину, прикинувшись милой дурочкой, — заявил Максим.

— У нас анатомию будет принимать сам Одинцов, — напомнила я. — Он слишком умен, и милая дурочка его не проймет.

— Тоже верно, — Давыдов не мог отрицать, что такого человека, как Константин Александрович, обмануть непросто. К этому времени из морга стали выходить другие люди. Я видела, как рядом с бабушкой шел Юрий Витальевич и Лидия, и они говорили о чем-то.

— Афанасьев так и крутится около твоей бабушки, — Максим тоже заметил это.

— Они же учились вместе, да и вся эта история...

— Дело вряд ли только в воспоминаниях, — улыбнулся Давыдов. — Так бывает, когда дружишь с девушкой слишком долго.

Смущенная улыбка тронула мои губы. Пока я делала вид, что смотрю на проходящих мимо людей, из морга вышел незнакомый мужчина. На вид ему было чуть больше пятидесяти. Он с серьезным лицом шел рядом с отцом Андрея и что-то спрашивал у него. Потом, пожав ему руку, он удалился. Я расслышала обрывки его последних слов, — «соболезную вашей потере». На пальце у мужчины поблескивало особенное кольцо. Серебряное, с матовым зеленым камнем. На нем еще виднелся какой-то символ, но я не смогла разглядеть его. Проследив за ним взглядом, я увидела, что мужчина сел в темную иномарку, припаркованную у дороги, и уехал.

Я повернулась к Максиму и поняла, что его мысли заняты тем же незнакомцем. Давыдов оторвал взгляд от того места, где только что стояла его машина, и посмотрел на меня.

— Странный тип, — проговорил парень. — Что он делала на похоронах Вари?

— Он разговаривал с отцом Андрея, может, кто-то из друзей? — предположила я.

— Может, — медленно сказал Максим и тряхнул головой, словно желая избавиться от ненужных мыслей. — Какие планы? Хочешь вечером сходить со своим парнем в особенное место?

Я озадачилась.

— Если это законно, — предупредила я.

— Так, погоди, а тебе уже есть восемнадцать? — строго спросил Давыдов, и мне стало смешно.

— Полиция нравов снова патрулирует улицы, — проговорила я. — Что нужно делать?

— Встречаемся рядом с универом через пару часов, — сказал Максим.

— Звучит страшно, — произнесла я, надеясь, что мы не будем учить уроки. — Только мне еще нужно зайти в «Саламандру». А потом сразу в институт.

Давыдов кивнул, взял меня за руку, и мы не спеша пошли к дороге.

Когда я вошла в «Саламандру», Креза беседовал с покупателем. Он как раз собирался принести с нижней витрины несколько старинных трубок, и я пришлась кстати. У Крезы и так была больная спина, ни к чему старику лазить по нижним витринам, лучше это сделаю я.

Пока Освальд Павлович и покупатель присматривались к трубкам, я обогнула боковую

витрину и принялась переставлять товары с нижних полок на среднюю. Там были пустые места, да и товар отсюда виден лучше. Пока я занималась этим, колокольчик над входом трепетно прозвонил. Я повернулась, чтобы как обычно поприветствовать покупателя, но слова замерли у меня в горле. Это был Борис. Ненавижу свою привычку нервничать из-за всего происходящего. Меня же вовсе не касается их история с Освальдом Павловичем, почему же сердце так вздрогнуло сейчас? Скандал, который только должен произойти, уже бурей пролетел в моих мыслях, и от этого стало еще тревожнее.

Освальд Павлович, напротив, соблюдал поразительное самообладание. Он как ни в чем не бывало продолжал рассказывать о преимуществе одной трубки перед другой. Отчего-то Борис не прерывал его беседы, а лишь молча подошел к витрине, где стояла я. Только теперь Креза неспешно обратился к сыну:

— Вы не будете так любезны обождать? — спросил он. — Я обслужу вас сам, моя помощница занята, не отвлекайте ее.

Я готовилась услышать от Бориса привычный сарказм, но он снова удивил меня и промолчал. Чтобы не выглядеть полной дурой, я вернулась к своему занятию, передвигая с места на место предметы и надеясь, что ничего не разобью. Когда покупатель курительных трубок ушел, Освальд Павлович вновь холодно взглянул на Бориса.

— Итак, — начал он.

— Я хочу видеть сына, — произнес Артемьев. Освальд Павлович усмехнулся.

— Похвальное стремление, — оценил он. — Это желание обоюдное? Или тебя, как всегда, данная часть вопроса не интересует?

— Я брал пример со своего отца, — пробормотал Борис. — Но я пришел не спорить. Леша здесь?

Леша был здесь. В подтверждении этого парень робко вышел из смежной комнаты и встал рядом с дедом. Освальд Павлович ободряюще похлопал его по плечу, словно говоря, что ему нечего бояться.

— Если ты пришел, чтобы забрать меня, то зря, — заявил парень, хоть голос его заметно дрожал. — Я останусь с дедушкой!

Борис вздохнул.

— Ты несовершеннолетний и находишься под моей юрисдикцией, — проговорил он. — Я могу забрать тебя в любой момент. Но прежде я хочу сказать, что был неправ.

Лица Освальда Павловича и Леша стали удивленными. Я сама не поверила своим ушам и тому, что сказал Борис.

— Я не думал, что так мешаю жить тебе, — продолжал Артемьев. — Я сам знаю, какого это, когда твой отец ни во что тебя не ставит. И никогда в жизни я не хотел такой участи для своего сына. Все, что я делал, было для тебя и твоей матери. Но за стремлением дать вам все, чего не было у меня, я забыл о чем-то очень важном. Я забыл о нашей семье. И кое-кто позволил мне все вспомнить.

Тут Борис повернулся ко мне, и слабая улыбка тронула его губы. Это оказалась первая человеческая улыбка, которую я увидела от него за все время, что мы были знакомы. Так он сказал мне «спасибо», и я едва заметно кивнула ему.

— Леш, хочу пообещать тебе, что буду стараться, — продолжал Борис. — И у нас все будет по-другому. Прости своего отца, и позволь нам снова стать друзьями.

Глаза Леша стали влажными от слез, и я представила, что эти слова отца значат для его скованной хрупкой души. Его протест был сломлен. Более того, он больше ему не

требовался. Он уже услышал все, что хотел.

Я взглянула на Освальда Павловича, и мое сердце сжалось от тоски. Он смотрел на отполированную поверхность прилавка, и мне не нужно было видеть его глаза, чтобы заметить в них слезы. Борис достал руки из карманов пальто и сделал слабый робкий жест, словно хотел распахнуть руки в объятье, но был для этого слишком слаб. Тогда Леша медленно подошел к отцу. Когда его взъерошенная голова уткнулась в ткань пальто, он вдохнул терпкий отцовский запах, в котором смешался одеколон и осенний воздух. Я увидела, как вздрагивали от рыданий его плечи, а Борис гладил сына ладонью по волосам.

Никто не произнес ни слова. Когда Леша успокоился, Борис кивнул на дверь, и парень повернулся к деду. В его глазах стоял вопрос, и Освальд Павлович кивнул. Потом он все же посмотрел на Бориса, а мне стали видны его покрасневшие глаза.

Нам, людям, всегда трудно признавать свои ошибки. И еще труднее сказать о них вслух. Порой в стремлении оправдать себя человек заходит так далеко, что уже не может разглядеть разницы между правдой и собственным вымыслом. А потом пелена спадает с глаз. В конечном итоге она всегда спадает, но в тот момент бывает уже поздно.

Но никогда не бывает слишком поздно, чтобы поступить правильно. Рассказать о поджоге кофейни. Или рассказать о своей любви к сыну.

— Это хорошие слова, и я рад, что ты нашел их для Леша, — проговорил Креза, чувствуя, как ком слез и горечи мешает ему продолжить. — Эти слова двадцать лет назад следовало сказать мне, — голос Освальда Павловича глубоким тоном оседал по витринам лавки, ложился на плечи мне и Борису. — Я знаю, что прошло слишком много времени, и мне никогда не исправить того, что было. Ты можешь отвернуться от меня и уйти. И никто тебя не осудит. Но я тоже хочу просить тебя дать мне шанс. Может, в твоей жизни еще найдется место для своего старика?

С замиранием сердца я ждала, что же ответит Борис. Мне хотелось верить, что он сильнее, чем думает, и сможет простить своего отца. И он смог, — я увидела это в его глазах прежде, чем Артемьев что-то сказал.

— Когда я ушел из дома, — начал вспоминать Борис, — я всегда представлял себе что-то подобное. Будто ты стоишь передо мной, просишь прощения, а я ухожу и оставляю тебя одного. Даже потом, когда я стал взрослым, и все невзгоды остались позади, это сцена не давала мне покоя. Я предвкушал ее. Хотел показать, что я всего добился сам... И вот это случилось, но я не знаю, куда девалась моя ненависть. Я совсем не хочу отталкивать тебя.

Руки Освальда Павловича, покрытые морщинами, закрыли его лицо. Он вытирал слезы, но они стекали по истонченной коже щек, и ему пришлось достать платок из кармана. Таким слабым и беспомощным я его еще не видела. У Бориса не хватало смелости подойти и утешить отца, поэтому я сама тихонько приблизилась к прилавку и обняла Освальда Павловича за плечи. Никто не знал, что делать дальше. Борис и Леша, смущенные стояли посередине торгового зала и никак не могли уйти.

— Борис, если у вас нет никаких дел, то оставайтесь, — улыбнулась я, обнаружив в себе талант массовика-затейника. — Я присмотрю за лавкой, а вы поможете Освальду Палычу успокоиться...

Мое предложение было принято негласно. Все трое скрылись за дверью смежной комнаты, и я притворила ее, оставшись в торговом зале одна.

Как и обещала Максиму, в назначенное время я уже подходила к воротам института. Смеркалось. Лавку я покинула с легким сердцем, которое снова увидело чудеса человеческой жизни. Три поколения одной семьи заново узнавали друг друга в небольшой комнате, и я была тому негласным свидетелем. То, что когда-то казалось далекой мечтой, стало сегодняшним днем. Мне удалось сделать что-то хорошее, достучаться до спящих сердец и показать им, что самое важное — это семья.

Было около восьми вечера, и хоть в некоторых окнах здания еще горел свет, никого из студентов уже не было. К своему удивлению, у входа в корпус я увидела Андрея и Настю. На улице царил вечерняя прохлада, и моя подруга стояла в милой синей шапочке с двумя помпонами по бокам.

— Выходит, он решил угробить нас всех! — воскликнул Сажнев, когда увидел меня.

— А я думала, это романтическое свидание, — вздохнула я. — Вы же просто так здесь ошиваетесь?

— Я что-то нервничаю, — призналась Настя. — Вдруг какой-нибудь псих зомбировав Макса, и он нас всех убьет.

В этот момент дверь института открылась, и на пороге показался сам Давыдов.

— Вы чего на улице торчите? — удивленно спросил он. — Так, давайте за мной.

Его крепкая рука легла мне на плечи, и мы двинулись вдоль корпуса.

— Какой курс? — бросил Андрей через плечо.

— Подсобка, — беззаботно ответил Максим, и я почувствовала, как мы все вздрогнули от этого слова.

— Я не понял, — пробормотал Сажнев. — Это прикол?

Давыдов вздохнул и покачал головой.

— А вот и Грузин возник, — пробормотал он. — Все подробности потом, пока иди.

По неясной причине мы продолжали двигаться к подсобке. Вскоре мы уже оказались на территории внутреннего двора, которую благополучно пересекли. Я видела тонкую улыбку на губах Максима и не могла понять, что же он задумал. А Давыдов уже подошел к двери и, повозившись с замком, открыл ее перед нами.

— Прощу! — жестом он приглашал нас войти. Настя и Андрей переступили порог подсобки, и я слышала их восторженные возгласы. Уже отсюда мне было видно, что в подсобке теперь горит свет, и заходить туда теперь не так страшно. Давыдов продолжал улыбаться. Когда я взглянула на него, он кивнул, и я тоже вошла внутрь. И мне было чему удивиться.

Подсобка, старая и мрачная, что так напугала меня в одну из ночей, преобразилась. Под потолком висела лампочка. Абажура на ней так и не появилось, но зато она излучала яркий свет, который проникал в каждый угол помещения. Весь хлам, который до этого был приткнут у стен, теперь куда-то пропал, как и паутина. В подсобке стало просторно, чисто и светло. У дальней стены находился стол и несколько стульев. Выглядели они явно не новыми, но это лучше чем ничего. На столе уже возвышалась круглая картонная коробка, две большие бутылки колы, бумажные стаканчики и тарелки. В стороне лежало несколько выцветших пледов, и рядом стояла гитара Максима.

— Офигеть! — воскликнула Настя. — Крутое логово!

— Это ты сделал? — я взглянула на Максима, который наблюдал за нами. — Просто невероятно, совсем другое место!

— Спасибо, мы старались, — кивнул Максим. — Я попросил Кормышова немного

помочь с проводкой, а в итоге он помог мне со всем...

Я вспомнила про старика, и мне стало немного грустно. Все же, он хороший человек, и сумел остаться таким даже после череды тех страшных событий. Но разве справедливо, что он по-прежнему одинок, как и много лет назад? Все, что он нажил, это скуку и грусть.

— Собственно, я подумал, что нам нужно отметить завершение этой дурацкой истории, — сказал Максим. — Так что обживайтесь здесь, я получил у Анатолия Степановича разрешение тут зависать.

— Вот здорово! — заявила Настя. — Только давайте никому про это не скажем, а то сюда весь универ будет ходить!

— Нет, зачем, — засмеялся Максим. — Сделаем ключи и можем приходить, когда захотим. Я тут не успел толком ничего доделать, но все впереди.

Пока Настя с Андреем осматривались, я пробиралась к столу.

— Когда можно напасть на торт? — спросила я Давыдова.

— Я ждал этого вопроса, — засмеялся он.

— Максим, спасибо тебе, что устроил это, — сказала я и неловко поцеловала Давыдова в щеку. — Не знаю, когда ты успел, но все очень здорово.

Максим повернул голову, и его губы оказались рядом со мной. Но в ту же секунду рядом замаячил Андрей.

— А чо тут одна кола? Ниче выпить нет?.. Да шучу я! — эта фраза относилась к Насте, которая, услышав его слова про выпить принялась сверлить парня уничтожающим взглядом. Вскоре мы все собрались у стола, и Сажнев потянулся к коробке.

— Похоже, торт должен умереть, — проговорил Максим.

— Вы начинайте, а я позову Анатолия Степановича, — спохватилась я. — Никто не против? Не хочу, чтоб он там скучал один, когда мы тут празднуем!..

Никто не был против, и я пошла в каморку к нашему сторожу. Когда я вернулась, ребята уже расселись по местам. Кормышова встретили как старого знакомого, и мне было приятно смотреть на его просветлевшее лицо. Мы ели торт и планировали, что стоит принести сюда первым делом. Анатолий Степанович подсказал, где тут розетка, и обещал ее проверить. Тогда можно будет подключить удлинитель и обустроить все гораздо комфортнее.

Чуть позже Кормышов взял гитару Максима и пытался спеть душевную балладу, но Сажнев перехватил инициативу и сыграл какую-то шуточную песню про медиков. Слова были смешными, но еще веселее кривлялся под них Андрей, и удержаться от смеха оказалось просто невозможно.

А на город уже спустилась холодная ночь октября, одевшая в звезды густую дымку небес. Время не замирало ни на миг, и тени прошлого постепенно растворялись в памяти. Я думала о том, что много лет назад в этой подсобке произошли страшные вещи, а теперь несколько человек сидят здесь, на том же самом месте, поют песни под гитару и смеются от души. Страница перевернулась, и в истории этой таинственной подсобки начинается новая глава, более счастливая и безмятежная.

Я улыбнулась своим мыслям и вспомнила слова, которые сказала однажды Борису. Сейчас они пришлись к месту. Человек не может все время думать о будущем. О том, что он сделает, что обретет. И так же он не должен слишком глубоко окунаться в прошлое. Ведь тогда он теряет настоящее, а в итоге — теряет все. Определенно точно я знала, что самое главное в жизни — настоящий момент и то, как я его проживаю.

Ведь этот момент и есть — моя жизнь.

[1] «Оставь надежду всяк сюда входящий» — фраза из «Божественной комедии» Данте Алигьери, написанная над воротами ада.

[2] Герострат — грек, прославившийся как поджигатель храма Артемиды в Эфесе.

[3] Бигль — порода собак, гончая

[4] Марсель Марсо — знаменитый французский актёр — мим.

[5] «...сожги как мост», — фраза из стихотворения И. Бродского «Прощай». 1957 год